W 20/274

история..
изд. 5

1384
W 20/274

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ДО НАЧАЛА РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

НОВОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

W 20/274

ИСТОРІЯ

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ДО НАЧАЛА РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ

ПЯТОЕ, ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
СѴНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ
1899

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 11-го Декабря 1898 г.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Климентъ*.

2007097055

Задача этого труда несложная и понятна будетъ всякой душѣ истинно христіанской; эта задача—внушить учащимся дѣтямъ любовь къ Церкви, научить любить ее *сознательно* за то, что она все превозмогла, и сберегла въ себѣ тотъ святой огонь, который Спаситель пришелъ Самъ низвести на землю! Горитъ огонь этотъ и понынѣ, и, если Богъ дастъ, даже эта малая книжка сможетъ зажечь его въ юныхъ сердцахъ, когда по прочтеніи ея станетъ имъ понятно чувство умиленія и благодарности за то, что соблюдена намъ наша Церковь во всей красотѣ своей!

Грустно и обидно, если при мысли объ «Исторіи Церкви» возникаетъ представленіе о заучиваніи извѣстныхъ фактовъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, какъ-то: последовательное перечисленіе семи Вселенскихъ Соборовъ съ обозначеніемъ цѣли каждаго и т. п... Исторія Церкви должна запечатлѣться не въ одной памяти, но въ сердцѣ каждаго, какъ таинственная исторія страданія, ради великой безконечной любви. Должно помнить, что всѣ тѣ, которые въ борьбѣ и страданіи претерпѣли до конца, терпѣли не только ради имени Божія, но нераздѣльно и ради Церкви Его: какъ во времена языческія, самыя страшныя гоненія не могли искоренить открытаго исповѣданія Господа, такъ и во времена иконоборства никакія страшныя гоненія не могли заставить отречься отъ св. иконъ, когда ихъ освятила Церковь, не могли заставить умолкнуть тѣ чудныя пѣснопѣнія, которыя именно во время преслѣдованій слагались съ такою любовію въ честь этихъ иконъ.

При должномъ отношеніи къ исторіи Церкви, скажется во всей полнотѣ великое значеніе самой Церкви, и станетъ понятно, что ничто не можетъ сокрушить ее и что она теперь та же, что была въ тѣ далекія времена:—источникъ нашей лучшей радости и единственное наше земное сокровище.

Наше сказаніе начинается съ описанія Рима въ ту пору, когда въ послѣдній разъ прибылъ въ Римъ св. Апостолъ Павелъ, и оканчивается въ ту пору, когда впервые упомянуто въ исторіи о нашей вновь просвѣщенной странѣ, и исторія Русской Православной Церкви сразу становится тождественною и уже нераздѣльною съ исторіею Русскаго народа.

Въ нашемъ разсказѣ мы не касаемся исторіи Церкви Апостольской, самыхъ первыхъ годовъ служенія Апостоловъ, не считая себя въ правѣ *перефразировать* сказанія самихъ Апостоловъ.

Наша книжка предназначена для учительской школы: дѣтямъ этихъ школъ уже знакома книга Дѣяній, пусть же привыкнутъ они прямо въ этой святой книгѣ находить простое вдохновенное сказаніе о томъ, какъ сложилась исторія Церкви съ самой той минуты, какъ пріяла она Духа Святаго. Пусть представленіе объ этихъ первыхъ годахъ роста Церкви останется во всей чистотѣ своей безъ примѣси нашего словосочиненія... Что можемъ мы убавить, или прибавить, напримѣръ, въ величавой картинѣ обращенія Савла? Священныя слова лучше сохранить и для ума и для сердца и для слуха въ неприкосновенной святости «Слова Божія», въ цѣльномъ составѣ той книги, въ которой они «сіяютъ лучезарною красою».

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ДѢЯНІЙ СВ. АПОСТОЛОВЪ.

Гл. I. Повелѣніе Господа Іисуса Христа.

Повелѣ имъ отъ Іерусалима не отлучатися, но ждати обѣтованія Отча. Яко Іоаннъ убо крестилъ есть водою, вы же имате креститися Духомъ Святымъ не по мнозѣхъ сихъ днехъ (ст. 4, 5).

Вознесеніе Господа.

И будете Ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли. И сія рекъ, зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ (ст. 8, 9).

Ожиданіе въ молитвѣ и моленіе объ исполненіи обѣщанія.

Избраніе на Апостольское служеніе новаго Апостола: жребій выпадаетъ—*Матѳію*.

Гл. II. Пятидесятница.

Сошествіе Святаго Духа на Апостоловъ. *И бысть внезапу съ небесе шумъ, яко носиму дыханію бурну, и явишася имъ раздѣлени языцы яко огненни, сѣдѣ же на единомъ коемждо ихъ. И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати* (ст. 2, 3, 4).

Великое смущеніе народа.

Мощное слово Петра: онъ приводитъ цѣлый рядъ *пророчествъ,* которыя ясно указываютъ на только-что совершившіяся событія, и въ заключеніе призываетъ народъ къ покаянію: *покайтеся, и да крестится кійждо васъ во*

имя Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ, и пріимете даръ Святаго Духа. Вамъ бо есть обѣтованіе и чадомъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, елики аще призоветъ Господь Богъ нашъ (ст. 38, 39).

Народъ умиляется сердцемъ: въ этотъ самый день крестится около 3000 душъ. Вѣрующіе пребываютъ въ любви и молитвѣ, и съ каждымъ днемъ спасаемые прилагаются къ Церкви.

Гл. III. Первое чудо: исцѣленіе хромого отъ рожденія.

Изумленіе и страхъ народа.

Петръ снова обращаетъ рѣчь свою къ народу: *Что чудитеся о семъ, или на ны что взираете, яко своею ли силою, или благочестіемъ сотворихомъ его ходити? И о вѣрѣ имене Его, сего, егоже видите и знаете, утверди имя его: и вѣра, яже Его ради, даде ему всю цѣлость сію предъ всѣми вами,* и снова заканчиваетъ эту свою рѣчь призывомъ къ покаянію тѣхъ, которые по невѣдѣнію распяли Христа: *вамъ первѣе Богъ, воздвигій Отрока Своего Іисуса, посла Его благословяща васъ, во еже отвратитися вамъ комуждо отъ злобъ вашихъ. Покайтеся убо и обратитеся, да очиститеся отъ грѣхъ вашихъ. Яко да пріидутъ времена прохладна отъ лица Господня* (ст. 12, 16, 19, 20, 26).

Гл. IV. Злоба и досада саддукеевъ.

Апостоловъ отдаютъ подъ стражу.

Первосвященники Анна, Каіафа и другіе, призвавъ Апостоловъ, требуютъ, чтобы они признались, *чьею* властью они сотворили чудо.

Петръ, исполнившись Духа Святаго, даетъ отвѣтъ: *Разумно буди всѣмъ вамъ и всѣмъ людемъ Израилевымъ, яко во имя Іисуса Христа Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Богъ воскреси отъ мертвыхъ, о Семъ сей стоитъ предъ вами здравъ* (ст. 10).

Первосвященники, недоумѣвая передъ смѣлостію этихъ простыхъ, некнижныхъ людей, и не имѣя возможности опровергать очевидное чудо, рѣшаютъ отпустить Апостоловъ, запретивъ имъ съ угрозою учить *о имени Іисуса.*

Но Петръ и Іоаннъ *единодушно воздвигоша гласъ къ Богу и рекоша: Владыко, Ты, Боже, сотворивый небо и землю и море и вся, яже въ нихъ! И нынѣ, Господи, призри на прещенія ихъ, и даждь рабомъ Твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово Твое* (ст. 24, 29)!

Многое множество народа увѣровало, и у увѣровавшихъ *бѣ сердце и душа едина.*

Гл. V. Апостолъ Петръ обличаетъ во лжи Ананію и Сапфиру. Кара Божія постигаетъ ихъ.

Чудеса исцѣленія продолжаются, народъ прославляетъ Апостоловъ.

Зависть первосвященниковъ и саддукеевъ возрастаетъ. Апостолы, по ихъ приказанію, заключены въ темницу. Ангелъ Господень ночью выводитъ ихъ изъ темницы. *Рече: идите и ставше глаголите въ церкви людемъ вся глаголы жизни сея* (ст. 20).

Изумленіе и ярость синедріона, когда узнали, что заключенные Апостолы на свободѣ и проповѣдуютъ въ церкви.

Апостолы передъ синедріономъ.

Смѣлые отвѣты Петра и другихъ Апостоловъ на вопросъ первосвященника: *не запрещеніемъ ли запретихомъ вамъ не учити о имени семъ?*—доводятъ гнѣвъ синедріона до крайнихъ предѣловъ. Замышляютъ умертвить ихъ.

Знаменитый законоучитель *Гамаліилъ* своею разумною рѣчью отклоняетъ членовъ синедріона отъ ихъ намѣренія наложить руки на Апостоловъ.

Апостолы съ радостію переносятъ безчестіе побіенія во имя Господа Іисуса.

Отпущенные съ повтореніемъ запрещенія говорить о

Христѣ, они продолжаютъ открыто благовѣствовать слово Божіе, и число вѣрующихъ все возрастаетъ.

Гл. VI. Ропотъ Еллинистовъ, недовольныхъ распредѣленіемъ пособій, ежедневно раздаваемыхъ Апостолами изъ общей казны.

Апостолы рѣшаютъ именно на это служеніе поставить 7 діаконовъ, чтобы самимъ пребывать *въ молитвѣ и служеніи слова.*

Рукоположеніе *Стефана, Филиппа,* и пяти другихъ діаконовъ.

Стефанъ силою своей проповѣди увлекаетъ многихъ: *многъ же народъ священниковъ послушаху вѣры* (ст. 7).

Лжесвидѣтели обвиняютъ его въ богохульствѣ.

Стефанъ передъ синедріономъ: *и воззрѣвше нань вси сѣдящіи въ сонмищи, видѣша лице его яко лице Ангела* (ст. 15).

Гл. VII. Рѣчь Стефана.

Въ этой знаменитой, вдохновенной своей рѣчи онъ послѣдовательно, точно возстановляетъ *всю* исторію Ветхаго Завѣта, начиная съ обѣтованія Бога Аврааму, и изрѣченіями самихъ пророковъ доказывая, что весь Ветхій Завѣтъ есть какъ бы подготовленіе къ принятію *того* Завѣта Новаго, котораго Израиль не захотѣлъ познать; онъ заканчиваетъ рѣчь грознымъ обличительнымъ словомъ: *жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы. Кого отъ пророкъ не изгнаша отцы ваши? и убиша предвозвѣстившія о пришествіи Праведнаго, Егоже вы нынѣ предателе и убійцы бысте* (ст. 51, 52).

По мѣрѣ того какъ говоритъ Стефанъ, ростетъ негодованіе и усиливается ярость синедріона; но когда Стефанъ, *исполнь Духа Свята, воззрѣвъ на небо,* воскликнулъ: *се вижу небеса отверста, и Сына Человѣча одесную*

стояща Бога (ст. 56), всѣ въ единодушномъ ужасѣ устремляются на него и влекутъ его за городъ, чтобы предать смерти: *каменіемъ побиваху его.—Преклонь же колѣна, возопи гласомъ веліимъ: Господи, не постави имъ грѣха сего. И сія рекъ успе* (ст. 60).

Гл. VIII. Тутъ же стоялъ юноша, нарицаемый *Савлъ. Савлъ же бѣ соизволяя убійству его* (ст. 1).

Гоненіе на Іерусалимскую Церковь.

Апостолы остаются въ Іерусалимѣ; ученики ихъ, разсѣявшись по Іудеѣ и Самаріи, благовѣствуютъ слово.

Проповѣдь Филиппа въ Самаріи: *и бысть радость велія во градѣ томъ* (ст. 8).

Ангелъ внушаетъ Филиппу идти по дорогѣ, ведущей въ Газу.

Встрѣча съ царскимъ евнухомъ, ѣдущимъ на колесницѣ и въ недоумѣніи читающимъ книгу пророка Исаіи. Филиппъ по внушенію Духа подходитъ къ колесницѣ: *отверзъ же Филиппъ уста своя и наченъ отъ писанія сего, благовѣсти ему Іисуса* (ст. 35).

Евнухъ изъявляетъ желаніе креститься, исповѣдуя вѣру свою: *вѣрую Сына Божія быти Іисуса Христа* (ст. 37).

Крещеніе евнуха.

Гл. IX. Савлъ.

Еще дыхая прещеніемъ и убійствомъ на ученики Господни (ст. 1), Савлъ испрашиваетъ у первосвященниковъ разрѣшеніе идти въ городъ Дамаскъ, въ которомъ было много послѣдователей ученія Христова, и тамъ утвердить гоненіе. *Внегда же ити, бысть ему приближитися къ Дамаску, и внезапу облиста его свѣтъ отъ небесе. И падъ на землю, слыша гласъ, глаголющь ему: Савле, Савле, что Мя гониши? Рече же: кто еси, Господи? Господь же рече: Азъ есмь Іисусъ, Егоже ты гониши:*

жестоко ти есть противу рожну прати. Трепеща же и ужасаяся глагола: Господи, что мя хощеши творити? И Господь рече къ нему: востани и вниди во градъ, и речется ти, что ти подобаетъ творити (ст. 3, 4, 5, 6).

Савлъ отъ сіянія свѣта теряетъ зрѣніе, его приводятъ незрящаго въ Дамаскъ.

Видѣніе Ананіи, повелѣніе исцѣлить Савла.

Смущеніе и возраженіе Ананіи. Ананія исцѣляетъ Савла: *и возложь нань руцѣ рече: Савле брате, Господь Іисусъ явлей ти ся на пути, имже шелъ еси, посла мя, яко да прозриши и исполнишися Духа Свята. И абіе отпадоша отъ очію его яко чешуя: прозрѣ же абіе и воставъ крестися* (ст. 17, 18).

Первая проповѣдь Савла въ Дамаскѣ. *И абіе на сонмищихъ проповѣдаше Іисуса, яко Сей есть Сынъ Божій* (ст. 20).

Недоумѣніе и изумленіе Іудеевъ, ихъ злоба на Савла; намѣреваются умертвить его.

Прибытіе Савла въ Іерусалимъ.

Недовѣріе и смущеніе Апостоловъ при встрѣчѣ съ Савломъ. Варнава повѣствуетъ Апостоламъ о всемъ бывшемъ съ Савломъ. *И бяше съ ними входя и исходя во Іерусалимъ, и дерзая о имени Господа Іисуса* (ст. 28).

Церковь преуспѣваетъ по всей Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи.

Петръ исцѣляетъ разслабленнаго въ г. Лиддѣ, воскрешаетъ дѣвицу Тавиѳу въ Іоппіи.

Гл. X. Видѣніе Римскаго сотника *Корнилія: видѣ въ видѣніи явѣ Ангела Божія сшедша къ нему и рекша ему: Корниліе! молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память предъ Бога... Призови Симона нарицаемаго Петра: той речетъ тебѣ глаголы, въ нихже спасешися ты и весь домъ твой* (ст. 3, 4, 5, 6).

Таинственное, троекратное видѣніе Петра.

Прибытіе въ Іоппію посланныхъ Корнилія.

По внушенію Духа, Петръ слѣдуетъ за ними въ Кесарію.

Корнилій со всѣмъ домомъ своимъ встрѣчаетъ Петра. Петръ *рече къ нимъ: вы вѣсте, яко не лѣпо есть мужу Іудеанину прилѣплятися или приходити ко иноплеменнику: и мнѣ Богъ показа ни единаго скверна или нечиста глаголати человѣка. Но во всякомъ языцѣ бояйся Его и дѣлаяй правду пріятенъ Ему есть* (ст. 28, 35).

Духъ Святый сходитъ на всѣхъ увѣровавшихъ еще во время благовѣствованія Петра.

Они всѣ крестятся во имя Іисуса Христа.

Недоумѣніе Іудеевъ, пришедшихъ съ Петромъ, что дары Духа Святаго изливаются и на язычниковъ.

Гл. XI. Апостолы по возвращеніи Петра въ Іерусалимъ упрекаютъ его за его общеніе съ язычниками.

Петръ повѣствуетъ имъ о своемъ таинственномъ видѣніи, во время котораго былъ *гласъ съ небесе*, ему *глаголющь: яже Богъ очистилъ есть, ты не скверни*, о явленіи Ангела Божія Корнилію и о ниспосланіи даровъ Духа Святаго на вновь увѣровавшихъ язычниковъ. *Слышавше же сія умолкоша и славляху Бога, глаголюще: убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ* (ст. 18).

Варнава посланъ на проповѣдь въ Антіохію, *и приложися народъ многъ Господеви* (ст. 24).

Прибытіе Савла также въ Антіохію; больше года оба Апостола учатъ въ Антіохійской Церкви. Въ Антіохіи въ *первый* разъ ученики ихъ стали называться *христіанами.*

Гл. XII. Гоненіе на Апостоловъ все усиливается.

По повелѣнію царя Ирода (внукъ того, кто избилъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ), преданъ смерти Іаковъ (братъ Іоанна), Петръ заключенъ въ темницу и назначенъ день его казни.

Чудесное явленіе Ангела Божія Петру въ ночь наканунѣ

казни: *и се Ангелъ Господень предста, и свѣтъ возсія въ храминѣ... И возбуди же Петра... И изшедъ* Петръ *вслѣдъ его идяше...*

Прошедша же первую стражу и вторую, пріидоста ко вратомъ желѣзнымъ, вводящымъ во градъ, яже о себѣ отверзостася има...

Апостолы всѣ вмѣстѣ въ ту ночь усердно молились Господу о Петрѣ.

Ихъ радость и изумленіе, когда Петръ вдругъ предсталъ предъ ними и разсказалъ имъ, какъ послалъ Господь Ангела Своего, чтобы избавить его отъ руки Ирода.

Гнѣвъ Ирода, вскорѣ страшная его кончина. *Слово же Божіе растяше и множашеся* (ст. 24).

Гл. XIII. Варнава и Савлъ откровеніемъ Божіимъ поставляются на великое служеніе: *рече духъ Святый: отдѣлите ми Варнаву и Савла на дѣло, на неже призвахъ ихъ* (ст. 2).

Оба принимаютъ *рукоположеніе*.

Савлъ выступаетъ на проповѣдь въ первый разъ какъ *Павелъ*.

Проповѣдь на островѣ Критѣ.

Обращеніе проконсула Сергія-Павла.

Волхвъ Елима, наказаніе его.

Прибытіе Варнавы и Павла въ Антіохію Писидійскую. День былъ субботній, они прямо идутъ въ синагогу.

По окончаніи служенія въ синагогѣ, начальники синагоги посылаютъ сказать имъ: *аще есть слово въ васъ утѣшенія къ людемъ, глаголите* (ст. 15).

Павелъ во вдохновенномъ словѣ возвѣщаетъ имъ о Господѣ Іисусѣ: *вѣдомо убо да будетъ вамъ, мужіе братіе, яко Его ради вамъ оставленіе грѣховъ проповѣдается: и отъ всѣхъ, отъ нихже не возмогосте въ законѣ Моисеовѣ оправдитися, о Семъ всякъ вѣруяй оправдается* (ст. 38, 39).

Іудеи, при видѣ впечатлѣнія, которое производятъ на народъ слова Павла, исполнены зависти и противорѣчатъ ему съ хулою и злословіемъ.

Варнава и Павелъ въ негодованіи дерзновенно обращаютъ къ нимъ рѣчь свою: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже отвергосте ѐ и недостойны творите сами себе вѣчному животу, се, обращаемся во языки* (ст. 46).

Радость язычниковъ. Слово Божіе быстро распространяется по всей странѣ.

Іудеи изгоняютъ Апостоловъ изъ своихъ предѣловъ. Апостолы же *исполняхуся радости и Духа Свята* (ст. 52).

Гл. XIV. Чудо въ Листрѣ: Павелъ своимъ словомъ исцѣляетъ хромого отъ рожденія.

Восторгъ народа, который восклицаетъ: *бози, уподобльшеся человѣкомъ, снидоша къ намъ* (ст. 11).

Въ знакъ благодарности весь народъ, со жрецами во главѣ, стремится совершить передъ ними, какъ передъ своими богами, жертвоприношеніе.

Ужасъ Апостоловъ. Обращеніе ихъ къ народу: *что сія творите? и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы, благовѣствующе вамъ, отъ сихъ суетныхъ обращатися къ Богу живу, Иже сотвори небо и землю и море и вся, яже въ нихъ* (ст. 15).

Нѣкоторые Іудеи, пришедши изъ Антіохіи, возбуждаютъ народъ противъ Апостоловъ.

Внезапная безсмысленная ярость народа.

Павелъ страшно побіенъ камнями.

Народъ, считая его мертвымъ, выбрасываетъ его за городъ.

Апостолы благовѣствуютъ въ Иконіи, въ Пергіи и Атталіи, рукополагаютъ пресвитеровъ въ каждой церкви и словомъ своимъ утверждаютъ души учениковъ: *молящеׁ* ихъ

пребыти въ вѣрѣ, и яко многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ Царствіе Божіе (ст. 22).

Возвращеніе въ Антіохію, откуда были посланы на проповѣдь: *пришедше и собравше Церковь, сказаша, елика сотвори Богъ съ ними, и яко отверзе языкомъ двери вѣры* (ст. 27).

Гл. XV. Іудеями возбуждается вопросъ объ обрѣзаніи и подчиненіи закону Моусея язычниковъ, принимающихъ христіанство. Для уясненія и окончательнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса созывается соборъ.

Первый соборъ въ Іерусалимѣ.

Рѣчь Апостола Петра: онъ напоминаетъ, какъ онъ первый былъ избранъ Господомъ для привлеченія къ Нему именно язычниковъ: *и Сердцевѣдецъ Богъ свидѣтельствова имъ, давъ имъ Духа Святаго, якоже и намъ: и ничтоже разсуди между нами же и онѣми, вѣрою очищь сердца ихъ. Благодатію Господа Іисуса Христа вѣруемъ спастися, якоже и они* (ст. 8, 9, 11).

Рѣчь Апостола Іакова. Онъ указываетъ на знаменательныя пророчества: *по сихъ обращуся и созижду кровъ Давидовъ падшій, и раскопаная его созижду, и исправлю его, яко да взыщутъ прочіи человѣцы Господа, и вси языцы, въ нихже наречется имя Мое, глаголетъ Господь* (ст. 16, 17), и предлагаетъ Собору придти къ рѣшенію не обременять соблюденіемъ закона Моусеева язычниковъ, обращенныхъ въ христіанство, и ихъ объ этомъ рѣшеніи извѣстить письменно.

Соборъ принимаетъ предложеніе Апостола Іакова.

Первое соборное посланіе, писанное къ *братьямъ изъ язычниковъ*. Оно заканчивается слѣдующими словами: *изволися бо Святому Духу и намъ, ничтоже множае возложити вамъ тяготы, развѣ нуждныхъ сихъ: отребатися отъ идоложертвенныхъ и крове и удавленины и блуда,*

и елика не хощете вамъ быти, другимъ не творите: отъ нихже соблюдающе себе, добрѣ сотворите (ст. 28, 29).

Павелъ, Варнава, Іуда и Сила, отправленные въ Антіохію, вручаютъ посланіе. *Прочетше же, возрадовашася о утѣшеніи* (ст. 31).

Варнава отдѣляется отъ Павла.

Гл. XVI. Павелъ, взявъ съ собою Силу и новаго ученика Тимоѳея, продолжаетъ дѣло благовѣствованія въ Малой Азіи, пока они не призваны Господомъ въ ночномъ видѣніи благовѣствовать въ Македоніи.

Прибытіе въ городъ Филиппы.

Обращеніе Лидіи, *ейже Господь отверзе сердце внимати глаголемымъ отъ Павла* (ст. 14).

Изгнаніе злаго духа изъ служанки-прорицательницы служитъ поводомъ къ волненію въ народѣ.

Павла и Силу влекутъ на площадь къ начальникамъ.

Имъ даютъ по приказанію воеводъ много ударовъ, ввергаютъ въ темницу, забивъ имъ ноги въ колоду.

Апостолы проводятъ всю ночь въ пѣніи молитвъ.

Въ полночь землетрясеніе, раскрываются двери, распадаются узы.

Ужасъ темничнаго стража: *трепетенъ бывъ, припаде къ Павлу и Силѣ, и изведъ ихъ вонъ, рече: Господіе, что ми подобаетъ творити, да спасуся? Она же рекоста: вѣруй въ Господа Іисуса Христа* (ст. 29, 30, 31).

Въ ту же ночь онъ беретъ ихъ въ домъ свой и крестится самъ и всѣ домашніе его.

Воеводы, узнавъ, что Апостолы—Римскіе граждане, приходятъ въ страхъ, извиняются передъ ними и просятъ удалиться изъ Филиппъ.

Гл. XVII. Павелъ благовѣствуетъ въ Ѳессалоникѣ и Веріи: *мнози убо отъ нихъ вѣроваша, и отъ Еллинскихъ женъ благообразныхъ и мужей не мало* (ст. 12).

Іудеи не перестаютъ возбуждать народъ противъ Павла. Павелъ долженъ удалиться и изъ Веріи.

Павелъ въ Аѳинахъ: *раздражашеся духъ его въ немъ, зрящемъ идолъ полнъ сущъ градъ* (ст. 16).

Онъ ежедневно учитъ въ синагогахъ Іудейскихъ и на торжищахъ.

Философы разныхъ философскихъ школъ входятъ съ нимъ въ препирательства и споры.

Приводятъ его въ ареопагъ, говоря: *странна бо нѣкая вмиаеши во ушеса наша, хощемъ убо разумѣти, что хотятъ сія быти* (ст. 20).

Павелъ передъ ареопагомъ. Рѣчь его.

Во вдохновенномъ, огненномъ словѣ онъ предъ лицемъ всего образованнаго міра исповѣдуетъ Бога своего: *проходя бо и соглядая чествованія ваша, обрѣтохъ и капище, на немже бѣ написано: невѣдомому Богу. Егоже убо не вѣдуще чтете, Сего азъ проповѣдую вамъ. Богъ сотворивый міръ и вся, яже въ немъ, Сей небесе и земли Господь сый, не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ, ни отъ рукъ человѣческихъ угожденія пріемлетъ. требуя что, Самъ дая всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (ст. 23, 24, 25).

Аѳиняне слушаютъ со вниманіемъ, но относятся легкомысленно ко всему слышанному, о воскресеніи же мертвыхъ разсуждаютъ насмѣшливо. *И тако Павелъ изыде отъ среды ихъ* (ст. 33).

Гл. XVIII. Павелъ въ Коринѳѣ.

Акила и Прискилла; съ ними Павелъ занимается ремесломъ: дѣланіемъ палатокъ.

Павелъ проповѣдуетъ и Еллинамъ и Іудеямъ.

Іудеи продолжаютъ со злобою хулить всячески ученіе Христово.

Грозное къ нимъ слово Павла: *кровь ваша на главахъ вашихъ: чистъ азъ, отнынѣ во языки иду* (ст. 6).

Обращеніе Криспа начальника синагоги и многихъ другихъ.

Іудеи приводятъ Павла на судъ къ правителю Галліону.

Галліонъ не принимаетъ ихъ жалобы, не желая быть судьею въ спорѣ, касающемся ученія о вѣрѣ.

Видѣніе Павла: *рече же Господь въ видѣніи нощнѣмъ Павлу: не бойся, но глаголи и да не умолкнеши: зане Азъ есмь съ тобою, и никтоже приложитъ озлобити тя* (ст. 9, 10).

Павелъ остается въ Коринѳѣ годъ и шесть мѣсяцевъ, непрестанно уча слову Божію.

Гл. XIX. Павелъ снова въ Ефесѣ.

Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ въ Ефесѣ благовѣствуетъ, творя не мало чудесъ: *силы же не простыя творяше Богъ рукама Павловыма* (ст. 11).

Сице крѣпко слово Господне растяше и крѣпляшеся (ст. 20).

Утвердивъ церковь въ Ефесѣ, Ап. Павелъ рѣшаетъ побывать предварительно въ Іерусалимѣ и потомъ идти *въ Римъ*.

Мятежъ въ Ефесѣ. Серебряникъ Димитрій.

Ап. Павелъ покидаетъ Ефесъ.

Гл. XX. Въ Троадѣ онъ воскрешаетъ юношу Евтихія.

Въ Милитѣ, передъ тѣмъ какъ отплыть въ Палестину, Павелъ вызываетъ изъ Ефеса пресвитеровъ Ефесской церкви.

Послѣдняя его бесѣда съ ними.

Это прощальное его слово есть выраженіе его любви къ Церкви Христовой, его заботы о чадахъ этой Церкви и также его всецѣлой, *радостной* преданности тому служенію, которое онъ пріялъ во имя Господа Іисуса: *гряду во Іерусалимъ, яже въ немъ хотящая приключитися мнѣ не вѣдый. Точію яко Духъ Святый по вся грады свидѣтель-*

свидетельствуетъ, глаголя, яко узы мене и скорби ждутъ. Но ни едино же попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ, развѣ еже скончати теченіе мое съ радостію и службу, юже пріяхъ отъ Господа Іисуса (ст. 22, 23, 24). *Бдите, поминающе, яко три лѣта нощь и день не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ. Вся сказахъ вамъ, яко тако труждающымся подобаетъ заступати немощныя, поминати же слово Господа Іисуса, яко Самъ рече: блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати* (ст. 31, 35).

Общая колѣнопреклоненная молитва.

Со слезами провожаютъ Апостола на корабль.

Гл. XXI. По всему пути, въ разныхъ городахъ ученики Павла умоляютъ его не слѣдовать въ Іерусалимъ.

Таинственныя слова прор. Агава.

Павелъ *рече:... азъ бо не точію связанъ быти хощу, но и умрети во Іерусалимѣ готовъ есмь за имя Господа Іисуса* (ст. 13).

Ученики перестаютъ уговаривать его: *умолчахомъ, рекше: воля Господня да будетъ* (ст. 14).

Прибытіе Павла въ Іерусалимъ.

Ап. Іаковъ совѣтуетъ Павлу, въ надеждѣ сближенія съ Іудеями, принять участіе въ исполненіи обрядовъ закона Моисеева.

Іудеи, при видѣ Павла въ ихъ храмѣ, приходятъ въ неудержимую ярость. Мгновенно волненіе охватываетъ весь городъ: *яко весь возмутися Іерусалимъ.* Съ криками и побоями разъяренная толпа устремляется на Павла и влечетъ его на казнь.

Начальникъ войска освобождаетъ его изъ рукъ черни, приказываетъ сковать въ цѣпи и отвести въ крѣпость.

При входѣ въ крѣпость Павелъ испрашиваетъ позволеніе говорить народу.

Гл. XXII. *Павелъ, стоя на степенехъ, помаавъ рукою къ людемъ, многу же безмолвію бывшу, возгласи Еврейскимъ языкомъ, глаголя* (гл. 21, ст. 40): *услышите мой къ вамъ нынѣ отвѣтъ* (ст. 1).

Въ краткихъ чертахъ онъ воспроизводитъ передъ ними исторію всей своей жизни: какъ былъ онъ строгій ревнитель закона Моисеева и жестоко, безжалостно гналъ послѣдователей Христа, какъ на пути его въ Дамаскъ чудное видѣніе отверзло его душевныя очи, и онъ тутъ же самъ призвалъ имя Того Іисуса, Котораго гналъ, какъ, наконецъ, стоя на молитвѣ въ храмѣ Іерусалимскомъ, онъ пришелъ въ изступленіе: *и видѣти Его глаголюща ми: потщися и изыди скоро изъ Іерусалима, занѐ не пріимутъ свидѣтельства твоего, еже о Мнѣ. Иди, яко Азъ во языки далече послю тя* (ст. 18, 21).

Іудеи прерываютъ его слово съ яростными криками.

Начальникъ воиновъ повелѣваетъ предать его бичеванію, но узнавъ, что онъ Римскій гражданинъ, отмѣняетъ казнь и, созвавъ весь синедріонъ, выводитъ Павла на судъ.

Гл. XXIII. *Воззрѣвъ же Павелъ на сонмъ рече: азъ всею совѣстію благою жительствовахъ предъ Богомъ даже до сего дне. Азъ фарисей есмь, сынъ фарисеовъ: о упованіи и воскресеніи мертвыхъ азъ судъ пріемлю* (ст. 1, 6).

Ожесточенная распря между фарисеями и саддукеями.

Начальникъ воиновъ опасается, чтобы саддукеи не растерзали Павла.

Павла уводятъ обратно въ крѣпость.

Видѣніе Павла. *Въ наставшую же нощь представъ ему Господь, рече: дерзай, Павле: якоже бо свидѣтельствовалъ еси, яже о Мнѣ, во Іерусалимѣ, сице ти подобаетъ и въ Римѣ свидѣтельствовати* (ст. 11).

Тайный заговоръ Іудеевъ убить Павла на пути изъ крѣпости въ синедріонъ.

Ночью подъ сильною охраною конныхъ и пѣшихъ воиновъ Павла ведутъ въ Кесарію къ правителю Феликсу.

Гл. XXIV. Обвинители Павла также спѣшатъ въ Кесарію.

Павелъ на судѣ предъ правителемъ Феликсомъ.

Оправдательная рѣчь Павла производитъ видимо глубокое впечатлѣніе на правителя Феликса.

Онъ откладываетъ рѣшеніе дѣла.

Однако въ угоду Іудеямъ содержитъ Павла въ узахъ еще два года.

Гл. XXV. Преемникъ Феликса, правитель Фестъ.

Снова первосвященники Іудейскіе требуютъ суда надъ Павломъ, съ тѣмъ, чтобы его привели изъ Кесаріи въ Іерусалимъ. *Рече же Павелъ: на судищи кесаревѣ стоя есмь, идѣже ми достоинъ судъ пріяти. Іудей ничимже обидѣхъ* (ст. 10).

Тогда Фестъ рѣшаетъ отправить его въ Римъ: *кесаря ли нареклъ еси? къ кесарю пойдеши* (ст. 12).

Торжественный пріемъ царя Агриппы и царицы Верениви.

Фестъ сообщаетъ имъ о дѣлѣ Павла. *Наутріе же пришедшу Агриппѣ и Верникіи со многою гордостію, и вшедшымъ въ судебную палату... и повелѣвшу Фисту, приведенъ бысть Павелъ* (ст. 23).

Гл. XXVI. Рѣчь Павла къ царю Агриппѣ. Онъ выясняетъ причины гоненія на него Іудеевъ: *и нынѣ о упованіи обѣтованія, бывшаго отъ Бога ко отцемъ нашымъ, стою судимь* (ст. 6), указываетъ на видѣнія и откровенія, которыми былъ призванъ на великое служеніе свое: *Азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ и достояніе во святыхъ вѣрою, яже въ Мя* (ст. 17, 18).

Агриппа слушаетъ Павла съ глубокимъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ. *Агриппа же Павлу рече: «вмалѣ мя препираеши христіанина быти»* (ст. 28).

Царь и всѣ слушавшіе оправдательную рѣчь Павла находятъ, что онъ ничего достойнаго смерти или узъ не сдѣлалъ.

Царь своею властію освободить его не можетъ, такъ какъ Павелъ уже потребовалъ суда у кесаря.

Гл. XXVII. Павелъ порученъ съ другими узниками сотнику Юлію и отплываетъ въ Италію.

Противный вѣтеръ.

Страшная буря, страхъ и ужасъ спутниковъ Павла.

Павелъ ободряетъ ихъ, говоря, что изъ нихъ никто не погибнетъ: *предста бо ми въ сію нощь Ангелъ Бога, Егоже азъ есмь, Емуже служу, глаголя: не бойся, Павле, кесарю ти подобаетъ предстати, и се, дарова тебѣ Богъ вся плавающыя съ тобою* (ст. 23, 24).

Гл. XXVIII. Корабль попадаетъ на мель.

Всѣ спасаются на берегъ острова Мелита (Мальты).

Жители встрѣчаютъ сострадательно и дружелюбно.

Укушеніе ехидны не причиняетъ вреда Павлу, жители воображаютъ, что онъ богъ.

Исцѣленіе Публія и многихъ другихъ отъ разныхъ недуговъ.

Признательность жителей острова.

Прибытіе Павла въ Римъ.

И отъ тамо братія, слышавше яже о насъ, изыдоша въ срѣтеніе наше... Ихже видѣвъ Павелъ и благодаривъ Бога, пріятъ дерзновеніе (ст. 15).

Павлу дозволяютъ жить особо отъ другихъ узниковъ.

Онъ созываетъ знатныхъ Іудеевъ, живущихъ въ Римѣ объясняетъ имъ, почему онъ искалъ суда кесаря.

Іудеи изъявляютъ желаніе слышать отъ самого Павла о его ученіи, которое вездѣ возбуждаетъ столько споровъ.

Одни принимаютъ это ученіе, другіе не вѣрятъ ему и уходятъ.

Послѣднее слово Павла къ Іудеямъ: *добрѣ Духъ Святый глагола Исаіемъ пророкомъ ко отцемъ нашымъ, глаголя: иди къ людемъ симъ и рцы: слухомъ услышите и не имате разумѣти: и видяще узрите и не имате видѣти. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не како увидятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ и обратятся, и исцѣлю ихъ. Вѣдомо убо да будетъ вамъ, яко языкомъ послася спасеніе Божіе, сіи и услышатъ* (ст. 25, 26, 27, 28).

Апостолъ Павелъ два года открыто проповѣдуетъ въ Римѣ слово Божіе, *и пріимаше вся приходящыя къ нему* (ст. 30).

I.

РИМЪ.

ПЕРВОЕ ГОНЕНІЕ.

СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫЕ АПОСТОЛЫ ПЕТРЪ И ПАВЕЛЪ.

Когда Апостолы Христовы явились въ міръ съ проповѣдью Евангелія, люди языческаго міра, сидѣвшіе во тьмѣ, впервые увидѣли «свѣтъ велій» и услышали слово истины и спасенія.

Весь извѣстный тогда міръ былъ подъ властію Рима, но ни въ народѣ, ни въ правителяхъ его не было вѣры, а безъ вѣры человѣчество развращается и гибнетъ. Правда всѣ большіе города Римской имперіи были наполнены великолѣпными храмами, посвященными ложнымъ богамъ, всюду возвышались художественныя ихъ статуи и приносились жертвы, но люди ученые и образованные перестали уже вѣрить богамъ своимъ, а для простого народа обряды служенія этимъ богамъ служили только зрѣлищемъ, не давая никакого утѣшенія и никакой надежды. Но какъ человѣкъ не можетъ быть безъ всякой вѣры, то вмѣсто вѣры истинной распространились суевѣрія всякаго рода. Вся жизнь Римлянъ была полна обрядовъ,

совершаемыхъ изъ суевѣрнаго страха предъ таинственными враждебными силами, заклинаній, гаданій и волшебствъ. Жрецы, совершавшіе всѣ эти обряды, сами въ нихъ не вѣрили, но прилежно совершали ихъ, обманывая народъ. При всемъ томъ языческая религія почиталась государственною и поддерживалась государствомъ; съ паденіемъ вѣры въ идоловъ число ихъ не только не уменьшалось, но еще умножалось тѣми ложными богами, которыхъ приносили съ собою въ Римъ покоренные народы. Раболѣпный страхъ предъ императорами довелъ до оботворенія злодѣевъ, смѣнявшихся на тронѣ: въ честь Тиверіи и Калигулы воздвигались алтари, возносились жертвы, курился ѳиміамъ, и совершеніе обряда въ честь ихъ считалось свидѣтельствомъ вѣрности и любви къ отечеству, а уклоненіе отъ того—измѣною.

Римъ обогатился награбленными отъ всѣхъ покоренныхъ народовъ сокровищами; но эти сокровища не обращались на пользу народную и не составляли народнаго богатства. Они послужили лишь къ непомѣрному обогащенію правителей и знатныхъ сановниковъ, распространяя повсюду жадность къ пріобрѣтенію новыхъ богатствъ отъ народнаго угнетенія, чрезвычайную роскошь и всеобщій развратъ. Съ умноженіемъ роскоши и разврата распространилась жестокость въ народахъ и страсть къ зрѣлищамъ, возбуждающимъ страсти. Любимымъ народнымъ зрѣлищемъ стали гладіаторскія игры, на коихъ борцы бились другъ съ другомъ на смерть и дикіе звѣри терзали людей, брошенныхъ имъ на съѣденіе, или театральныя представленія, на которыхъ выставлялись на видъ самыя безнравственныя дѣйствія и отвратительные пороки. Рабы, въ безчисленномъ множествѣ собранные со всѣхъ

концовъ міра, несли на себѣ весь трудъ въ общественной жизни и въ домашнемъ быту владѣльцевъ. Будучи людьми, имѣя, подобно всѣмъ, безсмертную душу, нерѣдко образованіе и художество, они считались не за людей, а за вещь, не имѣли никакихъ правъ и состояли на полной волѣ—жизни, терзанія и смерти, у безчеловѣчныхъ и развратныхъ господъ своихъ.

До того доходило это ужасное состояніе общества въ древнемъ Римѣ, что въ немъ не было уже, какъ многимъ казалось, мѣста правдѣ, добродѣтели и чистотѣ. Одинъ изъ лучшихъ Римлянъ, философъ Сенека, писалъ такъ о своемъ отечествѣ: «міръ исполненъ преступленій и пороковъ — и нѣтъ средства избавиться отъ этого зла. Порокъ, попирая все доброе и священное, рыщетъ повсюду на своей волѣ и уже ни отъ кого не скрывается. Порочная злоба стала такъ безстыдна, такъ проникла во всѣ сердца, что уже нельзя и искать чистоты и невинности: ее не найдешь нигдѣ».

Но выйти изъ такого безотраднаго состоянія, по мнѣнію этихъ лучшихъ людей древности, человѣчество было безсильно. Для этого, утверждали они, нужна была сверхъестественная Божественная помощь, нуженъ былъ тотъ небесный Посланникъ, о Которомъ говорилось въ священныхъ книгахъ Іудейскаго народа, и ожиданіемъ Котораго былъ тогда исполненъ весь Іудейскій міръ. Дѣйствительно, всѣ надежды порабощенной Риму Іудеи были обращены къ будущему Мессіи. Когда Іоаннъ Креститель выступилъ на проповѣдь, изъ Іерусалима къ нему было послано посольство спросить—*не онъ ли Мессія?* Простыя женщины, рыбари, Самаряне, люди изъ грубаго народа, *знали* всѣ *пророчества*, возвѣщавшія о Іисусѣ Христѣ,

Спасителѣ людей... вся Іудея томилась въ ожиданіи своего Избавителя. Но всегда считавшіе себя народомъ избраннымъ, народомъ Божіимъ, Іудеи не могли допустить мысли оставаться вѣчно въ порабощеніи другимъ народамъ, и въ обѣщанномъ Мессіи ждали Царя-Завоевателя, Который дастъ земное царство славы одному Еврейскому народу. Гордый своею истинною религіей, бывшею только у него одного, Еврейскій народъ ожидалъ и Мессію только для *одного* себя, какъ народа избраннаго. Признаки явленія Мессіи, означенные въ книгахъ пророковъ, всѣмъ казались теперь близкими—все ждало обновленія,—и среди этой тьмы вдругъ засіялъ тихій лучъ Божественнаго свѣта и благодать ученія Христова впервые коснулась человѣчества, погрязшаго въ идольской лести, въ заблужденіяхъ, порокахъ и бѣдствіяхъ всякаго рода. Всѣ сердца, въ коихъ оставалось еще желаніе ощутить цѣль своей бѣдственной жизни, и правду, коей посреди ея нигдѣ не находили, всѣ пресыщенные наслажденіями порока, равно какъ и всѣ труждающіеся и обремененные, со всею горячностью вѣрованія, принимали въ душу новое слово любви, проповѣдуемое Апостолами. Новая вѣра явила имъ въ первый разъ Бога *Отца* всякой живой души, Имъ созданной по образу Своему и подобію, Бога, изъ любви къ падшему человѣку снисшедшаго на землю, въ лицѣ Сына Божія, и съ Собою воскресившаго человѣка на вѣчную жизнь. Проповѣдниками Евангелія явились живые свидѣтели о Христѣ, съ Нимъ жившіе и Имъ посланные въ міръ, и по ихъ пламенному слову у старцевъ и юношей, у женъ и дѣвъ и малыхъ дѣтей сердца загорались любовію ко Христу, любовію крѣпкою паче смерти.

Христіанская вѣра распространилась сперва въ кругу людей бѣдныхъ и незначительныхъ, и довольно долго не привлекала вниманія правительства и языческаго общества. Точно Самъ Господь охранялъ начало Святой Церкви Своей: въ тишинѣ, какъ бы въ тайнѣ лица Его, росла она и крѣпла, измѣняя и жизнь и сердца увѣровавшихъ, приготовляя ихъ къ принятію предстоявшаго имъ подвига. Въ великолѣпныхъ чертогахъ Рима еще совершались возліянія въ честь языческихъ кумировъ, а въ мрачныхъ его подземельяхъ уже зарождалась новая жизнь... туда во множествѣ стекались христіане для молитвы, для слушанія слова Божія, и какъ воины Христовы ждали *призыва*, памятуя въ сердцахъ своихъ слово Спасителя, сказанное въ виду предстоящихъ гоненій на Его ученіе: «не пріидохъ воврещи миръ на землю, но мечь» (Матѳ. X, 34).

Когда насталъ часъ, весь Іудейскій и языческій міръ воздвигъ гоненіе на христіанъ. Іудеи возненавидѣли христіанъ какъ послѣдователей Того, Кого они сами не захотѣли познать, и непримиримую свою на нихъ злобу выразили убіеніемъ первомученика Стефана, который въ грозной, вдохновенной рѣчи, возвѣстивъ имъ паденіе Ветхаго Завѣта, обличилъ ихъ въ противленіи Самому Духу Святому за то, что Завѣта Новаго они не захотѣли *принять*.

Язычники, которые долго смотрѣли на христіанство какъ на Іудейскую секту, возненавидѣли его, когда, сознавъ свою ошибку, поняли, что это новое ученіе обращено не къ одному какому-нибудь народу, но стремится собою объять весь міръ, и увидали, на сколько оно, почти ни кѣмъ непримѣченное, успѣло уже распространиться, подрывая основы народ-

ной религіи, грозя поколебать весь строй языческой жизни!

Римское правительство сочло своею обязанностью препятствовать распространенію этой новой вѣры, и вступленіе въ эту вѣру, съ той поры, стало считаться государственною измѣною.

Гоненіе на христіанъ, со стороны язычниковъ, начинается собственно при императорѣ Неронѣ. До того времени если были преслѣдованія, то лишь частныя и случайныя.

Извергъ-императоръ, губившій для своего удовольствія жизнь и благосостояніе своихъ подданныхъ, однажды для своего развлеченія сжегъ болѣе половины Рима. Голосъ народный винилъ его самого въ этомъ пожарѣ; чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе и успокоить волновавшійся народъ, Неронъ обвинилъ въ поджогѣ—христіанъ. Народъ легко повѣрилъ этой клеветѣ; подстрекаемый жрецами, онъ давно смотрѣлъ съ отвращеніемъ на христіанъ какъ на безбожниковъ, на людей преступныхъ и самыхъ порочныхъ. Ярость черни не знала предѣловъ... начались доносы, казни— и правительство воздвигло гоненіе, которое распространилось по всѣмъ областямъ имперіи и продолжалось около четырехъ лѣтъ, до самой смерти Нерона. Въ Римѣ гоненіе было особенно жестоко. Христіанъ зашивали въ звѣриныя шкуры и бросали на растерзаніе псамъ, распинали ихъ на крестахъ; иныхъ обмазывали смолянистымъ составомъ, и, привязавъ къ столбамъ, зажигали. Сами язычники, привыкшіе къ кровавымъ зрѣлищамъ, содрогались отъ ужаса при видѣ страданій христіанъ.

Именно во время этого жестокаго гоненія находились въ Римѣ святые Апостолы Петръ и Павелъ.

Не взирая на опасность, они безстрашно проповѣдывали Евангеліе. Раздраженный распространеніемъ ученія Христова, Неронъ сталъ искать святыхъ Апостоловъ, чтобы предать ихъ казни. Вскорѣ оба, и Петръ и Павелъ, заключены были въ темницу. Тутъ, какъ говоритъ преданіе, святые Апостолы пробыли около девяти мѣсяцевъ, обратили стражей темничныхъ и совершали чудеса. Въ послѣднемъ посланіи къ Тимоѳею, писанномъ изъ заключенія, Апостолъ Павелъ говоритъ: «Меня уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія наступило. Подвигомъ добрымъ я подвизался, поприще кончилъ, вѣру сохранилъ; теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный; и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его».

Апостоловъ осудили на смертную казнь. Петръ сперва былъ свидѣтелемъ казни жены своей, и затѣмъ самъ претерпѣлъ крестную смерть, считавшуюся у Римлянъ самою позорною. Св. отцы Церкви указываютъ, что Господь предрекъ ему крестную смерть, сказавъ ему извѣстныя слова: «егда состарѣешися, *воздѣжеши руцѣ* твои, и инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши» (Іоан. XXI, 18).

Святый Апостолъ Павелъ, какъ Римскій гражданинъ огражденный отъ позорной казни, былъ обезглавленъ мечемъ. Полагаютъ, что христіане погребли тѣла святыхъ учителей въ катакомбахъ или подземельяхъ, которыхъ было много въ Римѣ. Вѣрующіе часто собирались на молитву на гробницы великихъ Апостоловъ и благоговѣйно чтили ихъ память.

Вотъ что пишетъ о святыхъ Апостолахъ святый Климентъ, который жилъ въ Римѣ одновременно съ ними и раздѣлялъ ихъ апостольскіе труды. «Много

претерпѣлъ Петръ отъ неправды людской, и такъ совершивъ свое мученичество, достигъ уготованнаго ему мѣста славы. Павелъ въ борьбѣ со злобою явилъ примѣръ долготерпѣнія и стяжалъ вѣнецъ нетлѣнный. Семь разъ былъ онъ въ оковахъ, претерпѣлъ ссылку, побиваемъ камнями, но проносилъ слово Божіе на востокъ и до крайнихъ предѣловъ запада, проповѣдуя праведность въ цѣломъ мірѣ; наконецъ, претерпѣвъ мученичество у владыкъ земныхъ, отшелъ на мѣсто святое изъ здѣшняго міра».

Святый Апостолъ Петръ былъ по преимуществу «Апостоломъ обрѣзанія», Апостоломъ для Іудеевъ, и оба соборныя его посланія обращены къ «избраннымъ пришельцамъ разсѣянія», т. е. къ Іудеямъ вѣрующимъ, разсѣяннымъ между язычниками, въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Вавилонѣ. Главное же дѣло его, по завѣту Господню, было въ Іерусалимѣ, гдѣ въ первое время является онъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и служитъ по истинѣ камнемъ для созиданія Церкви, и ему суждено было первому открыть двери царствія сначала Іудеямъ, потомъ и язычникамъ. Павелъ былъ «Апостолъ необрѣзанія», Апостолъ язычниковъ. Еще *Савлу* явился въ чудномъ видѣніи Самъ Господь и сказалъ ему: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя.* И Савлъ, подъ именемъ уже *Павла*, понесъ имя Божіе въ отдаленныя страны, возвѣщая людямъ, что Новымъ Завѣтомъ упразднено различіе между Іудеемъ и язычникомъ, что и безъ обрядоваго закона Моисеева всякому доступна благодать черезъ вѣру, что не буква закона, но духъ вѣры и любви есть основаніе христіанской жизни, что всѣ—*Христіане*; и Іудеи, и Еллинъ, и рабъ и свободный—всѣ равно и одинаково составляютъ одно тѣло, единую Церковь, коей Глава—Христосъ.

Болѣе всѣхъ другихъ Апостоловъ онъ трудился, болѣе всѣхъ другихъ страдалъ... самъ онъ горѣлъ духомъ, былъ великій проповѣдникъ любви христіанской и въ своихъ вдохновенныхъ посланіяхъ огненными, таинственными словами начерталъ для насъ, чѣмъ должна быть жизнь тѣхъ, кто принялъ на себя званіе послѣдователя Господа Іисуса Христа.

II.

СВЯТЫЕ АПОСТОЛЫ.

Господь Іисусъ, когда повелѣлъ Апостоламъ Своимъ проповѣдывать Евангеліе, предрекъ имъ, что они за то подвергнутся гоненіямъ отъ людей, что ихъ станутъ ненавидѣть ради имени Его и обвинять предъ правителями и царями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Господь обѣщалъ имъ всесильную помощь; обѣщалъ быть всегда съ Церковію Своею; обѣщалъ, что Духъ Святый внушитъ имъ мудрость и твердость и силу слова; что именемъ Христа они будутъ творить знаменія и чудеса.

Послѣ сошествія Святаго Духа Апостолы въ первое время благовѣствовали во Іерусалимѣ, гдѣ надлежало имъ, по завѣту Христову, прежде всего свидѣтельствовать о Воскресеніи. Здѣсь въ совокупномъ собраніи, по вдохновенію свыше, они сложили и первый «Символъ вѣры», извѣстный подъ именемъ Символа *Апостольскаго*, и состоящій изъ двѣнадцати членовъ.

1. Вѣрую въ Бога Отца Всемогущаго; 2. Творца неба и земли. 3. Вѣрую во Іисуса Христа, Сына Его единороднаго, Господа нашего; 4. Который зачатъ былъ отъ Духа Святаго, рожденъ отъ Маріи Дѣвы; 5. Пострадалъ при Понтіи Пилатѣ, распятъ, умеръ и погребенъ; 6. сошелъ во адъ, въ третій день воскресъ изъ мертвыхъ; 7. восшелъ на небеса, сѣдитъ одесную Бога Отца всемогущаго. 8. Оттолѣ пріидетъ судить

живыхъ и мертвыхъ. 9. Вѣрую и въ Духа Святаго, святую Церковь соборную; 10. общеніе Святыхъ; 11. воскресеніе плоти; 12. жизнь вѣчную.

За тѣмъ разошлись они по тому же *слову* «даже до послѣднихъ земли», проповѣдуя Евангеліе, совершая крещеніе, утверждая церкви.

Голодъ и холодъ, преслѣдованія, темницы, смерть— ничто не останавливало ихъ; глаголомъ они жгли сердца людей; вездѣ, гдѣ они появлялись, возникали новыя церкви. По словамъ современниковъ, христіанство какъ зараза проникало всюду—не только въ города, но и въ села и деревни, такъ что пустѣли языческіе храмы, сами собою прекращались языческія празднества.

Объяснить какими бы то ни было *причинами* быстрое распространеніе Евангелія на огромномъ пространствѣ, между многими тысячами людей—невозможно: это распространеніе есть *само по себѣ чудо.*

Святый Апостолъ Іаковъ былъ епископомъ Іерусалимской Церкви, и одинъ изъ Апостоловъ жилъ постоянно въ Іерусалимѣ. Своею праведною жизнію, строгимъ подвижничествомъ, постомъ, непрестанною молитвою въ храмѣ, онъ пріобрѣлъ уваженіе даже невѣровавшихъ Іудеевъ и снискалъ себѣ особую любовь всего народа тѣмъ, что хотя одобрилъ рѣшеніе Апостольскаго Собора, постановившаго, что обряды закона Моисеева не обязательны для обращенныхъ изъ язычества, самъ строго соблюдалъ ихъ. Ему одному дозволялось во всякое время входить въ ту часть храма Іерусалимскаго, куда даже первосвященники входили только разъ въ годъ. Всѣ звали его праведнымъ и твердынею народною. Вотъ какъ повѣствуетъ о немъ одинъ историкъ того времени: Многіе Іудеи,

по слову его, увѣровали во Христа—даже нѣкоторые изъ старѣйшинъ. Это встревожило фарисеевъ и книжниковъ. Зная, какъ народъ любитъ Іакова, и думая, что народъ идетъ ко Христу ради его слова и его праведности, они стали уговаривать его, чтобъ остановилъ народъ и отговорилъ его отъ вѣры во Христа—Мессію распятаго. И такъ, когда на Пасху сошлось множество народа въ Іерусалимъ, они поставили Іакова на крилѣ церковномъ, чтобы онъ держалъ рѣчь къ народу. Тогда Іаковъ громогласно сказалъ: «что вопрошаете меня объ Іисусѣ, Сынѣ Человѣческомъ? Онъ сидитъ на небесахъ одесную силы Божіей, и опять пріидетъ на облакахъ небесныхъ судить живыхъ и мертвыхъ».

Тогда вѣрующіе, въ народѣ, воскликнули радостно: «Слава Богу! Осанна Сыну Давидову!» Но раздраженные фарисеи и книжники стали кричать: «Праведный заблуждаетъ, свергнемъ его—тогда народъ перестанетъ ему вѣрить», и низринувъ его, стали побивать камнями. Праведный, собравъ послѣднія силы, сталъ на колѣна, поднялъ руки къ небу и громогласно молился, говоря: «Господи Боже, прости имъ! они не вѣдаютъ, что творятъ»! Пока его били, нѣкто, священникъ изъ племени Рихава, бросился въ народъ съ крикомъ: «что вы дѣлаете? Праведный молится за васъ, а вы его побиваете»! Въ это время одинъ суконщикъ ударилъ Іакова тяжелымъ валькомъ и разбилъ ему голову.

Хотя Апостолъ всю жизнь свою провелъ въ Іерусалимѣ, но онъ имѣлъ горячую заботу и о христіанахъ, разсѣянныхъ по дальнимъ странамъ: къ нимъ онъ написалъ извѣстное соборное посланіе, преисполненное духомъ любви и мира, въ которомъ онъ умо-

ляетъ ихъ *доказывать* любовь свою и вѣру во Христа добрыми дѣлами, всегда памятствуя, что *вѣра безъ дѣлъ мертва*.

Святый Іаковъ еще составилъ первый чинъ служенія литургіи къ совершенію святой Евхаристіи.

Эта литургія и донынѣ совершается въ Іерусалимѣ въ день его памяти.

Святый Апостолъ Матѳей проповѣдывалъ сначала въ Іудеѣ и первый написалъ Евангеліе на Еврейскомъ языкѣ. Оно было почти тотчасъ же переведено на Греческій языкъ, какъ полагаютъ, святымъ Іоанномъ Богословомъ.

Святый Лука былъ вѣрнымъ спутникомъ Апостола Павла, и въ Римѣ не оставлялъ его до самой его кончины. Лѣтъ 15 спустя по Вознесеніи Господнемъ, онъ написалъ на Греческомъ языкѣ Евангеліе; онъ же передалъ намъ, въ книгѣ Дѣяній Святыхъ Апостоловъ, драгоцѣнную повѣсть о распространеніи Церкви Христовой. Онъ проповѣдывалъ въ разныхъ странахъ и былъ епископомъ въ Греческомъ городѣ Солунѣ; сподобился мученической смерти, по мнѣнію однихъ, въ Ефесѣ, а по словамъ другихъ, въ Патрахъ. Святый Лука былъ врачъ и живописецъ.

Святый Маркъ сопутствовалъ Апостолу Петру при первомъ его путешествіи въ Римъ, и подъ его руководствомъ написалъ тамъ Евангеліе на Греческомъ языкѣ. Былъ первымъ епископомъ Александрійской Церкви; и въ Александріи положилъ начало училищу, которое впослѣдствіи сдѣлалось знаменитымъ. Въ этомъ же городѣ святый Маркъ былъ замученъ язычниками, которыхъ отвращалъ отъ поклоненія идолу. Предъ кончиною, онъ сподобился явленія Христа, и радостно перешелъ въ лучшую жизнь.

Святый Андрей Первозванный благовѣствовалъ въ Іудеѣ, въ Греціи, въ Мало-Азійскихъ областяхъ, лежавшихъ близъ берега Чернаго моря; въ Грузіи, Абхазіи, и проникъ даже въ Россію, которую тогда называли Скиѳіею и мало знали. Древнія лѣтописи наши сообщаютъ намъ, что святый Андрей проповѣдывалъ въ Херсонисѣ Таврическомъ (нынѣшнемъ Крымскомъ полуостровѣ), и потомъ по Днѣпру доплылъ до того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Кіевъ;—что тутъ на горѣ онъ водрузилъ крестъ и сказалъ спутникамъ своимъ: «на этомъ мѣстѣ возсіяетъ благодать Божія, воздвигнутся храмы Богу, и свѣтъ истинный изыдетъ отсюда на всю страну». Святый Апостолъ дошелъ и до Новгорода.

Святый Андрей много пострадалъ отъ язычниковъ въ городѣ Синопѣ, близъ Чернаго моря. Затѣмъ онъ основалъ церковь въ Византіи (нынѣшнемъ Константинополѣ). Въ Греческомъ городѣ Патрахъ первозванный ученикъ Христа сподобился положить жизнь за вѣру свою. Въ этомъ городѣ его благовѣствованія и чудеса обратили ко Христу множество язычниковъ, и въ томъ числѣ брата и жену самого начальника области. Начальникъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ заключить въ тюрьму святаго Апостола; но въ темницу и вокругъ нея собирались вѣрующіе для молитвы и слушанія слова; и число христіанъ все увеличивалось. Начальникъ призвалъ къ себѣ Андрея и долго увѣщавалъ его отречься отъ Христа. «Какъ можно, говорилъ онъ, вѣровать въ человѣка, который, какъ злодѣй, былъ распятъ на крестѣ»? Святый Апостолъ объяснялъ ему, что Господь добровольно, изъ любви къ людямъ, принялъ страданіе; что Онъ смертію Своею примирилъ людей съ Богомъ и даровалъ имъ

вѣчную жизнь. Начальникъ не увѣровалъ въ спасительную истину и осудилъ святаго Андрея на крестную смерть. Съ радостію привѣтствовалъ Апостолъ крестъ, считавшійся у язычниковъ орудіемъ самой позорной казни, но освященный для христіанина смертію Христа. «О, крестъ давно любимый! воскликнулъ онъ, возьми меня отъ людей и отдай меня Учителю моему; пусть тобою приметъ меня Тотъ, Кто тобою меня спасъ»!

Чтобы продлить мученія святаго Апостола, начальникъ велѣлъ привязать его ко кресту, а не пригвоздить. Народъ вознегодовалъ, ибо успѣлъ полюбить Апостола за его святую жизнь и спасительное ученіе. «За что страдаетъ этотъ святый мужъ, этотъ другъ Господень?» восклицала толпа, негодовала и волновалась. Андрей же съ креста своего поучалъ народъ, и увѣщавалъ его къ кротости, говорилъ о любви къ ближнимъ, о прощеніи обидъ, о вѣчной жизни. «Не страшна смерть для тѣхъ, которые подвергаются ей за правду, говорилъ онъ; они ею достигаютъ блаженнаго покоя; она страшна лишь для тѣхъ, которые въ сей жизни рабы грѣха, ибо тѣ идутъ на вѣчную казнь. Братья, не забывайте ученія моего: любите вѣру истинную, храните заповѣди Господа Іисуса Христа». Два дня и двѣ ночи уже висѣлъ на крестѣ ученикъ Господень; и слѣдуя примѣру Божественнаго Учителя, произносилъ лишь слова любви и прощенія; на третій день народъ наконецъ съ угрозами и крикомъ потребовалъ отъ начальника, чтобы его сняли со креста. Начальникъ, испугавшись волненія, самъ пришелъ на мѣсто казни и велѣлъ воинамъ своимъ снять святаго мученика; но Андрей съ молитвою предалъ душу Богу.

Святый Іоаннъ Богословъ, возлюбленный ученикъ Господа, во исполненіе завѣта Божественнаго своего Учителя, оставался охранителемъ Его Пречистой Матери и потому не отлучался изъ Іерусалима до самой Ея кончины, послѣдовавшей въ 48 году, когда, согласно преданію, Апостолы, восхищенные облакомъ, чуднымъ образомъ прибыли изъ разныхъ странъ въ Іерусалимъ и сдѣлались свидѣтелями небесной славы Пречистой Дѣвы. Св. Іоаннъ Богословъ просвѣщалъ своимъ благовѣствованіемъ всѣ области Малой Азіи, главнымъ же его мѣстопребываніемъ былъ городъ Ефесъ. Отсюда, во время великаго гоненія, воздвигнутаго императоромъ Домиціаномъ, онъ былъ вызванъ въ Римъ, гдѣ сподобился быть исповѣдникомъ за Христа. Долго убѣждали святаго старца отречься отъ христіанской вѣры; били его жестоко, думая истязаніями вынудить отреченіе; но Іоаннъ, среди мученій, оставался вѣренъ Божественному Учителю своему. Заставили его выпить отравленное ядомъ питье; но отрава не подѣйствовала на него, по слову Спасителя, обѣщавшаго ученикамъ: *аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ* (Марк. XVI, 18). Послѣ этого повергли святаго Апостола въ котелъ съ кипящимъ масломъ; но и тутъ онъ остался здравъ и невредимъ. Присутствующіе, изумленные чудомъ, стали восклицать: «великъ Богъ Христіанскій!» Тогда Домиціанъ, убѣдившись, что истязанія безсильны надъ человѣкомъ, котораго такъ чудесно охраняетъ невидимая сила, велѣлъ отвезти Іоанна въ заточеніе на островъ Патмосъ, близъ береговъ Малой Азіи.

Но и на далекомъ, пустынномъ островѣ, святый Іоаннъ не чувствовалъ себя одинокимъ—съ нимъ была любовь Того, за Кого онъ смолоду былъ готовъ отдать

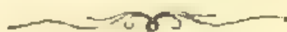
и жизнь и душу свою—и здѣсь эта любовь посѣтила его въ таинственно-чудномъ видѣніи, въ которомъ ему дано было узрѣть небесную славу Господа, созерцать Его благость, ощутить Его любовь къ Церкви и къ людямъ Своимъ и наконецъ постичь неземнымъ испытаніемъ красоту Іерусалима Новаго, т. е. Царствія Небеснаго! По повелѣнію Божію Іоаннъ описалъ это чудное откровеніе; оно дошло до насъ въ священной книгѣ, называемой *Апокалипсисомъ* или Откровеніемъ святаго Іоанна. Кончая описаніе чудеснаго видѣнія своего, онъ восклицаетъ: *«ей, гряди скоро, Господи Іисусе»!* Эти слова его выражали, какъ томилась его душа по Тому, Кого онъ такъ любилъ на землѣ! Но ему предстояли еще долгіе годы труда. Императоръ Домиціанъ былъ убитъ, наслѣдникъ его, Нерва, вызвалъ изъ ссылки всѣхъ изгнанныхъ христіанъ, и Іоаннъ возвратился въ Ефесъ къ великой радости своей паствы.

Въ это время страшныя ереси или ложныя толкованія святыхъ истинъ вѣры начали вкрадываться въ общества христіанъ, и эти лжеученія распространились особенно въ Малой Азіи. Появились лжеучители, которые стали отвергать самую сущность христіанства—*искупленіе человѣка смертію Сына Божія:* одни отвергали Его Божественность, другіе—Его человѣчность и считали Его за духа, имѣвшаго только призрачный образъ человѣка. Іоаннъ негодовалъ и скорбѣлъ, стараясь всѣми силами оградить *своихъ:*—отъ «лютыхъ волковъ не щадящихъ стада»... Тогда пресвитеры Ефесской Церкви и многіе изъ христіанъ приступили къ нему съ мольбою изложить имъ ученіе о Христѣ такъ, какъ онъ принялъ его отъ Самого Божественнаго Учителя. Преданіе говоритъ, что онъ

наложилъ на христіанъ постъ, и самъ, съ ученикомъ своимъ Прохоромъ, удалился на гору, на которой пробылъ три дня въ постѣ и безпрерывной молитвѣ; наконецъ, вдохновенный свыше, велѣлъ Прохору записывать со словъ его, что̀ внушалъ ему Духъ Святый. Такъ было написано Евангеліе, которое начинается величественнымъ исповѣданіемъ Божества Христа Бога, Слова единосущнаго съ Богомъ Отцемъ, и какъ Онъ, Творца міра. «И *Слово плоть бысть*, возглашалъ, въ опровержепіе еретикамъ, вдохновенный евангелистъ—*и вселися въ ны*, и видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца».

До конца жизни своей святой Іоаннъ продолжалъ посѣщать собранія вѣрующихъ—онъ былъ такъ слабъ, что ученики приносили его на рукахъ—не доставало у него силъ говорить, какъ прежде, поученія:—онъ только съ любовію останавливалъ свой взоръ на окружающихъ, повторяя тихимъ голосомъ то слово, которое онъ принялъ отъ своего Господа: «дѣти, любите другъ друга». Ученики спрашивали: «отчего ты повторяешь все одно и тоже слово»? «Отъ того, отвѣчалъ онъ, что это *одно* слово *все* въ себѣ содержитъ».

Святый Іоаннъ почилъ въ Господѣ уже въ первыхъ годахъ второго столѣтія. Въ продолженіе долгой жизни своей онъ образовалъ многочисленныхъ учениковъ, которые ревностно распространяли Христово ученіе, и всею жизнію являли примѣръ христіанской добродѣтели. Самые извѣстные изъ учениковъ Іоанна были: святый Игнатій Богоносецъ и святый Поликарпъ, епископъ Смирнскій.

III.

СВ. МУЖИ АПОСТОЛЬСКІЕ.

Съ Іоанномъ Богословомъ кончается первый вѣкъ христіанства, вѣкъ апостольскій. Всѣ очевидцы Слова жизни почили въ Господѣ; но оставили учениковъ, которымъ сообщили власть, данную имъ Господомъ: благовѣствовать слово, совершать таинства, вязать и разрѣшать, научать всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Они оставили писанія, источникъ отрады, утѣшенія и наставленія для человѣчества до скончанія вѣка. Многочисленные ученики Апостоловъ продолжали ревностно дѣло благовѣствованія. Святыхъ мужей, получившихъ наставленіе непосредственно отъ Апостоловъ, церковная исторія именуетъ *мужами Апостольскими*. Таковыми мужами Апостольскими считаются: св. Варнава, Климентъ и другіе.

Святый Варнава, другъ и спутникъ св. Павла, съ которымъ положилъ основаніе Церкви въ Антіохіи, благовѣствовалъ въ Кипрѣ, въ Миланѣ, и скончался мученическою смертью въ Саламинѣ. Мы знаемъ, что онъ одинъ изъ первыхъ продалъ имущество свое для того, чтобы раздать деньги нуждающимся, и что онъ былъ прозванъ Апостолами *сыномъ утѣшенія*, потому что имѣлъ особый даръ утѣшать скорбящихъ.

Св. Климентъ родился въ Римѣ, въ богатомъ и знатномъ семействѣ, бывшемъ въ родствѣ съ самимъ императоромъ. Странная судьба, постигшая семейство его, омрачила печалью его дѣтство и его раннюю молодость: когда онъ былъ еще малымъ ребенкомъ, мать его и двое старшихъ братьевъ предприняли далекое путешествіе, и съ самой той поры о нихъ больше ничего не было слышно; отецъ, удрученный горемъ, оставивъ въ Римѣ своего младшаго сына, отправился разыскивать жену и остальныхъ дѣтей, и узнавъ вскорѣ, что корабль, на которомъ они плыли, разбился о скалы, не имѣлъ силы возвратиться въ домъ свой; многіе годы, всѣ они, спасенные и хранимые промысломъ Божіимъ, были разсѣяны и оплакивали другъ друга какъ погибшихъ.

Климентъ же росъ одинъ. Роскошь окружала его; но молодая жизнь, не знавшая ласки и любви матери, не знала и радости, *и бѣ печаленъ всегда*, сказано о немъ въ его житіи. Онъ тщательно изучилъ всѣ философскія ученія того времени, но не находилъ въ языческой мудрости ни опоры, ни отрады. Часто размышляя съ тоскою о кончинѣ родителей своихъ и всѣхъ своихъ присныхъ, не находя никакой сладости въ благахъ земныхъ, онъ въ смущеніи спрашивалъ себя: есть ли жизнь иная, лучшая—послѣ этой кратковременной жизни?.. Съ каждымъ годомъ онъ становился мрачнѣе и задумчивѣе—ему минуло 24 года, когда въ первый разъ онъ услыхалъ о Христовомъ пришествіи въ міръ: разомъ душа его озарилась свѣтомъ, и *распалилась желаніемъ неизреченнымъ* узнать ближе это ученіе о Христѣ. Онъ оставилъ домъ свой, всѣ свои богатства, и поспѣшилъ въ Іудею, гдѣ слышалъ, что еще проповѣдывали святые Апо-

столы. Первыя слова благодати услышалъ онъ отъ святаго Апостола Варнавы, а святое крещеніе принялъ отъ Апостола Петра, и съ той поры сталъ его ученикомъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ направился обратно въ Римъ. На пути Господь послалъ ему радость: онъ чуднымъ образомъ обрѣлъ всѣхъ членовъ своей семьи, и всѣхъ ихъ обратилъ въ вѣру Христову.

Въ Римѣ Климентъ былъ участникомъ всѣхъ трудовъ св. Апостола Петра, въ терпѣніи и любви благовѣствовалъ вмѣстѣ съ нимъ слово Божіе. Предъ своею мученическою кончиною Апостолъ Петръ поставилъ его епископомъ города Рима, и долго онъ опытною рукою направлялъ корабль Церкви Христовой, среди волненій и бурь. Памятникомъ его дѣятельности на пользу Церкви осталось его посланіе къ церкви Коринѳской, въ которой еще при жизни св. Апостола Павла образовались различныя религіозныя партіи; одни называли себя учениками *Павловыми*, другіе *Петровыми*, иные *Христовыми*, а нѣкоторые совсѣмъ отложились отъ іерархіи и отказались признавать ея власть. Въ своемъ посланіи, св. Климентъ, проникнутый духомъ апостольской любви и кротости, убѣждаетъ своевольныхъ Коринѳянъ смириться, покаяться и покориться своей іерархіи, доказывая имъ, что все церковное устройство имѣетъ происхожденіе *Божественное*. Это посланіе святаго Климента было въ большомъ уваженіи въ древней Церкви, такъ-что читалось при богослуженіи наравнѣ съ книгами апостольскими. Нравственное дѣйствіе святаго Климента простиралось не только на простой народъ, но и на людей знатныхъ и ученыхъ. Частые случаи обращенія имъ въ христіанство знатнѣйшихъ гражданъ Рима возбудили гнѣвъ императора Траяна:

святой Климентъ былъ сосланъ въ Херсонисъ Таврическій на работы въ каменоломняхъ. Прибывъ туда, онъ нашелъ готовое дѣло, къ которому приложилъ душу свою: на рудникахъ было многое множество христіанъ, осужденныхъ на тяжкія работы, и всѣ эти несчастные, скорбные, забытые, горемъ убитые люди почувствовали силу его молитвы за нихъ. Не ихъ однихъ его слово любви озарило радостью *надежды*—множество язычниковъ увѣровали и крестились. Чтобы прекратить это движеніе, императоръ Траянъ приказалъ прибѣгнуть къ пыткамъ и казнямъ, но, видя радость, съ которою эти люди всѣ шли на мученіе за Христа, рѣшилъ не губить столько народа, а предать смерти одного. Святой Климентъ сподобился мученической кончины: на ладьѣ отвезли его далеко въ море, и тамъ потопили. На берегу стоялъ народъ, напутствуя его молитвами и горькимъ рыданіемъ. Святой Апостолъ Павелъ въ своемъ посланіи къ Филиппійцамъ, упоминая о святомъ Климентѣ, причисляетъ его къ тѣмъ, *коихъ имена въ книгѣ жизни*..

Спустя много вѣковъ, его святые останки были обрѣтены просвѣтителями Славянъ, Кирилломъ и Меѳодіемъ. Послѣ Апостола Андрея, святый Климентъ былъ первымъ проповѣдникомъ христіанской вѣры въ отдаленномъ краю отечества нашего, откуда впослѣдствіи возсіялъ и на всю Россію свѣтъ истинный.

Св. Игнатій Богоносецъ. Церковное преданіе какъ бы тихимъ сіяніемъ освѣтило имя св. Игнатія, повѣствуя о немъ слѣдующее: «егда бѣ еще младенецъ, и Христосъ Господь, на земли съ человѣки живый, народы о Царствіи Божіи учаше,—Господь воззрѣ нань и призва къ Себѣ, и объемь ї, на руцѣ埋 вземь, рече: аще не обратитеся и будете яко дѣти, не внидете въ

Царствіе Небесное: и иже аще пріиметъ отроча таково во имя Мое, Мене пріиметъ. И того ради святый Игнатій—*Богоносецъ* нареченъ бысть, яко носимъ бѣ руками Бога воплощенна—и сего ради, яко и онъ ношаше Бога въ сердцѣ своемъ, и во устахъ своихъ пронесе имя Божіе передъ языками и цари» (Четьи-Минеи).

Съ-молоду св. Игнатій былъ ученикомъ святаго Апостола Іоанна Богослова, слушателемъ св. Апостола Петра, былъ, какъ говоритъ о немъ св. Іоаннъ Златоустый, и «общникомъ ихъ и въ рѣчахъ и въ томъ, что̀ неизреченно». Самъ Апостолъ Іоаннъ Богословъ рукоположилъ его во епископа Церкви Антіохійской, и этою Церковью онъ управлялъ болѣе тридцати лѣтъ.

Времена были тяжкія: свирѣпствовало гоненіе, воздвигнутое на христіанъ *Домиціаномъ*, возникали ереси, которыя могли поколебать вѣру въ истину Христова ученія. Св. Игнатій во время своего великаго служенія Богу и людямъ проявилъ, по словамъ св. Іоанна Златоуста, всѣ добродѣтели, какія только возможны для человѣка. Непрестаннымъ ученіемъ молитвою и любовію онъ оберегалъ паству, ввѣренную ему Богомъ, «чтобы не потонулъ кто-либо изъ малодушныхъ или неопытныхъ». Онъ любилъ красоту церковнаго богослуженія и особенно о ней заботился. Онъ ввелъ въ Антіохійской Церкви торжественное антифонное пѣніе на два лика и постоянно въ своихъ поученіяхъ указывалъ на силу общественной молитвы, совершаемой въ духѣ единенія, мира и любви: «если молитва того или другого (писалъ онъ) имѣетъ великую силу, то тѣмъ болѣе молитва епископа и всей Церкви». Всѣ наставленія свои онъ преподавалъ въ духѣ любви и крайняго смиренія: «я самъ не совершенъ во Христѣ, а говорю вамъ, потому что

любовь моя къ вамъ не позволяетъ мнѣ молчать». Умилительно, что въ послѣднемъ своемъ посланіи, къ христіанамъ Римской Церкви, онъ ихъ проситъ молиться за его Антіохійскую Церковь, вѣруя, что Тотъ, Кто сказалъ: «Азъ есмь Пастырь Добрый», Самъ посѣтитъ ю и попечется о ней.

Въ 107 году императоръ Траянъ, отправляясь на войну съ Пароянами, прибылъ въ Антіохію, и ему было донесено, что въ торжественной встрѣчѣ, сдѣланной отъ города, не приняли участія христіане, а на епископа Игнатія указано, какъ на главнаго въ этомъ виновника. Сдѣланъ былъ допросъ, и послѣдовало рѣшеніе императора: «Игнатія приковать къ воинамъ и отправить въ Римъ на съѣдѣніе звѣрямъ для увеселенія народа». Велика и неутѣшна была скорбь его паствы, со слезами и рыданіемъ провожали они его. Труденъ былъ путь узника во имя Господа, жестоко съ нимъ обращеніе 10 воиновъ, сопровождавшихъ его, но любовь и преданность обратили этотъ скорбный путь какъ-бы въ величавое шествіе къ принятію побѣднаго вѣнца: всюду толпы христіанъ встрѣчали св. епископа, желая принять его послѣднее благословеніе, слышать отъ него послѣднее наставленіе; многія церкви высылали къ нему своихъ представителей, чтобы привѣтствовать его и имѣть радость послужить ему. Въ отвѣтъ на всѣ эти умилительныя изъявленія любви, св. Игнатій во время пути написалъ семь посланій, изъ коихъ самое замѣчательное было вызвано опасеніемъ, что на самомъ мѣстѣ казни, въ самомъ Римѣ, христіане возъимѣютъ желаніе спасти его отъ той смерти, на встрѣчу которой онъ шелъ такъ радостно. «Я узникъ во Христѣ», писалъ онъ — «и молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ воспріять до конца

жребій мой... боюсь любви вашей... мнѣ хорошо идти ко Господу—любовію вашею не мѣшайте мнѣ»...

«Господа желаю, Сына истинна Бога и Отца, Іисуса Христа. Того ищу, Кто за насъ умеръ и воскресъ»!

«Простите меня, братіе! Не мѣшайте мнѣ идти къ жизни—Іисусъ бо есть жизнь вѣчная»!

«Кто Христа имѣетъ въ себѣ, тотъ пойметъ меня».

«Пишу къ вамъ полный жизни, объятый любовію къ Іисусу Христу, желаніемъ умереть за Него! Моя любовь распята на крестѣ, и нѣтъ больше во мнѣ огня любви къ міру сему. Помолитесь вмѣстѣ со мною, чтобы Духомъ Святымъ я достигъ!»

Вслѣдъ за письмомъ своимъ прибылъ въ Римъ и самъ святый епископъ. Съ тихою скорбію встрѣтили его христіане Римской Церкви—никто изъ нихъ теперь не возражалъ ему... Онъ былъ правъ, когда писалъ, что его поймутъ всѣ, имѣющіе Христа въ себѣ... всѣ вмѣстѣ помолились одною колѣнопреклоненною молитвою, поручая другъ друга любви Божіей, прося Его даровать миръ Церкви Его святой, каждому изъ нихъ —силу— «подвигомъ добрымъ подвизаться».—Затѣмъ, со слезами обнявъ святаго Игнатія, оставили его въ рукахъ воиновъ, которые тотчасъ повлекли его на казнь. Медлить было нельзя, праздничныя игры приходили къ концу, циркъ былъ переполненъ зрителями, съ нетерпѣніемъ ожидавшими своей потѣхи: зрѣлища казни святаго старца.

Съ величественнымъ спокойствіемъ обратился св. Игнатій къ народу и громко сказалъ: «Знайте, Римскіе граждане, что не за злодѣяніе и преступленіе осужденъ я на смерть, но за вѣру во единаго Бога моего, Котораго люблю! Я — пшеница Его, а зубами

звѣриными измалываюсь, чтобы сдѣлаться для Него чистымъ хлѣбомъ»... едва успѣлъ мученикъ произнесть эти слова, какъ на него накинулись два выпущенные льва и мгновенно растерзали его.

Это было 20 декабря 107 года. Христіане съ благоговѣніемъ собрали оставшіяся кости мученика и доставили ихъ въ Антіохію, вмѣстѣ съ повѣствованіемъ о его кончинѣ, писаннымъ очевидцами, Филономъ и Агаѳоподомъ. Они слѣдующими словами заключаютъ разсказъ свой:

«Мы, видѣвшіе это собственными глазами, всю ночь потомъ провели дома въ слезахъ, и съ колѣнопреклоненіемъ и молитвою просили Бога утѣшить насъ о случившемся. Когда потомъ мы немного заснули, нѣкоторые изъ насъ увидѣли блаженнаго Игнатія, стоявшаго близъ насъ и насъ обнимающаго; другіе видѣли его молящимся за насъ; иные же облитымъ пóтомъ, какъ послѣ великаго труда, и предстоящимъ Господу. Съ радостью увидѣвъ это и сравнивъ сонныя видѣнія, мы воспѣли хвалу Богу».

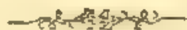
Святый Поликарпъ вмѣстѣ съ Игнатіемъ Богоносцемъ былъ ученикомъ Апостола Іоанна Богослова. Бывъ рукоположенъ отъ самого Апостола во епископа Смирнскаго, онъ отечески пасъ Церковь болѣе сорока лѣтъ и пережилъ нѣсколько гоненій. При началѣ гоненія отъ Марка Аврелія, взволновалась языческая чернь и потребовала казни святаго епископа. Поликарпъ сначала хотѣлъ остаться въ городѣ, но потомъ склонился на просьбу близкихъ ему людей и удалился въ одно селеніе. Здѣсь, во время молитвы, было ему видѣніе, что горитъ возглавіе на его постели. Онъ сказалъ своимъ спутникамъ: «я буду сожженъ живымъ». Наконецъ мѣсто его убѣжища было

открыто. Со словами: «да будетъ воля Господня»! Поликарпъ самъ вышелъ къ своимъ преслѣдователямъ и даже велѣлъ дать имъ угощеніе, попросивъ себѣ только нѣсколько времени для молитвы, по окончаніи которой бодро отправился на мѣсто мученія. Вблизи города встрѣтили его начальники Римской стражи и стали убѣждать къ отреченію отъ Христа: «что худаго сказать», говорили они, «Господи (domine) кесарь, чтобы спасти себѣ жизнь»? Но святый Поликарпъ былъ непреклоненъ. При появленіи его на городской площади, чернь подняла страшный крикъ. Въ эти минуты, явственно для святаго Поликарпа и окружавшихъ его христіанъ, раздались слова: «мужайся, будь непоколебимъ»! Проконсулъ сказалъ святому Поликарпу: «пощади свою старость, одумайся, поклянись геніемъ кесаря, произнеси хулу на Христа, и я тебя отпущу». Святый Поликарпъ отвѣчалъ: «восемьдесятъ шесть лѣтъ я служу Ему и видѣлъ отъ Него только доброе: могу ли хулить Царя моего и Спасителя»? Проконсулъ сталъ грозить ему дикими звѣрями, костромъ и пр. Поликарпъ твердо стоялъ въ своемъ исповѣданіи, и радостно сіяло лицо его. Толпа между тѣмъ неистово кричала: «это учитель нечестія, отецъ христіанъ, хулитель нашихъ боговъ:—львамъ его»! Когда распорядитель звѣринца въ циркѣ объявилъ, что представленіе уже окончено, то раздались новые крики: «сжечь Поликарпа», и проконсулъ согласился на это требованіе. Тотчасъ натаскали бревенъ и дровъ, причемъ особенно усердно дѣйствовали Евреи. Святаго Поликарпа по обычаю хотѣли прикрѣпить къ столбу желѣзными скобами; но онъ сталъ просить, чтобы оставили его на свободѣ. «Тотъ, Кто дастъ мнѣ силу терпѣть сожженіе», сказалъ онъ, «поможетъ

и безъ желѣзныхъ узъ быть на кострѣ неподвижнымъ»! Поэтому привязали его къ столбу только веревками. Съ руками, связанными за спиною,—пишутъ очевидцы,—онъ походилъ на агнца, избраннаго въ жертву благопріятную Господу. Предъ самымъ временемъ зажженія костра, св. Поликарпъ произнесъ молитву, въ которой благодарилъ Бога за то, что Онъ причитаетъ его къ сонму Своихъ мучениковъ. Когда костеръ былъ зажженъ, то, къ всеобщему удивленію, пламя вздулось, какъ бы отъ сильнаго напора вѣтра, и окружило мученика, на подобіе сіянія; въ воздухѣ носился ароматъ ладона, или благоуханныхъ кореньевъ.

Очевидцы страданій святаго мученика, описавъ въ письмѣ все, нами разсказанное, кончаютъ такъ посланіе свое:

Язычники не знаютъ, что мы не можемъ отступить отъ Христа, пострадавшаго за спасеніе всѣхъ, и поклониться кому-либо другому. Ему мы покланяемся, какъ Сыну Божію; а мучениковъ достойно любимъ какъ учениковъ и подражателей Господа; любимъ за ихъ неизмѣнную приверженность къ своему Царю и Учителю. Да сподобимся и мы быть ихъ общниками и соучениками!

IV.

ПАДЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА.

Пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обидутъ тя, и обымутъ тя отвсюду, и разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ, понеже не разумѣлъ еси времене посѣщенія твоего (Лук. XIX, 43, 44).

Какъ точно и буквально сбылись эти слова Іисуса Христа надъ преступнымъ народомъ! Еще живы были слышавшіе Христа Спасителя, въ послѣдній разъ восклицавшаго въ храмѣ: *се, оставляется вамъ домъ вашъ пустъ* (Матѳ. XXIII, 38), какъ уже предсказанныя Имъ бѣдствія пришли и разразились.

Первымъ и самымъ тяжкимъ бѣдствіемъ для Іудеевъ были правители ихъ, достойные намѣстники императоровъ Калигулы, Клавдія, Нерона. Они смѣняли одинъ другого, усиливая жестокости и грабительства предшественника, пока, наконецъ, въ лицѣ Гессія Флора, послѣдняго прокуратора Іудеи, не соединились всѣ низкія страсти. Побуждаемый корыстолюбіемъ, онъ безнаказанно грабилъ и убивалъ гражданъ, и наконецъ коснулся и до сокровищъ храма Іерусалимскаго. Тогда народъ, подстрекаемый зилотами (ревнителями), въ безумномъ ослѣпленіи рѣшился самъ вступиться за себя и отрекся отъ повиновенія кесарю: возмущеніе охватило всю Палестину. Это было въ 67 году.

*

Начались бѣдствія, предсказанныя Іисусомъ Христомъ, и Промыслъ предвозвѣстилъ ихъ страшными знаменіями на небѣ и на землѣ. Еще прежде возстанія Іудеи, страшныя землетрясенія, разрушившія цѣлые города въ Италіи и Виѳиніи, ужасный голодъ, предсказанный пророкомъ Аггеемъ и опустошившій Римъ, Грецію и Палестину, язва и междоусобія, казалось, предвозвѣщали приближеніе великаго суда Божія. Комета, цѣлый годъ видѣнная надъ Іерусалимомъ въ образѣ меча, свѣтъ, около часа видѣнный ночью во храмѣ вокругъ жертвенника, видѣніе колесницъ и войска на облакахъ, наконецъ, въ день Пятидесятницы, при входѣ священниковъ въ храмъ, шумъ и голосъ: *пойдемъ отсель*, вызывавшій христіанъ изъ погибающаго Іерусалима за Іорданъ, въ Пеллу, давали знать, что исполненіе суда Божія имѣетъ быть вскорѣ (Лук. XXI, 11). Первыя дѣйствія Римскаго войска противъ осажденнаго города не имѣли успѣха, и только ободрили мятежный народъ. Но Неронъ послалъ въ Палестину лучшаго своего полководца Веспасіана, и страшные Римскіе легіоны вызваны были отовсюду на Іерусалимъ. Между тѣмъ, по смерти Нерона, самъ Веспасіанъ сталъ императоромъ, а покореніе Палестины довершено было сыномъ его Титомъ.

При первомъ извѣстіи о мятежныхъ дѣйствіяхъ въ Іудеѣ, чернь во всей Римской имперіи начала истреблять Іудеевъ страшными казнями. Повсюду они погибали десятками тысячъ. Военная сила захватила всю землю Израилеву. Кого буря войны застигала на кровлѣ дома, тотъ не успѣвалъ уже спастись, если заходилъ еще въ домъ за имуществомъ; кто былъ на полѣ, тотъ не могъ уже возвратиться домой за одеждами. Никому не было пощады; кто избѣгалъ

меча, того продавали въ рабство. Тучи бѣдствій нависли надъ самымъ Іерусалимомъ,—и еще въ такую пору, когда туда, по случаю праздника Пасхи, собралось болѣе двухъ милліоновъ народа. Въ Іерусалимѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ Римскимъ войскомъ, начались ужасныя бѣдствія: съѣстные припасы были скоро истреблены, и насталъ такой страшный голодъ, что одна мать, терзаемая голодомъ, заколола и съѣла свое новорожденное дитя. Развились болѣзни, люди умирали въ такомъ множествѣ, что некому и негдѣ было ихъ хоронить. Болѣе 150,000 труповъ было выкинуто только въ одни изъ городскихъ воротъ. Многіе изъ Евреевъ бѣжали вонъ изъ города, прямо въ руки непріятеля, и ихъ распинали на крестахъ. Болѣе 500 крестовъ стояло вокругъ города съ распятыми Евреями, и видимо исполнилось безумное ихъ заклятіе: «кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ». Наконецъ, не достало и дерева для крестовъ.

Послѣ долговременной осады и безполезныхъ переговоровъ о сдачѣ, Титъ назначилъ приступъ, приказавъ воинамъ беречь храмъ, считавшійся чудомъ искусства. Послѣ кровопролитныхъ приступовъ Римскіе легіоны одолѣли тройной рядъ стѣнъ съ 90 башнями, защищавшими Іерусалимъ, и язычники вошли въ святилище Бога Израилева. Но на этомъ мѣстѣ давно уже стояла «мерзость запустѣнія», и великолѣпному храму не суждено было сохраниться. Римскій солдатъ, защищаясь отъ непріятеля, бросилъ въ него пылающую головню; отъ нея запылалъ храмъ, и все зданіе погибло со всѣми своими сокровищами. Іерусалимъ былъ разрушенъ со всѣми своими твердынями.

Прошло около 70 лѣтъ послѣ этого ужаснаго опустошенія; пѣсни левитовъ давно уже смолкли и

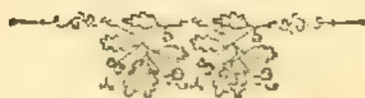
жертвы прекратились, но Іудеи все еще питали надежды обновить развалины Іерусалима и храма. Обольщенные появленіемъ новаго лже-мессіи, они опять подняли знамя бунта противъ Римлянъ, и опять полились рѣки крови. Императоръ Адріанъ рѣшился окончательно уничтожить Еврейскій народъ. Іерусалимъ снова взятъ былъ Римлянами; 580 тысячъ Іудеевъ погибло, городъ разрушенъ совершенно, а по развалинамъ храма, по повелѣнію императора, прошелъ плугъ. Здѣсь окончательное исполненіе словъ Спасителя о храмѣ Іерусалимскомъ: *не имать остати здѣ камень на камени, иже не разорится* (Матѳ. XXIV, 2). Новый городъ съ новыми жителями, съ новымъ именемъ и богами, возникъ на развалинахъ Іерусалима, а Іудеи навсегда изгнаны изъ него; имъ запрещено даже приближаться къ нему, а позволено только въ одинъ извѣстный день, издали, съ Елеонской горы посмотрѣть на городъ отцовъ своихъ. «Въ этотъ день», говоритъ блаженный Іеронимъ, «толпы старцевъ, покрытыхъ рубищемъ, женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, съ большими усиліями взбирались на Елеонскую гору, и когда устремляли оттуда взоры свои на великолѣпный городъ Адріана, слезы потоками лились изъ глазъ ихъ; только одни рыданія и стоны слышны были на этой священной горѣ, и за это позволеніе плакать въ виду Іерусалима они должны были расплачиваться золотомъ съ солдатами и трибунами! Такимъ образомъ тѣ, которые нѣкогда купили у Пилата кровь Іисуса Христа, должны были теперь, по закону ужаснаго возмездія, покупать у Римлянъ позволеніе проливать слезы!»

Такъ исполнились древнія пророчества о народѣ Еврейскомъ. Вотъ что писано о немъ было еще въ ветхозавѣтныхъ книгахъ пророка Моисея:

За то, что ты не служилъ Господу Богу твоему, будешь служить врагу твоему, въ голодѣ и жаждѣ и наготѣ и во всякомъ недостаткѣ (Второзак. гл. 28, ст. 47, 48).

Пошлетъ на тебя Господь народъ издалека, отъ края земли: какъ орелъ налетитъ народъ, котораго языка ты не разумѣешь, народъ наглый, который не уважитъ старца, не пощадитъ юноши (ст. 49, 50).

И разсѣетъ тебя Господь Богъ твой по всѣмъ народамъ отъ края и до края земли, но и между народами не успокоишься, и не будетъ мѣста покоя для ноги твоей (ст. 64, 65).

V.

БОРЬБА СЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ.

Апологеты.

Сбывались слова Спасителя: *пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу* (Іоанн. XVI, 2).

Радостно и восторженно, старые и молодые, богатые и бѣдные шли на смерть, такъ какъ смерть была для нихъ—*жизнію*.

Гоненія на христіанъ, какъ уже было сказано выше, начались съ царствованія императора Нерона. Въ послѣдующія за тѣмъ времена, степень гоненій зависѣла то отъ произвола, то отъ воззрѣнія и характера государей. Императоръ *Траянъ* былъ правитель справедливый и мудрый, но на христіанъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія язычника, и *первый* издалъ о нихъ *положительный законъ*. По этому эдикту *всѣ обвиняемые* въ принятіи христіанства подлежали строгому наказанію. Но розыски и доносы этимъ закономъ воспрещались.

При императорѣ *Адріанѣ* этотъ законъ не былъ измѣненъ, съ тою только особенностію, что нападки на христіанъ сдѣлались чаще и ожесточеннѣе; не рѣдко даже судить обвиняемыхъ становилось затруднительнымъ, такъ какъ яростная толпа требовала немедленной ихъ казни! Императоръ, возмущенный подобными

безпорядками, издалъ дополнительный законъ, который ограждалъ христіанъ, по крайней мѣрѣ, отъ самоуправства черни. Въ царствованіе императора *Марка Аврелія* произошла существенная перемѣна въ отношеніяхъ Римскаго правительства къ христіанамъ: доселѣ правительство *не разыскивало и не преслѣдовало ихъ*, только *производило* надъ ними судъ, когда ихъ обвиняли и приводили предъ судилище; теперь же оно *само* начинаетъ ихъ преслѣдовать, и новый эдиктъ императора повелѣваетъ: всюду христіанъ разыскивать, убѣждать ихъ отказаться отъ своихъ заблужденій, а если они останутся непреклонными, предавать пыткамъ, которыя прекращать тогда только, когда они поклонятся богамъ...

Жестоко и страшно было гоненіе въ это царствованіе!.. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ императоровъ, изъ коихъ иные по равнодушію, другіе по убѣжденію, не возобновляли послѣдовательнаго гоненія на христіанъ. Но если нѣкоторые государи и были лично благосклонны къ христіанамъ и старались не давать воли ненависти народа, ненависть эта становилась все сильнѣе и сильнѣе и ждала случая проявить себя. Случай этотъ представился, когда Римскій престолъ занялъ императоръ *Декій*, человѣкъ способный на всякое злодѣяніе... Онъ былъ истинный ненавистникъ христіанъ и рѣшилъ истребить ихъ *совершенно*.

Въ 250 году былъ изданъ и разосланъ ко всѣмъ областнымъ правителямъ страшный эдиктъ, по которому въ *опредѣленное* время *всѣ* христіане извѣстной области должны были являться въ назначенное мѣсто и тутъ же приносить жертву богамъ...

Преслѣдованіе, которое началось со дня обнародованія этого эдикта, превосходитъ своею жестокостію всѣ предшествующія гоненія... Толпами шли христіане

на предназначенныя мѣста мученія, иные претерпѣвали страшныя пытки и оставались въ живыхъ, но въ большинствѣ были замучиваемы до смерти...

Вопреки всѣмъ врагамъ Церковь росла и множилась, бойцы ея не изнемогали, и послѣ каждаго новаго нападенія врага точно входили они въ силу... И *ученый* языческій міръ, который въ свою очередь возсталъ на нихъ, побѣдить ихъ не смогъ.

Не ограничиваясь насмѣшками и ругательствами надъ христіанствомъ, многіе знаменитые ученые разныхъ философскихъ школъ предприняли трудъ въ научныхъ сочиненіяхъ *научно* доказать его несостоятельность, и грубымъ толкованіемъ того, что̀ было христіанину завѣтно и дорого, подорвать основы Церкви.

Тогда въ защиту Церкви выступили изъ среды самаго язычества обращенные ученые и даровитые мужи. Познавъ истину ученія Христова, они предприняли оправдать ее и передъ Римскимъ правительствомъ и передъ обществомъ языческимъ отъ клеветъ, взводимыхъ на нее врагами. Эти христіанскіе писатели называются *апологетами*, а сочиненія ихъ носятъ общее названіе *апологій* (что̀ значитъ—защита, оправданіе).

Самые замѣчательные изъ нихъ: Іустинъ философъ и мученикъ, Оригенъ и Тертулліанъ. Св. Іустинъ и Тертулліанъ родились язычниками и язычниками долго оставались, но когда познали ученіе Христово, такъ же какъ и Оригенъ, возлюбили это ученіе и безстрашной твердой защитѣ его посвятили свою жизнь.

Св. Іустинъ родился около 105 года. Родители его были язычники, и потому онъ получилъ воспитаніе въ средѣ чуждой христіанству. Обширное на-

ученое образованіе не удовлетворяло Іустина — *душа его жаждала Бога*, а въ философскихъ ученіяхъ онъ напрасно искалъ отвѣта на вопросы о вѣрѣ. Къ христіанскому ученію вниманіе его было впервые привлечено тѣмъ мужествомъ, съ которымъ христіане шли на смерть. Онъ слышалъ и отчасти самъ вѣрилъ обвиненіямъ, возводимымъ на христіанъ; но когда онъ сталъ вглядываться глубже и внимательнѣе, то понялъ, что христіане не страшатся не только смерти, но и всего того, чего обыкновенно страшатся люди— понялъ, что христіанство въ сердцахъ этихъ людей создало новый образъ красоты и совершенства, образъ доступный не однимъ ученымъ и разумнымъ, но и людямъ простымъ, смиреннымъ и нищимъ духомъ, и что тысячи и десятки тысячъ готовы умереть за вѣру во Христа, «Который есть сила неизреченнаго Бога».

Постепенно окрыляясь, душа его готовилась къ принятію высшей истины.

Самъ Іустинъ въ одной изъ своихъ книгъ разсказываетъ о своемъ таинственномъ свиданіи съ невѣдомымъ старцемъ на пустынномъ берегу моря, куда онъ однажды удалился, чтобы въ тишинѣ предаться своимъ размышленіямъ. Этотъ старецъ величаваго, но кроткаго вида, при первой встрѣчѣ съ нимъ точно овладѣлъ его душею: долго длилась ихъ бесѣда, и старецъ закончилъ ее слѣдующими словами: «во времена отдаленныя отъ насъ, ранѣе всѣхъ философовъ, жили мужи святые и праведные и угодные Богу, которыхъ звали пророками. Они говорили, будучи научены Духомъ Святымъ, и предсказали то̀, что нынѣ и сбылось. Они возвѣстили людямъ истину; не зная страха, не ища себѣ славы, они говорили то̀, что слышали и видѣли, когда были исполнены Святаго

Духа. Писанія ихъ существуютъ понынѣ и содержатъ то̀, что̀ должно знать истинному философу... Они прославляли Творца всего, Бога и Отца, и возвѣщали о посланномъ отъ Него Христѣ, Сынѣ Его... Только прежде всего молись истинному Богу, да отверзетъ тебѣ двери свѣта—Онъ одинъ можетъ открыть ихъ и открываетъ тѣмъ, кто съ молитвою и любовію обращается къ Нему». Сказавъ эти слова, старецъ скрылся, и Іустинъ уже больше никогда не видалъ его. «Но сразу (продолжаетъ онъ) какъ бы огонь возгорѣлся во мнѣ, я полюбилъ и пророковъ и всѣхъ тѣхъ, кто былъ близокъ ко Христу, я понялъ что истинно все въ словахъ Христовыхъ, и что великая сила ихъ наводитъ ужасъ на отступающихъ отъ нихъ и даетъ миръ и радость исполняющимъ ихъ».

На 30-мъ году жизни Іустинъ принялъ святое крещеніе. Въ Римѣ онъ открылъ училище, и всѣ свои знанія, всѣ силы свои посвятилъ на служеніе Христову ученію. «Кто можетъ возвѣщать истину и не возвѣщаетъ, тотъ будетъ осужденъ Богомъ», писалъ онъ. Когда императоръ Антонинъ открылъ гоненіе на христіанъ, Іустинъ лично подалъ ему свою знаменитую апологію или защиту христіанскаго ученія отъ языческихъ обвиненій.

«Къ вамъ» (къ императору, сыну его, сенату и народу Римскому), говоритъ онъ, «обращаюсь я съ моимъ словомъ и прошеніемъ за людей изъ всѣхъ народовъ, несправедливо ненавидимыхъ и гонимыхъ...

«Насъ называютъ безбожниками:—сознаёмся, что мы безбожники въ отношеніи къ мнимымъ богамъ, но не въ отношеніи къ Богу истиннѣйшему, Отцу правды и всѣхъ добродѣтелей, и чистому отъ всякаго зла... Мы чтимъ благоговѣйнымъ поклоненіемъ Его

и Его Сына, а равно и Духа Пророчественнаго, воздаемъ сію почесть словомъ и истиною, открыто преподавая всякому, желающему поучиться, то̀, чему сами научены.

«Въ нашей волѣ отречься при допросахъ,—только мы не хотимъ жить обманомъ. Мы желаемъ вѣчной и чистой жизни, мы стремимся къ пребыванію съ Богомъ,

«Когда вы слышите, что мы ожидаемъ царства, то напрасно полагаете, что мы говоримъ о какомъ-либо царствѣ земномъ, между тѣмъ какъ мы говоримъ о царствованіи съ Богомъ; это ясно изъ того, что при допросѣ мы признаёмся, что мы христіане, хотя знаемъ, что намъ за то предлежитъ смертная казнь.

«Знайте, что истинно только то̀, что̀ говоримъ мы, узнавши отъ Христа, отъ предшествовавшихъ Ему пророковъ, которые древнѣе всѣхъ писателей вашихъ. Надо вѣрить словамъ нашимъ не потому, что мы говоримъ сходное съ ними, но потому, что говоримъ истину, какъ научилъ насъ Іисусъ Христосъ, единый собственно Сынъ Божій, первенецъ и сила. по волѣ Бога содѣлавшійся человѣкомъ».

Христіане нигдѣ не могли чувствовать себя въ безопасности; однакоже Іустинъ продолжалъ открыто учить и проповѣдывать. Вскорѣ Іустинъ и съ нимъ еще пять человѣкъ были обвинены въ исповѣданіи христіанской вѣры и приведены на судъ къ префекту Рустику. Судъ былъ короткій... Рустикъ обратился со слѣдующими словами къ Іустину: «Послушай ты, который называешься ученымъ и думаешь, что обрѣлъ истинную мудрость: если по всему тѣлу будутъ бить тебя бичами, а потомъ отсѣкутъ тебѣ голову, увѣренъ ли ты, что взойдешь на небо?»

— Да, я надѣюсь получить обѣщанное Христомъ, отвѣчалъ Іустинъ; ибо я знаю, что Онъ милостивъ ко всѣмъ, до конца хранящимъ заповѣди Его.

Тогда Рустикъ произнесъ смертный приговоръ. Передъ казнію, всѣхъ христіанъ жестоко били, а потомъ отсѣкли имъ головы мечемъ. Вѣрующіе похоронили тѣла святыхъ мучениковъ.

Такой кончины уже давно ожидалъ св. мученикъ. Онъ и прежде не разъ повторялъ гонителямъ: «знайте, вы можете убить насъ, но погубить не можете».

Оригенъ былъ сынъ христіанскаго мученика и слѣдовательно христіанинъ по самому своему происхожденію. Съ раннихъ лѣтъ и сердце и умъ его были направлены къ тому, что̀ впослѣдствіи дало смыслъ и цѣль его жизни: маленькимъ ребенкомъ онъ, ежедневно заучивая наизусть мѣста Священнаго Писанія, изумлялъ отца своего своими вопросами о *внутреннемъ* смыслѣ усвоенныхъ имъ разсказовъ — точно съ этихъ поръ душа его навыкала понимать красоту *таинственнаго* и находить себѣ удовлетвореніе именно въ *томъ, что̀ было сокровеннаго* въ святомъ словѣ. Вся жизнь Оригена прошла въ изученіи слова Божія. Постоянное общеніе съ міромъ духовнымъ, близость того, что̀ свято, наложило отпечатокъ какой-то особой *чистоты* на образъ этого великаго учителя первыхъ вѣковъ христіанства.

Съ 17-ти лѣтняго возраста началась его учительская дѣятельность. Сначала онъ давалъ частные уроки словесныхъ наукъ лишь для того, чтобы спасти отъ нищеты свою семью, которая послѣ мученической кончины его отца оставалась на его попеченіи. Затѣмъ, когда многіе язычники, желавшіе принять христіанство, обращались къ нему, чтобы онъ ихъ на-

училъ истинѣ—онъ сдѣлался *огласителемъ*. Вскорѣ же его великія дарованія и его ревность по вѣрѣ были замѣчены епископомъ Александрійскимъ Димитріемъ, который поручилъ ему должность катехета и начальника Александрійскаго огласительнаго училища. Всецѣло отдался Оригенъ новому своему служенію. Ученики толпами стекались къ блестящему молодому учителю, и число ихъ постоянно увеличивалось. Приходили слушать его и тѣ, которые *искали* выхода изъ заблужденій язычества, и тѣ, которые яростно защищали правоту своего вѣрованія; приходили еретики и философы и люди празднаго любопытства, и всѣ чувствовали силу его убѣжденнаго слова—многіе отъ него принимали то самое ученіе, которое пришли опровергать и хулить... Такимъ образомъ онъ обратилъ знатнаго ученаго еретика Амвросія, который сдѣлался съ той поры первѣйшимъ его другомъ. Вездѣ, гдѣ почитается имя Оригена, тамъ съ благодарностію вспоминается и имя Амвросія: все свое огромное богатство онъ посвятилъ на облегченіе ученыхъ трудовъ Оригена, когда, побужденный имъ же, Оригенъ рѣшился предпринять великій, безсмертный трудъ свой—толкованіе и изслѣдованіе текста Священнаго Писанія. Къ этому труду, для котораго потребовалось изученіе и Еврейскаго языка, Оригенъ приступилъ съ чувствомъ глубокаго смиренія и съ сознаніемъ, что одинъ Богъ можетъ просвѣтить умъ его къ разумѣнію Писанія. Вотъ что̀ писалъ онъ къ Амвросію, безпрестанно побуждавшему его заняться толкованіемъ Библіи:

«Ты меня довелъ до сего, тогда какъ я, сознавая опасность, долго отказывался разсуждать о Священномъ Писаніи. Итакъ, ты будешь свидѣтелемъ моимъ предъ Богомъ, когда Онъ будетъ испытывать

жизнь мою и писанія, съ какимъ расположеніемъ принялъ я это на себя... Такъ какъ безъ Бога ничего не можетъ быть добраго, особенно же разумѣнія Святаго Писанія, то еще и еще прошу тебя молиться о мнѣ и просить Бога, Отца всѣхъ, чрезъ Спасителя нашего и Первосвященника Бога рожденнаго, дабы могъ я вѣрно изслѣдовать».

Въ продолженіе 27 лѣтъ занимался Оригенъ изслѣдованіемъ Ветхаго Завѣта и писалъ толкованіе почти на все Св. Писаніе. Кромѣ того онъ написалъ множество сочиненій по разнымъ богословскимъ и философскимъ вопросамъ и апологіи въ защиту ученія Христова. Самая замѣчательная изъ нихъ—его отвѣтъ извѣстному ученому Цельсу, который въ своемъ сочиненіи «Истинное слово» систематично, научными пріемами, пытался доказать *призрачность* всего того, на чемъ было построено вѣрованіе христіанъ.

При своемъ обширномъ знаніи языческой философіи и глубокомъ пониманіи Св. Писанія, Оригенъ, съ спокойнымъ сознаніемъ своей силы и ничтожности доводовъ своего противника, опровергъ *все*, что̀ злобою и клеветою было возведено на христіанство, и въ заключеніе указалъ на то, что *распространеніе* христіанства по всему міру, вопреки всѣмъ и всему, не есть *призракъ*, но фактъ, признанный даже язычниками—громкое *засвидѣтельствованіе* истины Христова ученія.

Много пришлось Оригену пострадать и отъ зависти и непониманія своихъ современниковъ... Буря ихъ негодованія часто бушевала вокругъ него, но онъ—«*испытуя Писанія*»—въ величавомъ спокойствіи совершалъ свой великій подвигъ труда и терпѣнія, уповая на Того, Кто утишалъ и вѣтры и море... Вся жизнь

его была какъ бы одною непрерывною молитвою, однимъ непрестаннымъ стремленіемъ къ общенію съ Невидимымъ!

Оригенъ съ-молоду жаждалъ мученичества за имя Христово; въ гоненіи, воздвигнутомъ императоромъ Декіемъ, онъ сподобился принять великое страданіе. Долго, страшно пытали его... онъ все превозмогъ; но, измученный истязаньями, онъ скончался скоро послѣ того, какъ его освободили изъ темницы.

Онъ извѣстенъ въ исторіи Церкви подъ славнымъ прозваніемъ *Адамантова*, что значитъ: *непобѣдимый.*

Тертулліанъ (150 г.) считается однимъ изъ знаменитыхъ писателей западной Церкви. Онъ былъ сынъ Римскаго сотника, и получилъ блестящее образованіе. Страстный и впечатлительный по природѣ, онъ съ ранней молодости весь отдался увлеченіямъ шумной, развратной жизни того времени. Наконецъ, безпокойство, уныніе, отвращеніе къ самому себѣ побудило его искать въ христіанствѣ *тотъ миръ,* котораго міръ не могъ ни дать ему, ни отнять у него. Все, что было чистаго, добраго въ немъ, точно сразу воскресло въ томъ чувствѣ покаянія, которое привело его къ подножію Престола Божія. Сознаніе его собственной немощи не покидало его: въ молитвѣ и терпѣніи онъ «стяжалъ душу свою». Вслѣдъ за его обращеніемъ вскорѣ послѣдовало и его крещеніе. Въ силу и дѣйствительность крещенія онъ имѣлъ глубокую, непоколебимую вѣру и готовился къ нему со страхомъ и великою радостью.

По принятіи крещенія, Тертулліанъ всѣ свои богатыя дарованія, блестящій умъ, энергію, образованіе посвятилъ на служеніе христіанскому ученію, въ которомъ онъ нашелъ *возрожденіе.*

Въ своихъ знаменитыхъ *Апологіяхъ*, Тертулліанъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ объясняетъ и отстаиваетъ ученіе Христово и нравственную красоту христіанской жизни.

Какъ въ пылу своей юности не могъ онъ противиться искушеніямъ, такъ и въ преклонномъ возрастѣ не устоялъ отъ увлеченій и впалъ въ нѣкоторыя заблужденія, осужденныя Церковью. Однако Церковь отнеслась къ нему снисходительно и, не смотря на его заблужденіе, считаетъ его однимъ изъ своихъ учителей.

VI.

ГОНЕНІЯ.

СВ. МУЧЕНИКИ И МУЧЕНИЦЫ.

Азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ: будите убо мудри яко змія, и цѣли яко голубіе (Матѳ. X, 16).

Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити (Матѳ. X, 28).

Въ мірѣ скорбни будете, но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ (Іоан. XVI, 33).

Въ этихъ словахъ Господа точно предначертана *вся исторія мученичества.* Въ 284 году вступилъ на императорскій престолъ *Діоклетіанъ,* съ именемъ котораго связано *послѣднее* великое гоненіе на христіанъ.

Сознавши, какъ трудно одному управлять громадною Римскою имперіей, на окраинѣ которой производили постоянные набѣги варварскіе народы, Діоклетіанъ выбралъ себѣ соправителемъ одного изъ своихъ полководцевъ *Максима,* и поручилъ ему Западную половину имперіи, предоставивъ ему титулъ *августа.* Затѣмъ онъ избралъ еще двухъ помощниковъ въ управленіи, давъ имъ титулъ *кесаря* — Костанція Хлора для Западной имперіи, Галерія для Восточной. Жестокій кесарь Галерій былъ злѣйшій врагъ христіанства. Находясь подъ вліяніемъ своей матери, грубой и суевѣрной женщины, онъ былъ упорно преданъ язычеству и христіанъ ненавидѣлъ всѣмъ

существомъ своимъ. Какъ подчиненный кесарь, онъ не могъ самъ воздвигнуть всеобщаго, открытаго гоненія, но вскорѣ съумѣлъ совершенно подчинить своему вліянію больного, престарѣлаго императора и возбудилъ въ немъ такое же чувство ненависти, выставивъ передъ нимъ христіанъ мятежниками, презрителями религіи и царской власти, готовыми на поджигательства и всякое преступленіе. Рѣшено было искоренить христіанство со всѣми его учрежденіями и храмами къ положенному сроку, и обнародованъ слѣдующій эдиктъ: «Всѣ богослужебныя собранія христіанъ запрещаются. Христіанскіе храмы должны быть разрушены; списки Св. Писанія должны быть отбираемы и сожигаемы; всѣ христіане лишаются своего достоинства и гражданскихъ правъ; у христіанскихъ рабовъ отнимается навсегда надежда на освобожденіе; при судѣ надъ христіанами дозволяются всякія пытки, безъ принятія отъ нихъ жалобъ»...

Въ 303 году, 23-го февраля, въ день великаго языческаго праздника этотъ эдиктъ вступилъ въ силу—въ этотъ же день великолѣпный Никомидійскій храмъ былъ разрушенъ до основанія, св. книги отняты и сожжены... Вслѣдъ за тѣмъ начались ужасы, которые и изобразить трудно. «Если-бы у меня», пишетъ одинъ изъ современниковъ, «были сотня устъ и желѣзная грудь, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣхъ родовъ мученій, претерпѣнныхъ вѣрующими». Свирѣпство доходило до такой степени, что изувѣченныхъ снова лѣчили, чтобы мучить, мучили въ одномъ мѣстѣ отъ десяти до ста человѣкъ въ день безъ различія пола и возраста. «Я самъ былъ очевидцемъ этого», говоритъ историкъ Евсевій, «такъ-что желѣзо притуплялось и ломалось, и сами убійцы, утомив-

шись, поочередно смѣняли другъ друга». И на Востокѣ, и на Западѣ, въ Египтѣ, Сиріи, Палестинѣ, Малой Азіи, въ Африкѣ и Италіи, вездѣ вновь воздвигнутые храмы Божіи разрушались, сожигались священныя книги, и страшно умножалось число святыхъ мучениковъ.

Изъ необозримаго числа христіанскихъ мучениковъ и мучениць временъ гоненія, представимъ хотя нѣсколько примѣровъ.

Въ Карѳагенѣ пострадали св. мученицы *Перпетуя и Фелицитата*. Онѣ готовились принять святое крещеніе, когда ихъ схватили и привели на судъ. Вивія Перпетуя была знатная и богатая вдова, всего 22 лѣтъ отъ роду: мать христіанка научила ее вѣрѣ; Фелицитата—ея служанка. Перпетуя сама описала допросы и заточеніе свое въ темницѣ. Отецъ ея былъ язычникъ и, вмѣстѣ съ судьями, умолялъ ее отречься отъ Христа; но мольбы его, какъ и угрозы судей, были тщетны.

Допросы продолжались нѣсколько дней, и въ продолженіе этого времени всѣ обвиненные нашли средство принять святое крещеніе. Это исполнило ихъ еще большею ревностію; они только молили Бога, чтобы даровалъ имъ силу все перенести за имя Его. Вскорѣ ихъ всѣхъ заключили въ темницу.

«Я ужаснулась», говоритъ святая исповѣдница: «никогда я не была въ столь ужасной темнотѣ. Тяжелый день! Томительная духота отъ множества заключенныхъ, жестокое обращеніе приставниковъ и, наконецъ, мучительная тоска о ребенкѣ»... Вѣрующіе, подкупивъ стражей, нашли возможнымъ нѣсколько облегчить страданія юной исповѣдницы. Она поспѣшила воспользоваться данною ей льготой, чтобы кормить свое дитя.

Наконецъ ей дозволено было взять его къ себѣ въ тюрьму. «Темница стала теперь для меня дворцомъ», говоритъ обрадованная мать, лаская своего малютку. Въ темницу пришелъ къ Перпетуѣ престарѣлый отецъ, и начались для нея жестокія испытанія. Отецъ не приказывалъ своей дочери, а просилъ ее, умолялъ, падалъ передъ ней на колѣни, убѣждая ее отречься отъ вѣры, цѣловалъ ей руки и обливалъ ихъ слезами. «Умилосердись надъ моей сѣдиной», говорилъ онъ своей дочери, «не дѣлай меня предметомъ поруганія. Посмотри на свою мать, братьевъ, сына; ему не жить безъ тебя!» Съ невыразимою тоской смотрѣла на отца святая Перпетуя и, оставаясь непреклонною въ истинѣ исповѣданія, истощалась въ усиліяхъ сколько-нибудь умѣрить скорбь его. «Не скорби, отецъ», говорила она: «будетъ то, что угодно Богу; мы зависимъ не отъ себя, а отъ воли Его».

Вотъ что пишетъ она сама о публичномъ допросѣ. «Множество народу собралось на это зрѣлище. Насъ привели и поставили на какое-то возвышеніе. Сначало стали спрашивать моихъ товарищей. Когда дошла очередь до меня, подошелъ ко мнѣ отецъ, съ груднымъ моимъ ребенкомъ на рукахъ, и отведя меня въ сторону, сталъ говорить: «пожалѣй ребенка!» Сталъ говорить и проконсулъ: «сжалься хоть надъ сѣдинами твоего отца, сжалься хоть надъ своимъ ребенкомъ, принеси жертву за здравіе императора». «Не могу», отвѣчала я.—«Такъ ты христіанка?» «Да, я христіанка». Отецъ ни за что не хотѣлъ оставить меня и безпрестанно уговаривалъ, чтобъ я отреклась отъ вѣры: проконсулъ приказалъ столкнуть его внизъ и наказать розгами. Этого я не могла вынесть—лучше бы меня били, а не его. Наконецъ проконсулъ произ-

несъ приговоръ: насъ осудили бросить звѣрямъ на съѣденіе. Мы вернулись радостные въ свою темницу».

За три дня до казни Фелицитата въ тюрьмѣ родила дочь и жестоко мучилась родами. «Ты страдаешь теперь», говорилъ ей тюремщикъ: «что же будетъ, когда звѣри станутъ терзать тебя?»—«Теперь», сказала ему мученица, «я страдаю одна и кричу отъ боли, а тогда не я одна буду выносить муку: Тотъ, за Кого стану страдать, укрѣпитъ меня».

«Наконецъ,—продолжаетъ разсказъ,—насталъ день побѣдный—повели мучениковъ изъ тюрьмы въ амфитеатръ. Они шли, какъ на праздникъ. Перпетуя—послѣдняя, тихо, величаво, точно матрона христіанская, возлюбленная Богомъ, шла опустивъ глаза, а вся толпа вперила на нее взоры».

Перпетую и Фелицитату раздѣли до-нага и окутали сѣтью, но народъ вступился за нихъ и потребовалъ, чтобы ихъ одѣли. Выпустили на нихъ бѣшенаго быка—онъ подхватилъ на рога Перпетую и отбросилъ далеко. Она встала и, готовясь снова на встрѣчу звѣрю, спѣшила прикрыть разорванными лоскутьями наготу свою и завязывать себѣ волосы, «для того,—поясняетъ разсказъ,—что мученикъ долженъ быть прибранъ и украшенъ, не долженъ, идя на побѣдную славу, быть въ растерзанномъ видѣ, свойственномъ похоронному трауру». Перпетуя, уже раненая, забывъ о своей боли, стала поднимать лежавшую Фелицитату, и обѣ жены обнялись нѣжно посреди арены. Зрители были тронуты, такъ-что мученицъ увели по требованію народа, но лишь за тѣмъ, чтобы онѣ оправились для рѣшительной казни. Ихъ вывели снова, вмѣстѣ съ остальными, на средину арены, и тутъ гладіаторы закололи ихъ копьями.

Молодой воинъ, очень любимый царемъ, по имени *Георгій*, безстрашно обличалъ суетность идолопоклонства, и самыя жестокія истязанія не могли склонить его отречься отъ Христа, какъ того требовалъ Діоклетіанъ. Богъ помогалъ молодому христіанину, чудесно врачуя его раны и даруя ему власть творить чудеса. Эти дивныя проявленія силы Божіей изумляли язычниковъ, и многіе изъ нихъ обращались. Супруга Діоклетіана, царица Александра, пораженная дивною силою Божіею, громогласно исповѣдала, что и она христіанка; она была осуждена на казнь, но предала душу Богу прежде, чѣмъ ея коснулся мечъ. Юный воинъ претерпѣлъ казнь, и славенъ въ нашей Церкви подъ именемъ великомученика *Георгія Побѣдоносца*.

Другой молодой воинъ, по имени *Севастіанъ,* изъ дворцовой стражи, посѣщалъ темницы, гдѣ содержались христіане, ободрялъ узниковъ и славилъ подвигъ ихъ. Два брата, осужденные на казнь за исповѣданіе вѣры Христовой, склонились-было къ отреченію, видя слезы родителей и женъ своихъ. Севастіанъ увѣщаніями своими возвратилъ ихъ къ долгу и, обративъ многихъ ко Христу, самъ сподобился мученической смерти: его пронзили стрѣлами и потомъ забили до смерти палками. Вмѣстѣ съ нимъ пострадало великое множество христіанъ.

Св. Потаміена, молодая рабыня, рѣдкой красоты, была предана на казнь господиномъ своимъ, который донесъ на нее, что она христіанка. Ее мучили ужаснымъ образомъ и наконецъ медленно опустили въ котелъ съ кипящею смолою. Во время допроса и истязаній, присутствовавшій народъ осыпалъ дѣвицу ругательствами; но одинъ воинъ, по имени Василидъ, тронутый ея терпѣніемъ и кротостію, старался, сколь-

ко могъ, ограждать ее отъ оскорбленій разъяренной толпы. Потаміена поблагодарила его и обѣщала, что по смерти станетъ молить Господа о спасеніи его. Прошло нѣсколько времени. Однажды товарищи Василида по какому-то случаю требовали отъ него клятвы. Онъ сказалъ, что клясться не можетъ, потому что онъ христіанинъ. Ему не повѣрили,—подумали, что онъ шутитъ; но онъ повторилъ исповѣданіе свое, и его отвели къ судьѣ. И тутъ Василидъ продолжалъ утверждать, что онъ христіанинъ, и судья велѣлъ заключить его въ темницу. Нѣкоторые христіане, услышавъ объ этомъ, посѣтили его и разспрашивали о причинѣ такого внезапнаго обращенія. Василидъ разсказалъ имъ, что, черезъ три дня послѣ казни Потаміены, дѣвица явилась ему и, возложивъ на голову его вѣнецъ, сказала, что она исполнила обѣщаніе свое, и что онъ скоро умретъ за имя Христа. Василидъ въ темницѣ принялъ святое крещеніе и вскорѣ за тѣмъ былъ казненъ какъ христіанинъ.

Вотъ еще трогательная повѣсть о чудесномъ обращеніи одного комедіанта, по имени *Генеса*. Осмѣивая христіанъ, онъ, на сценѣ, для забавы царя и народа, представлялъ таинства христіанскаго богослуженія; всѣ смѣялись, дивясь искусству его. Вдругъ, по милосердію Господа, лучъ небесной благодати коснулся души его; онъ воскликнулъ: «я вѣрую и желаю креститься». Зрители продолжали смѣяться; но Генесъ повторилъ исповѣданіе свое и, обратясь къ товарищамъ, сказалъ имъ, что вовсе не шутитъ, а желаетъ принять святое крещеніе, потому что позналъ истину христіанской вѣры. Повели комедіанта къ царю; и онъ опять сказалъ, что вѣруетъ во Христа; что пока онъ осмѣивалъ таинства вѣры, ему было чудное ви-

дѣніе; что онъ видѣлъ Ангела, омывающаго въ водѣ крещенія книгу, въ которой были вписаны всѣ согрѣшенія его, и что онъ хочетъ быть христіаниномъ. Ни увѣщанія, ни угрозы, ни мученія не поколебали его твердости, и онъ былъ казненъ.

Св. Анастасія Узорѣшительница. «Въ темницѣ бѣхъ, и посѣтисте Мене»: глубоко проникло это слово въ душу святой Анастасіи. Все горе своей разбитой молодой жизни, связанной съ человѣкомъ жестокимъ и грубымъ, за котораго ее насильно выдали замужъ, она утолила въ чувствѣ любви и состраданія къ тѣмъ «забытымъ» людямъ, коими переполнены были смрадныя и ужасныя темницы тогдашняго Рима.

Бодрая, свѣтлая, обрадованная радостью, которую давала другимъ, она ежедневно обходила темницы, и вездѣ встрѣчали ее, какъ Божьяго Ангела.

Но недолго была съ нею благодать этого утѣшенія: мужъ ея вознегодовалъ на нее и, опасаясь, что она все богатство свое расточитъ на заключенныхъ, сталъ держать ее взаперти, приставилъ къ ней стражу. Она доходила до отчаянія и писала своему бывшему воспитателю: «моли за меня Бога, за любовь къ Которому я страдаю до изнеможенія»... Старецъ ей отвѣтилъ на это: «не забывай, что ходящій по водамъ Христосъ силенъ утишить всякую бурю: «Онъ же воставъ запрети вѣтру и волненію водному: и улегоста, и бысть тишина»... (Лук. VIII, 24). Ты теперь стоишь какъ-бы среди волнъ морскихъ, въ терпѣніи ожидай Христа — Онъ придетъ къ тебѣ... Свѣту всегда предшествуетъ тьма; послѣ смерти обѣщана жизнь; конецъ предстоитъ земной скорби, какъ и земной радости. Благословенъ отъ Бога тотъ, кто уповаетъ на Него».

Вскорѣ св. Анастасія овдовѣла и получила свободу отдать все свое богатство и всю жизнь свою на то служеніе, которое она такъ возлюбила. Теперь она уже не ограничивалась темницами одного Рима, она переходила отъ города въ городъ, отъ страны въ страну— доставляла узникамъ пищу, одежду, омывала ихъ раны, большими деньгами подкупала темничныхъ стражей, чтобы они освобождали страдальцевъ отъ желѣзныхъ оковъ, натиравшихъ имъ раны. За эти дѣла и присвоено ей наименованіе *Узорѣшительницы*.

Сколь многимъ ея любовь принесла утѣшеніе, сколь многимъ она дала силу претерпѣть до конца! Трудясь день и ночь, она совершенно забывала, что и сама можетъ подвергнуться преслѣдованію: однажды, придя въ темницу къ узникамъ, которымъ она служила еще наканунѣ, не нашла ихъ на мѣстѣ, такъ какъ ночью всѣ они были казнены, чтобъ опростать мѣсто въ темницѣ для множества другихъ, вновь забранныхъ христіанъ. Она горько заплакала и спрашивала у всѣхъ сквозь слезы: «гдѣ же мои друзья-узники?» Заключивъ изъ этого, что и она христіанка, ее взяли и представили на судъ къ правителю: ее распяли между четырьмя столбами и развели огонь, чтобы ее сжечь, но прежде чѣмъ разгорѣлось пламя, она скончалась среди мученій.

Св. Варвара. Самъ Господь вложилъ намъ въ душу желаніе красоты, и въ природѣ она находитъ удовлетвореніе, потому что природа есть высшее выраженіе безконечной красоты — Бога. Природа таинственно научаетъ насъ черезъ *видимое* созерцать *невидимое*, и въ природѣ слышитъ простая и вѣрующая душа призывъ въ той радости небесной, о которой повѣдуетъ намъ красота природы. Умилительна повѣсть, сохра-

ненная Церковью о томъ, какъ «этотъ призывъ къ небесному» былъ услышанъ юною язычницею, отроковицею Варварою. По преданію она была дивной красоты и, по желанію отца своего Діоскора, жила вдали отъ всѣхъ родныхъ и сверстницъ, съ одною наставницею и нѣсколькими рабынями, на высокой башнѣ, которую отецъ нарочно для нея построилъ. Окружена она была всякою роскошью, одно требовалось строго, чтобы никто не нарушалъ ея уединенія. Башня, въ которой жила она, стояла на высокой горѣ, и далеко вокругъ въ непрерывной красотѣ разстилались чудныя картины. Варвара любила сидѣть у окна и по цѣлымъ часамъ безмолвно смотрѣла на «горняя и дольняя созданія Божія». Душа ея прислушивалась и зрѣла въ тишинѣ. Солнечное сіяніе, теченіе луны, безчисленныя звѣзды, нивы, лѣса, цвѣты— вся эта свѣтлость небесная и красота земная таинственно будто глядѣла на нее, и она вглядывалась... и трепетно становилось у ней на душѣ.

«Кто сотворилъ все это?» наконецъ спросила она у своей наставницы и у рабынь, приставленныхъ къ ней. «Наши боги», отвѣчали онѣ. Опечаленная, она больше не стала ихъ спрашивать. Однажды, когда по обыкновенію своему сидѣла она у своего окна и долго смотрѣла на небо, думая съ тоскою: «Кто сотворилъ эту ширь небесную, эту голубую таинственную даль», — внезапно неизъяснимая сладость наполнила ея душу: свѣтъ благодати коснулся ея, она поняла, и черезъ созданіе познала Создателя.

Съ той поры все желаніе Варвары было устремлено къ одному—скорѣе познать ученіе Божіе. Но не могла она найти себѣ наставника, такъ-какъ никто къ ней проникнуть не могъ. Жила она, какъ

чистая голубица, на высокой башнѣ своей вдали отъ всего земного, ни къ чему земному не прилагая сердце свое и чувствуя близость Бога живаго, *Иже вся содержитъ, вся устрояетъ, вся оживляетъ, о всѣхъ промышляетъ.*

Насталъ, наконецъ, и свѣтлый день, когда она въ первый разъ услышала имя Іисуса Христа. Когда отсутствіе отца, въ дальнюю поѣздку, дало ей возможность сходить со своей башни, она встрѣтила христіанокъ, которыя объяснили ей ученіе Христово. Съ неизреченною радостью приняла она Христово ученіе: оно раскрыло предъ нею новую жизнь, которую уже давно предчувствовало и предугадывало ея сердце. Отъ проѣзжаго изъ Александріи священника она тайно приняла св. крещеніе и тѣмъ приготовила себя къ принятію огненнаго крещенія страданіемъ.

Скоро отецъ ея узналъ, что она приняла христіанство. Страшенъ былъ гнѣвъ его, и страшно читать, на какія муки злоба людская осудила эту чистую молодую жизнь! Съ молитвою за тѣхъ, кто страдаетъ, отошла она «въ радость Господа своего». Святая Церковь празднуетъ 4 декабря память св. великомученицы Варвары и та́къ восхваляетъ ее:

Радуйся, Варваро, незлобивая голубица!

Радуйся, яко въ твари аки въ зерцалѣ Самого Творца усмотрѣла еси!

Радуйся, яко въ созданныхъ свѣтилахъ несозданный Свѣтъ узрѣла еси!

Болѣе всего поражала язычниковъ, стоявшихъ внѣ Церкви, *взаимная* любовь христіанъ, *та любовь*, которая въ своемъ безконечномъ сочувствіи и жалости ко всѣмъ ближнимъ была для языческаго міра чѣмъ-то совершенно новымъ. Сила этой любви особенно проявлялась во времена общественныхъ бѣдствій: голода,

язвы и т. п., когда вѣрующіе, страдая на-ряду со всѣми, съ изумительнымъ самоотверженіемъ ходили за умирающими и больными, которые были покинуты самыми близкими имъ людьми. На такихъ-то людей были направлены гоненія, для нихъ придумывались всевозможныя пытки и мученія, утомившія подъ конецъ самихъ мучителей.

1 мая 305 г. Діоклетіанъ отрекся отъ престола. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ императорская власть была въ рукахъ у шести императоровъ, которые оспаривали ее другъ у друга. И положеніе христіанъ въ имперіи было неодинаково, смотря по характеру различныхъ правителей. Констанцій Хлоръ въ Британіи и Галліи, хотя и язычникъ, уважалъ христіанъ и тайно покровительствовалъ имъ. Но на Востокѣ, при Галеріи продолжалось страшное гоненіе, пока Богъ не поразилъ его страшною, мучительною болѣзнью. Тогда въ немъ заговорила совѣсть: въ ужасѣ онъ прекратилъ гоненіе и издалъ *указъ,* которымъ дозволялось христіанамъ исповѣдывать открыто свою вѣру и возстановлять свои церкви. Но суевѣрный страхъ внушилъ язычнику закончить указъ свой просьбою къ христіанамъ, чтобъ они молились о его выздоровленіи!

Послѣ смерти Галерія, *Максиминъ,* жестокій, грубый и суевѣрный, поспѣшилъ отмѣнить указъ Галерія, и гоненія возобновились на Востокѣ съ новой силой. Въ то же время на Западѣ *Максентій* преслѣдовалъ христіанъ въ Африкѣ и Италіи.

Между тѣмъ готовились тѣ великія событія, которыя привели къ торжеству христіанской вѣры: на Западѣ, въ могуществѣ и силѣ возрасталъ будущій покровитель христіанъ—*Константинъ.*

VII.

ИМПЕРАТОРЪ КОНСТАНТИНЪ ВЕЛИКІЙ.

Въ то время какъ языческій міръ, вооружившись противъ христіанства огнемъ и мечемъ, мечталъ совсѣмъ стереть его съ лица земли,—Промыслъ Божій уготовлялъ для Церкви Своей, среди самаго двора кесарей, царственнаго покровителя въ лицѣ великаго и равноапостольнаго Константина.

Константинъ былъ воспитанъ въ вѣрованіи отца своего Констанція Хлора, который былъ язычникъ, но глубоко сочувствовалъ христіанству и въ немъ, болѣе нежели въ язычествѣ, находилъ удовлетвореніе своему религіозному чувству. Подъ вліяніемъ впечатлѣній, полученныхъ съ самой ранней юности, Константинъ имѣлъ возможность безпристрастно слѣдить за ходомъ событій языческаго міра и міра христіанскаго. Онъ былъ свидѣтелемъ обнародованія эдикта Діоклетіана и слѣдовавшихъ за тѣмъ ужасовъ, онъ видѣлъ жестокость Римскихъ правителей, лукавство языческихъ жрецовъ, видѣлъ кротость и вѣрность христіанъ, неодолимость Христовой Церкви среди всѣхъ ея бѣдствій, и видѣлъ наконецъ бѣдственное положеніе самого язычества, тщетно искавшаго помощи отъ несуществующихъ боговъ. Всѣ эти впечатлѣнія также слагались въ мысли его: онъ самъ еще не сознавалъ, что̀ дѣлалось въ тайникѣ его души, но Рука Божія постепенно

уготовляла его и многообразными средствами очищала въ избранный сосудъ Своей славы.

Послѣ смерти Констанція Хлора, Константинъ былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ еще больше, нежели отецъ его, оказывалъ покровительство христіанамъ, часто давалъ имъ предпочтеніе предъ язычниками, но самъ продолжалъ принимать участіе во всѣхъ общественныхъ обрядахъ язычества. Рѣшающее событіе въ духовной жизни Константина совершилось въ 312 году, когда онъ выступилъ походомъ противъ императора Максентія. Этотъ императоръ, злѣйшій врагъ и гонитель христіанъ, располагалъ громадными военными силами и не опасался за исходъ борьбы. Константинъ, который въ этой борьбѣ видѣлъ борьбу не за власть, но за правду, ощущалъ потребность сверхъестественной помощи.

«Онъ вспомнилъ», говоритъ историкъ Евсевій, «что Богъ христіанъ былъ втайнѣ и Богомъ отца его, и къ этому Богу онъ теперь обратился съ такою мольбою: Боже! явися мнѣ, вразуми меня о Себѣ и въ предлежащемъ дѣлѣ простри мнѣ Свою десницу». Когда онъ такъ молился, то увидѣлъ на небѣ лучезарный крестъ съ надписью: «*симъ побѣдиши*». Будучи пораженъ видѣніемъ, императоръ вдругъ впалъ въ глубокій сонъ, и тогда явился къ нему Спаситель и, держа въ Своей рукѣ тотъ же символъ, который показанъ былъ на небѣ, повелѣлъ ему употребить его какъ *знамя* на войнѣ и далъ увѣренность въ побѣдѣ. Когда Константинъ пробудился отъ сна, онъ начерталъ знакъ, который показанъ былъ ему въ сновидѣніи, и тотчасъ обратился къ христіанскимъ священникамъ за объясненіемъ сего таинственнаго явленія. Отъ нихъ получилъ онъ наставленіе о значеніи чуднаго видѣнія,

«котораго сподобилъ его Господь». Съ этого времени войска Константина никогда не выступали въ походъ иначе, какъ подъ покровомъ *labarum*, т. е. *знамени*, на которомъ крестъ соединенъ былъ съ первыми буквами имени Искупителя.

Побѣда осталась за Константиномъ: войско Максентія, не смотря на свою многочисленность, было разбито, самъ Максентій утонулъ въ рѣкѣ Тибрѣ, и Римъ въ первый разъ открылъ врата свои передъ изображеніемъ *Креста!*

Тотчасъ послѣ побѣды была воздвигнута въ Римѣ статуя императора съ крестомъ въ правой рукѣ и надписью, въ которой побѣда приписывается не ему, а силѣ «сего спасающаго знамени».

Константинъ по смерти Максентія остался одинъ правителемъ на Западѣ,—на Востокѣ же въ это самое время, по смерти императора Максимина, правителемъ сталъ *Ликиній*.

Первый указъ, обнародованный императоромъ, былъ указъ, возвѣщавшій всѣмъ его народамъ *полную вѣротерпимость:* язычникамъ оставлялись права совершать обряды своего богопочитанія, христіанамъ дозволялось свободно, открыто поклоняться одному истинному Богу.

По всѣмъ городамъ начались праздники обновленія и освященія церквей, вездѣ слышались хвалебныя пѣсни, возносились благодарственныя моленія. Императоръ не только возвратилъ христіанамъ ихъ усыпальницы, отнятыя гонителями, но самъ щедро содѣйствовалъ построенію новыхъ церквей: всюду воздвигались великолѣпные храмы. Самъ Константинъ усердно посѣщалъ церковныя богослуженія и тщательно изучалъ Св. Писаніе. Епископы были его любимыми собесѣд-

никами, онъ всегда стоя выслушивалъ самыя даже длинныя ихъ рѣчи, глубоко цѣнилъ ихъ совѣты, ими руководствовался, хотя и самъ глубоко вникалъ во всѣ вопросы, касающіеся вѣры. Священнослужителей онъ освободилъ отъ налоговъ и отъ всякихъ обязательныхъ постороннихъ занятій, дабы они могли совершенно себя посвятить служенію Богу.

Всѣ христіане, находившіеся въ ссылкѣ или на рудникахъ, были имъ возвращены; тѣ изъ нихъ, которые лишены были общественныхъ должностей вслѣдствіе своей вѣры, были возстановлены въ нихъ. Собственность мучениковъ была возвращена ихъ наслѣдникамъ и, если не оказывалось таковыхъ, то отдавалась церкви. Онъ также облегчилъ участь рабовъ, дозволивъ, чтобы освобожденіе ихъ совершалось въ церквахъ. Сиротъ, бѣдныхъ, увѣчныхъ, больныхъ, всѣхъ этихъ несчастныхъ, которые языческому міру внушали лишь ужасъ и отвращеніе, онъ принялъ подъ свое покровительство.

Въ 315 г. имъ была отмѣнена казнь распятія на крестѣ. Государственнымъ умомъ своимъ онъ постигъ, что въ христіанствѣ одномъ была сила жизни, что оно одно могло принести обновленіе, возстановить могущество имперіи. Ученіе Христово видимо налагало свой отпечатокъ на всѣ мѣропріятія властелина Запада, тогда какъ на Востокѣ жестокій повелитель Ликиній не переставалъ угнетать и преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, кто этому ученію слѣдовалъ.

«Римская имперія», писалъ Евсевій, «раздѣленная на двѣ части, кажется всѣмъ раздѣленною на день и ночь: населяющіе Востокъ объяты мракомъ ночи, а жители другой половины государства озарены свѣтомъ самаго яснаго дня». Сношенія Ликинія съ Кон-

стантиномъ мало-по-малу перешли въ открытую борьбу. Эта борьба должна была рѣшить судьбу христіанства въ Римской имперіи. Оба императора готовились къ рѣшительной битвѣ, каждый сообразно съ своею вѣрою. Оракулы предвѣщали побѣду Ликинію: — христіане молились за Константина. Богъ даровалъ побѣду Константину, Ликиній лишился жизни и престола. *Константинъ сдѣлался единодержавнымъ — христіанство восторжествовало.*

Послѣ побѣды своей Константинъ поспѣшилъ распространить и на христіанъ Восточныхъ областей тѣ самыя права, которыми они пользовались на Западѣ.

Въ своемъ указѣ областнымъ начальникамъ Восточныхъ странъ Константинъ, увѣщавая всѣхъ своихъ подданныхъ къ добровольному принятію Евангелія, заканчиваетъ это свое слово молитвеннымъ къ Богу обращеніемъ, по которому можно судить о заботѣ, наполнявшей его душу.

«Теперь», пишетъ онъ, «молю Тебя, великій Боже! Будь милостивъ и къ Восточнымъ Твоимъ народамъ! Подъ Твоимъ руководствомъ началъ я и окончилъ дѣло спасенія, предносся вездѣ Твое *знамя,* и велъ за нимъ побѣдоносное свое войско. Потому и предалъ я Тебѣ свою, крѣпко испытанную въ любви и страхѣ, душу—что искренно люблю Твое имя и благоговѣю передъ Твоею силою, которую явилъ Ты мнѣ. Хочу, чтобы народъ Твой наслаждался спокойствіемъ и безмятежностію, хочу, чтобы, подобно вѣрующимъ, миръ и тишину вкушали и заблуждающіеся, ибо такое возстановленіе общенія можетъ ихъ вывести на путь истины».

Константинъ, какъ явный покровитель христіанъ, былъ мало любимъ въ Римѣ, гдѣ оставалось еще

много обычаевъ и нравовъ языческихъ; поэтому онъ рѣдко и неохотно посѣщалъ древнюю столицу. Онъ рѣшилъ основать новую столицу, новый Римъ, городъ христіанскій, который не былъ бы ничѣмъ связанъ съ язычествомъ. Ему полюбилось положеніе Византіи, древняго небольшаго города на берегахъ Босфора, и онъ избралъ его въ новую столицу имперіи.

Съ чудесною быстротою воздвиглась новая столица, названная по имени императора: дворцы, водопроводы, бани, театры украсили ее, и она наполнялась сокровищами искусства, свезенными туда изъ Греціи, Италіи и Азіи. Гладіаторскій бой и другія варварскія зрѣлища, составлявшія услажденіе Римлянъ, ее не осквернили, и въ ней никогда не было воздвигнуто храмовъ языческимъ богамъ.

Первая церковь новаго города была посвящена Софіи Премудрости Божіей.

VIII.

ПЕРВЫЙ ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Арій.

Христіанское ученіе стало изъ гонимаго торжествующимъ, и Церковь христіанская наслаждалась внѣшнимъ миромъ. Но внутренняго мира въ ней не было. Ереси, или ложныя ученія о предметахъ вѣры, появившіяся еще со временъ Апостольскихъ, умножились и возбуждали вражду между послѣдователями различныхъ ученій. Отцы Церкви и мѣстные соборы обличали лжеученія, но отъ лица *всей* Церкви Христовой не было провозглашено, въ чемъ должно состоять истинно православное ученіе, по коему слѣдуетъ отличать правую вѣру отъ неправой.

Въ царствованіе Константина появилась въ Церкви новая, не бывалая до того, ересь—*аріанство*, Арій, Александрійскій пресвитеръ, человѣкъ даровитый, но гордый умомъ своимъ и ученостью, составивъ по своему разсужденію понятіе о лицахъ Св. Троицы, сталъ учить и проповѣдывать, что Іисусъ Христосъ не единосущенъ съ Богомъ Отцемъ и не безначаленъ, но сотворенъ Отцемъ, и было время, когда Его не было. Это заблужденіе Арія могло бы остаться личнымъ его заблужденіемъ и не произвести волненій въ Церкви, если бы онъ не былъ человѣкомъ

столь гордымъ и честолюбивымъ. Онъ надѣялся быть епископомъ въ Александріи, но клиромъ и народомъ былъ выбранъ не онъ, а *Александръ*. Выслушавъ отъ Арія богохульное его мнѣніе, надменно высказанное, Александръ ужаснулся; но Арій, не внимая никакимъ увѣщаніямъ, сталъ обзывать еретиками всѣхъ несогласныхъ съ нимъ, и, не подчинившись суду епископа, сталъ распространять свое ученіе. Онъ не покорился и собору въ Александріи, осудившему его, но сталъ проповѣдывать ересь свою въ Египтѣ и въ Палестинѣ и распространять ее въ народѣ посредствомъ стихотвореній, гимновъ и пѣсней. Самъ Арій привлекалъ къ себѣ множество послѣдователей: его изможденный, почти дикій видъ, порывистыя, нервныя движенія, часто безумно-возбужденная рѣчь, производили странное впечатлѣніе: а тихій, мелодичный голосъ и что-то душевно-ласковое въ обращеніи имѣло удивительное воздѣйствіе на всѣхъ, кто ближе подходилъ къ нему. Вскорѣ Аріанская ересь охватила весь Востокъ. Повсюду поднялись горячіе, соблазнительные споры о лицѣ Господа Іисуса Христа, не только въ средѣ духовенства, но и въ народѣ, споры возбуждавшіе ненависть, до дракъ и кровопролитій. Многіе изъ епископовъ, увлекаясь ученіемъ Арія, приняли его сторону. Разрасталась ужасная ересь, которая вела къ отверженію искупленія рода человѣческаго, слѣдовательно и всего христіанства.

Константинъ, объѣзжая Востокъ, со скорбію и удивленіемъ услышалъ о спорѣ, о которомъ на Западѣ почти ничего не знали. Сначала, такъ какъ онъ былъ еще не достаточно посвященъ въ вопросы церковнаго Богословія, ему казалось, что весь этотъ споръ есть не что иное, какъ суетное словопреніе. Въ надеждѣ при-

мирить враждующихъ, онъ отправилъ къ Александру и къ Арію письмо, убѣждая ихъ кончить споръ миролюбно и его, императора, успокоить. Въ этомъ письмѣ Константинъ свидѣтельствуетъ съ клятвою, что онъ почитаетъ своимъ призваніемъ и цѣлью своей жизни—соединить весь міръ въ одномъ правленіи и въ одной вѣрѣ. «Съ какими надеждами», говоритъ онъ, «ѣхалъ я отъ смятеннаго бранями Запада къ Восточнымъ предѣламъ, откуда возсіялъ Божественный свѣтъ, и—о, Божественное Провидѣніе!—какою язвою пораженъ здѣсь слухъ мой, или скорѣе, мое сердце! Оставьте пустые, безконечные ваши споры, возвратитесь къ согласію единой, общей вѣры! Возвратите и мнѣ безмятежные дни мои и спокойныя ночи—дайте мнѣ свѣтъ и радость вмѣсто воздыханій и слезъ».

Это письмо было привезено въ Александрію Осіей, епископомъ Кордубскимъ, однимъ изъ самыхъ уважаемыхъ пастырей всего Запада, близкимъ другомъ и совѣтникомъ самого Константина. Но было уже поздно надѣяться на примиреніе, когда ересь распространилась такъ далеко. Осія, выслушавъ Арія на новомъ соборѣ въ Александріи, вмѣстѣ съ прочими епископами осудилъ его лжеученіе. Арій не уступилъ. Тогда императоръ взглянулъ на все это дѣло иначе. Онъ понялъ, какую великую и существенную важность имѣло разсматриваемое ученіе. Необходимо было возвратить миръ взволнованной Церкви: невозможно было допустить, чтобы вѣчность и Божественность Христа Спасителя оставалась вопросомъ спорнымъ для вѣрующихъ. Вся Церковь, чрезъ предстоятелей своихъ, должна была изложить вѣру, преданную ей Христомъ и Апостолами Его. Константинъ остановился на мысли—созвать всѣхъ епископовъ

христіанскаго міра на *вселенскій соборъ,* въ городъ Никею, столицу Виѳинской области.

До сихъ поръ еще не было и не могло быть вселенскаго собора; онъ сталъ возможенъ только теперь, когда все обширное Римское государство, отъ Востока до Запада, въ первый разъ объединилось подъ властью одного христіанскаго царя.

Призывъ на соборъ, по необходимости, долженъ былъ исходить отъ императорской власти, какъ единственной власти, которая непререкаемо признавалась всѣми христіанами имперіи.

Императоромъ были разосланы призывныя грамоты епископамъ всей вселенной. Епископы со всѣхъ странъ съ готовностію поспѣшили въ Никею. Всѣ издержки ихъ путешествія и пребыванія въ Никеѣ принималъ на себя императоръ. Прибыли епископы изъ Египта и Палестины, изъ Сиріи и Месопотаміи, Африки, областей Малой Азіи. Греціи, изъ Персіи, Арменіи, Мизіи и Дакіи, отъ задунайскихъ Готѳовъ, недавно обращенныхъ въ христіанство: всѣхъ—318; ихъ сопровождали и другія духовныя лица, пресвитеры и діаконы. Были здѣсь и ученые и малограмотные, и знатные и бѣдные, и старые и молодые, престарѣлые епископы, которые уже стояли на краю могилы, молодые только-что поставленные діаконы, едва вступившіе на свое служеніе. Въ этомъ собраніи *подраздѣленіе* на старое и новое поколѣнія имѣло особое значеніе, потомучто какъ бы олицетворяло событія исторіи Церкви Христовой: новое поколѣніе выросло во времена мира и тишины, оно смутно помнило радость, возбужденную первымъ эдиктомъ великаго императора,—но само чрезъ страданіе оно не прошло... Старое же поколѣніе, которое составляло самую

значительную часть собранія, наоборотъ, великаго сего страданія сподобилось... Это все были *воины Христовы,* прошли они всѣ чрезъ брань, оставившую на нихъ слѣды страшныхъ увѣчій, отпечатокъ тяжкихъ мученій. Постановленія этого собора закрѣплены навсегда, и въ силу того, что онъ былъ вселенскій, и въ силу того, что почти всѣ члены его принадлежали къ святому воинству мучениковъ и исповѣдниковъ.

Соборъ открылся въ іюнѣ 325 года въ обширной палатѣ царскаго дворца. Всѣхъ присутствовавшихъ съ пресвитерами и діаконами было болѣе 2000 человѣкъ: епископовъ 318. Вокругъ, рядами, расположены были сѣдалища и скамьи для епископовъ и пресвитеровъ; посреди, на престолѣ, лежали книги Священнаго Писанія, какъ вѣрное свидѣтельство истины, съ которымъ должно было согласоваться рѣшеніе собора.

Всѣ ждали съ напряженнымъ вниманіемъ—всѣми чувствовалось приближеніе давно желаемаго... Извнѣ послышался сдержанный шумъ—императорское шествіе приближалось, и въ залъ одинъ за другимъ стали появляться лица свиты императора. Оруженосцы и воины отсутствовали. Они не были допущены на великое сіе христіанское собраніе, которое собою уже освятило мѣсто, на коемъ засѣдало. Изъ приближенныхъ царскихъ получили разрѣшеніе сопровождать своего владыку лишь тѣ, которые приняли христіанство.

Наконецъ широко распахнулись двери зала, все собраніе мгновенно поднялось со своихъ мѣстъ, и въ первый разъ его восторженному взору предсталъ императоръ.

Его величавая осанка, красивыя, правильныя, выразительныя черты вполнѣ соотвѣтствовали величію

его сана. Было что-то *свѣтлое* въ его взглядѣ, какое-то удивительное сочетаніе силы и кротости во всемъ его обликѣ, которому великолѣпіе и пышность царскихъ одеждъ придавали еще болѣе блеска и красоты.

Многимъ изъ собранныхъ здѣсь епископовъ доводилось въ первый разъ въ жизни находиться въ присутствіи царя... При видѣ царскаго величія и царственной красоты, при сознаніи того, что сдѣлалъ для нихъ и для ихъ Церкви *этотъ именно царь*, всѣ они трепетно взирали на проходящаго мимо ихъ Константина, видя въ немъ не человѣка, но ангела Божьяго, посланника небеснаго.

Константинъ въ первый разъ видѣлъ себя въ средѣ представителей той Церкви, въ которую привела его благодать Божія: передъ нимъ стояли люди, которые почти всѣ успѣли *страданіемъ* исповѣдать передъ Богомъ и людьми свою крѣпкую, юную вѣру, и всѣ они на него съ восторгомъ взирали, какъ на своего покровителя. Благоговѣя передъ ними, императоръ самъ смутился—краска разлилась по лицу его, онъ неровною поступью, съ поникшимъ взоромъ подошелъ къ креслу, которое было ему уготовано, и стоялъ неподвижно, пока епископы сами не пригласили его сѣсть.

Таково было начало великаго вселенскаго собора, постановившаго твердый, непререкаемый и на Востокѣ и на Западѣ законъ православной нашей вѣры.

Арій упорно защищалъ свое ученіе; его сторону открыто держали до семнадцати епископовъ, но православные съ силою оспаривали ихъ. Особенно привлекъ на себя общее вниманіе молодой діаконъ, прибывшій съ Александрійскимъ епископомъ, Аѳанасій,

которому суждено было прославиться своею твердостію и постоянствомъ въ борьбѣ съ Аріанами. Никто не превосходилъ его силою краснорѣчія; мѣткость его возраженій удивляла его противниковъ, но тщетны были всѣ усилія вразумить Аріанъ: чѣмъ долѣе продолжались пренія, тѣмъ очевиднѣе становилось, сколь далеки Аріане отъ истины. Арій не уступилъ, лжеученіе его было торжественно осуждено, и онъ былъ изгнанъ съ нѣкоторыми изъ приверженцевъ своихъ.

Рѣшивъ главный предметъ спора, соборъ занялся обсужденіемъ и другихъ вопросовъ. Вопросъ о времени празднованія Пасхи до сихъ поръ оставался еще нерѣшеннымъ; и Пасха еще въ нѣкоторыхъ Церквахъ совершалась въ одно время съ Іудейскою. Отцы собора положили праздновать Пасху вездѣ одновременно, а именно въ первое воскресеніе послѣ весенняго полнолунія. Во всѣхъ постановленіяхъ собора строгость смягчалась духомъ христіанской любви, снисходящей къ человѣческой слабости. Нѣкоторые епископы предложили безбрачіе духовенства; но противъ этого очень сильно возсталъ исповѣдникъ и пустынникъ Пафнутій, епископъ Ѳиваидскій. Хотя самъ безбрачный, онъ не считалъ нужнымъ возлагать на клириковъ непремѣнную обязанность безбрачія, и словами Апостола Павла доказывалъ честность брака. Его мнѣніе превозмогло.

Отпуская епископовъ съ собора, Константинъ въ прощальныхъ словахъ, обращенныхъ къ нимъ, умолялъ ихъ имѣть миръ между собою.—«Берегитесь», говорилъ онъ, «горькихъ вашихъ споровъ между партіями. И пусть никто не имѣетъ зависти къ епископамъ, явившимъ особенную мудрость: достоинство каждаго—считайте общимъ достояніемъ всей Церкви.

Высшіе и превосходные, не смотрите высокомѣрно на низшихъ: Богу одному вѣдомо, кто превосходнѣе. Совершенство рѣдко гдѣ бываетъ, и надо имѣть снисхожденіе къ слабѣйшимъ братіямъ; все неважное покрывайте прощеніемъ, берите въ разсужденіе людскія слабости:—мирное согласіе всего дороже. И спасайте невѣрующихъ—помните, что не всякаго можно обратить ученымъ разсужденіемъ; искренніе любители истины рѣдки. Мы должны походить на врачей и соображать свои лѣкарства съ болѣзнями, а свое ученіе съ различными расположеніями каждаго».

Соборъ разошелся, совершивъ свое великое дѣло—утвердивъ на вѣчныя времена догматъ воплощенія Сына Божія Христа Спасителя, основный догматъ христіанства. Вѣра вселенской Церкви единодушно выразилась слѣдующимъ образомъ въ Никейскомъ символѣ:

Вѣруемъ во единаго Бога, Вседержителя, Творца всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго: то есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша, яже на небеси и яже на земли. Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго и воплотившагося, и вочеловѣчшагося, страдавшаго и погребеннаго и воскресшаго въ третій день по Писаніемъ, и восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Егоже Царствію не будетъ конца: и въ Духа Святаго.

IX.

БОРЬБА СЪ АРІАНСТВОМЪ.

Смерть Константина.

Аріанская ересь была торжественно осуждена на Никейскомъ соборѣ, но этому лжеученію суждено было еще долго производить волненія въ Церкви. Споры между Аріанами и православными о лицѣ Господа Іисуса Христа вскорѣ снова поднялись, и поднялись еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Въ первый разъ исторія Церкви представляла странное явленіе: гоненіе христіанъ на христіанъ. Знаменательно и поучительно, что это первое гоненіе исходило не отъ правовѣрныхъ противъ еретиковъ, но отъ еретиковъ противъ правовѣрныхъ.

Аріанская партія не замедлила найти себѣ доступъ къ императорскому двору: Констанція, сестра императора, на смертномъ одрѣ своемъ умолила брата приблизить къ себѣ ея духовника, имѣвшаго неограниченное на нее вліяніе. Этому пресвитеру, Аріанину по убѣжденію, удалось поколебать мнѣніе Константина относительно правоты осужденія Арія, и Арій изъ ссылки былъ вызванъ въ Константинополь. Здѣсь онъ самъ представилъ императору письменное исповѣданіе своей вѣры, изложивъ въ немъ, въ общихъ чертахъ, ученіе о Божествѣ Сына Божія и Его рожденіи прежде всѣхъ вѣкъ отъ Отца.

Константинъ, будучи недостаточно свѣдущъ въ вопросахъ Богословія, предполагалъ на основаніи этого исповѣданія, что Арій оставилъ свои заблужденія, и вслѣдствіе этого освободилъ его отъ заточенія. Почти одновременно были возвращены изъ ссылки на свои прежнія каѳедры епископы Евсевій Никомидійскій и Ѳеогній Никейскій, оба ярые сторонники Аріанства.

Имѣя значеніе и вліяніе при дворѣ, Аріане теперь смѣло выступили противъ православныхъ; всѣ защитники православія на Никейскомъ соборѣ подверглись ихъ нападенію. Но болѣе всѣхъ былъ имъ ненавистенъ епископъ Александрійскій, св. Аѳанасій, и на него, главнымъ образомъ, была направлена ихъ злоба.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возвращенія съ Никейскаго собора, въ Александріи скончался престарѣлый епископъ Александръ, указавъ на св. Аѳанасія, какъ на своего преемника. Аѳанасій, не смотря на свои молодые годы, былъ единогласно избранъ въ епископы. Въ продолженіе 46 лѣтъ занималъ онъ каѳедру Александрійскую, посвящая всѣ свои силы на утвержденіе истиннаго ученія. Его непреклонному стремленію къ одной благой цѣли, его крѣпкой волѣ и умѣнію обращаться съ людьми, Восточная Церковь, и конечно *вся* Церковь, обязана сохраненіемъ отъ Аріанской ереси. Аріане ненавидѣли его не только вслѣдствіе его высокихъ дарованій, но также вслѣдствіе того, что онъ былъ епископомъ той самой Церкви, изъ которой былъ изгнанъ Арій. Имъ хотѣлось, чтобы безотлагательно именно *эта* Церковь возстановила Арія въ прежнемъ его санѣ, и они уговорили самого императора написать Аѳанасію

письмо съ просьбою принять Арія и его послѣдователей въ общеніе съ Церковью,—письмо заканчивалось угрозою низложенія и ссылки въ случаѣ отказа. Отказомъ отвѣтилъ Аѳанасій. Онъ твердо заявилъ, что не можетъ признавать лицъ, которыя осуждены опредѣленіемъ *всей Церкви.* Константинъ не настаивалъ. Казалось, что дѣло тѣмъ и кончилось. Но противники Аѳанасія хорошо понимали, что сдержанный гнѣвъ Константина былъ готовъ вспыхнуть при каждой удобной минутѣ: была подготовлена почва для принятія всякой лжи, всякой клеветы!

Дѣйствительно, одно обвиненіе слѣдовало за другимъ, и наконецъ съ согласія императора былъ созванъ въ г. Тирѣ соборъ, на который велѣно было явиться и Аѳанасію. Аѳанасій явился въ сопровожденіи пятидесяти епископовъ. Когда, войдя въ залъ засѣданія, онъ направился къ тому мѣсту, которое принадлежало ему по старшинству его каѳедры, ему было повелѣно предсѣдателемъ собора Евсевіемъ Кесарійскимъ *стоять*, какъ лицу обвиняемому. Всѣ до одного обвиненія оказались ложными. Но такъ велика была ярость враговъ Аѳанасія, что императоръ, хотя быть можетъ въ душѣ своей и былъ возмущенъ ихъ клеветами, счелъ необходимымъ, для предохраненія Церкви отъ бо́льшихъ смутъ, удалить Аѳанасія съ того мѣста, гдѣ онъ могъ сдѣлаться опасенъ. Аѳанасій былъ сосланъ въ *Тревы*, главный городъ Галліи: тамъ великій поборникъ православія нашелъ почетный пріемъ при дворѣ сына императора, младшаго Константина.

Арію дозволено было вернуться въ Александрію. Но духъ великаго епископа продолжалъ одушевлять Александрійскую Церковь: была твердо отвергнута

попытка Арія добиться общенія, и онъ былъ принужденъ вновь удалиться. На Александрійскую каѳедру, не смотря на настойчивыя требованія Аріанъ, Константинъ отказался назначить преемника Аѳанасію, и этотъ отказъ не могъ не смущать торжествующихъ Аріанъ...

Тяжело было св. Аѳанасію жить далеко отъ возлюбленной своей паствы, отъ всего, что̀ было ему знакомо и дорого съ самаго дѣтства. Извѣстія, доходившія до него изъ Александріи и Константинополя, волновали и глубоко возмущали его душу... Съ замираніемъ сердца узналъ онъ, что Евсевію Кесарійскому наконецъ удалось окончательно убѣдить императора въ правотѣ Арія и въ необходимости, для отвращенія новыхъ страшныхъ бѣдъ, всенародно возвратить его къ общенію съ Церковью.

Императоръ снова взялъ на себя допросъ Арія, снова былъ удовлетворенъ его отвѣтами... Тогда, признавъ ученіе Арія свободнымъ отъ всякой ереси, императоръ призвалъ епископа Константинопольскаго Александра и приказалъ ему на другое утро торжественно ввести Арія въ церковь.

Епископъ Александръ, человѣкъ робкій, ничего не съумѣлъ возразить императору. Сознавая съ глубокимъ смиреніемъ, что нѣтъ у него той силы, которая могла бы устоять противъ воли царской, онъ поспѣшилъ въ ту церковь, въ которой ему было приказано на другое утро принять Арія, и со слезами молилъ Бога, говоря: «если Арій придетъ завтра въ эту церковь, возьми меня отсюда! Но если Ты жалѣешь Свою Церковь, то возьми отсюда Арія, дабы, когда онъ войдетъ, не вошла съ нимъ ересь!»...

Настало роковое утро. Толпы возбужденнаго народа наполняли улицы. Арій, окруженный своими

приверженцами, торжественно направлялся въ церковь, когда вдругъ почувствовалъ себя дурно и тутъ же на пути внезапно скончался...

Нельзя было въ этой смерти не признать посѣщенія Божія, чудеснаго проявленія Божіей силы, оградившей Свою Церковь отъ страшнаго лжеученія, когда всякое вмѣшательство человѣческое оказывалось тщетнымъ.

Закончилась жизнь одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей Никейскаго собора, приближался конецъ и императора, созывавшаго соборъ.

Константинъ собирался въ дальній путь въ Палестину. Посѣтить эту страну стало ему завѣтнымъ желаніемъ съ тѣхъ поръ, какъ его заботою былъ возстановленъ Іерусалимъ и Святая Земля сдѣлалась предметомъ общаго благоговѣнія. По его желанію, мать его, царица Елена, совершила въ 336 г. свое знаменитое путешествіе по Палестинѣ, и сподобилась чудеснымъ образомъ обрѣсти на самой Голгоѳѣ святое древо Животворящаго Креста Господня. При ней былъ тогда же заложенъ въ Іерусалимѣ великолѣпный храмъ Воскресенія и сооружены церкви на горѣ Елеонской и надъ пещерою Виѳлеемскою, и въ первый разъ принесена была безкровная жертва на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ родился, жилъ, пострадалъ и воскресъ Спаситель. Во множествѣ стали стекаться паломники на поклоненіе великой святынѣ: къ ней мысленно стремился и Константинъ.

Настала Пасха 337 года. Всегда праздникъ этотъ совершался съ величайшимъ торжествомъ: по всѣмъ улицамъ города зажигались высокіе восковые столбы, которые превращали темную ночь въ свѣтлый день; всю ночь въ церквахъ молились, а когда наступало

утро, царь раздавалъ всему народу дары въ знакъ радости Воскресенія Христова. Въ послѣдній разъ былъ Константинъ участникомъ этой свѣтлой радости! Долго и усердно молился онъ всю святую ночь въ церкви св. Апостоловъ, призывая благословеніе Божіе на предпринимаемое имъ путешествіе, и тутъ же вдругъ занемогъ. Состояніе его здоровья ухудшалось съ изумительною быстротою. Врачи отправили его на теплыя минеральныя воды; облегченія не послѣдовало, и болѣзнь приняла угрожающій характеръ.

Чувствуя приближеніе смерти, Константинъ переѣхалъ въ предмѣстье Никомидіи. Тутъ онъ призвалъ епископа Кесарійскаго Евсевія и другихъ епископовъ, повѣдалъ имъ свою скорбь, что воля Божія не допустила осуществиться его желанію принять св. крещеніе во святыхъ струяхъ Іордана, и просилъ ихъ неотлагательно совершить надъ нимъ святое таинство. Не только во времена Константина, но еще и долго послѣ него у многихъ было въ обычаѣ отлагать крещеніе на многіе годы. Одни поступали такъ изъ смиреннаго сознанія своей грѣховности и изъ благоговѣнія къ великому таинству, къ которому считали необходимымъ приготовиться годами молитвы и покаянія; другіе не рѣшались вдругъ отказаться отъ прежней жизни и возродиться въ новую жизнь, духовную и святую, тѣмъ болѣе, что Церковь была строга къ согрѣшеніямъ, совершеннымъ послѣ крещенія; вѣря, что крещеніе омываетъ отъ грѣховъ, думали, что лучше всего принять это таинство передъ самою смертію, дабы явиться на судъ очищенными. Приготовившись молитвою и исповѣдью, Константинъ съ умиленіемъ и глубокою вѣрою принялъ святое крещеніе, видя въ немъ залогъ своего возрожденія. Облеченный въ бѣлыя

ризы крещаемаго, возлегъ онъ на ложе, покрытое покровомъ также бѣлымъ, и такъ ждалъ призыва Господа своего.

Велика была радость его по принятіи св. таинства: когда воины и ближніе люди вошли въ его комнату и, горько рыдая, стали прощаться съ нимъ, онъ восторженно имъ улыбался и уговаривалъ ихъ радоваться, что онъ такъ скоро достигнетъ небесной своей отчизны. Въ полдень, въ самый день великаго праздника Пятидесятницы, 20 мая 337 г., императоръ скончался. Страшный вопль скорби поднялся среди войска и народа, когда разнеслась вѣсть о кончинѣ Константина.

Тѣло его было положено въ золотой гробъ и въ торжественномъ шествіи, въ которомъ принимала участіе вся армія, перенесено въ Константинополь, гдѣ было положено въ церкви св. Апостоловъ, въ гробницу, заранѣе уготовленную самимъ императоромъ. Церковь, съ благодарностію воспоминая его ревность къ христіанской вѣрѣ, именуетъ какъ его, такъ и мать его, царицу Елену, Равноапостольными и празднуетъ память ихъ обоихъ вмѣстѣ 21 мая.

Креста Твоего образъ на небеси видѣвъ, и якоже Павелъ, званіе не отъ человѣкъ пріемъ, во царехъ Апостолъ Твой, Господи, царствующій градъ въ руцѣ Твоей положи, егоже спасай всегда въ мирѣ молитвами Богородицы, Едине Человѣколюбче.

X.

ПРОДОЛЖЕНІЕ БОРЬБЫ СЪ АРІАНСТВОМЪ.

Св. Аѳанасій.

Константину Великому наслѣдовали три сына: Константинъ, Констансъ и Констанцій. Воцареніе ихъ сопровождалось ужаснымъ дѣломъ—поголовнымъ истребленіемъ императорскаго рода: братья Константина, его племянники, всѣ ближайшіе его родственники были умерщвлены воинами, спаслось лишь двое малолѣтнихъ его племянниковъ: одинъ изъ нихъ, Галлъ, не долго оставался въ живыхъ, другому, Юліану, суждено было сдѣлаться отмстителемъ этого страшнаго злодѣянія.

Старшій изъ императоровъ Константинъ, который на долю свою получилъ Галлію, Британію и Испанію, былъ убитъ на войнѣ уже въ 340 г. Императоръ Констансъ, которому достались Италія и Африка, послѣ смерти брата завладѣлъ всѣмъ Западомъ.

Императоръ Констанцій царствовалъ на Востокѣ. Человѣкъ слабый и подозрительный, неумолимый въ своей враждѣ, онъ много причинилъ бѣдъ Церкви

своимъ неразумнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла ея. Онъ совершенно ошибочно считалъ себя глубокимъ богословомъ, и его невѣжество и тщеславіе дѣлали изъ него слѣпое орудіе тѣхъ, кто умѣлъ подходить къ нему.

Знаменательно, что Константинъ Великій, бывъ на смертномъ одрѣ, вспомнилъ о св. Аѳанасіи, и точно для того, чтобы самому засвидѣтельствовать его правоту, повелѣлъ тотчасъ возвратить его изъ ссылки на *его* Александрійскую каѳедру. Преемники Константина поспѣшили исполнить эту его волю, и, послѣ двухъ съ половиною лѣтъ разлуки, Аѳанасій вернулся къ своей возлюбленной паствѣ, которая твердо хранила его ученіе и еще крѣпче прежняго привязалась къ нему въ эти годы скорбей и гоненій.

Однако Аріане не могли примириться съ возвращеніемъ Аѳанасія и стали употреблять всѣ усилія для окончательнаго его низложенія. Имъ удалось наконецъ собрать на него въ Антіохіи соборъ, на которомъ Аріане осудили и низложили его, а въ Александрію послали новаго епископа Аріанина, Григорія. Александрійская церковь съ негодованіемъ отвергла его, ссылаясь на свое древнее право избранія, которое было нарушено лживымъ соборомъ. Тогда рѣшено было водворить Григорія силою. Въ самые дни Великаго поста Григорій явился въ Александрію. Видя, что православные готовы стоять за своего епископа до послѣдней крайности, епархъ Египта, взявъ себѣ на помощь язычниковъ и Іудеевъ, силою ввелъ Григорія въ церковь, изгоняя изъ нея православныхъ, подвергая оскорбленіямъ иноковъ и дѣвъ, посвященныхъ Господу. Одна церковь была совершенно разграблена, а затѣмъ начались пытки и истязанія православныхъ. Аѳанасій, убѣдясь, что его присут-

ствіе въ Александріи только болѣе раздражаетъ враговъ и подвергаетъ опасности приверженцевъ его, рѣшился тайно оставить городъ.

На Востокѣ Церковію завладѣли Аріане: онъ рѣшился искать опоры на Западѣ, гдѣ Аріанство было безсильно, и отправился въ Римъ. Въ Римѣ папа Юлій созвалъ соборъ, торжественно возстановившій Аѳанасія.

Тогда императоръ Константинъ явился заступникомъ его и настоятельно потребовалъ отъ брата, чтобы онъ возвратилъ Аѳанасія изъ ссылки, грозя, въ случаѣ отказа, силою оружія возстановить пастыря, желаемаго всею паствою. Между тѣмъ умеръ и лжеепископъ Григорій. Тогда только Аѳанасій отправился въ Александрію. Возвращеніе его было настоящимъ торжествомъ: народъ съ радостными восклицаніями толпился вокругъ мужественнаго страдальца, скитавшагося въ изгнаніи болѣе семи лѣтъ; паства ликовала. Въ Антіохіи Аѳанасій видѣлся съ императоромъ, и благосклонность, оказанная ему Констанціемъ, устрашила на время враговъ его. Изъ страха передъ Констансомъ самые вожди Аріанства отреклись отъ прежнихъ своихъ дѣйствій и письменно осуждали то ученіе, за которое прежде стояли.

Но это торжество Аѳанасія было непродолжительно. Въ 350 году покровитель православія Констансъ погибъ въ войнѣ съ Магненціемъ, который завладѣлъ всею его областью. Вскорѣ затѣмъ Констанцій, одолѣвъ и Магненція, сталъ единодержавнымъ государемъ всей имперіи. Констанцій ненавидѣлъ Аѳанасія тѣмъ болѣе, что такъ долго изъ страха долженъ былъ скрывать свои чувства и оказывать ему притворную благосклонность. Какъ только онъ

достигъ полной власти, то созванъ былъ въ 355 году соборъ въ Миланѣ уже не для разсмотрѣнія обвиненій на Аѳанасія, а прямо для осужденія его; Западнымъ епископамъ повелѣно было принять осужденіе, произнесенное Восточными, а несоглашавшихся всѣхъ сослали въ заточеніе.

Все покорялось волѣ цезаря въ дѣлѣ вѣры и совѣсти... Одинъ Аѳанасій стоялъ какъ твердыня: весь міръ былъ противъ него—и онъ одинъ былъ противъ міра. Полъ-столѣтія продолжалась эта неравная борьба между тѣмъ, кто имѣлъ за себя все земное, и тѣмъ, кто за себя имѣлъ лишь Бога и смерть: Бога, какъ Защитника его правоты, смерть, какъ избавленіе отъ скорбей.

Энергичный и строгій, но вмѣстѣ съ тѣмъ полный сочувствія и нѣжнаго сострадапія, Аѳанасій какъ магнитъ притягивалъ къ себѣ людей и, умѣя поддерживать въ нихъ твердость духа и непоколебимое упованіе на всемогущество Бога, могъ спокойно править Александрійскою церковью. Ненависть Констанція къ этому непреклонному христіанскому епископу возрастала изо дня въ день, и наконецъ повелѣно было нанести ему рѣшительный ударъ. Въ Александрію прибылъ царскій сановникъ съ требованіемъ, чтобы Аѳанасій оставилъ свою церковь; но не предъявлялъ письменнаго повелѣнія отъ императора; Аѳанасій же имѣлъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ Констанцій, находясь еще подъ страхомъ брата, увѣрялъ его, что онъ до конца жизни останется въ Александріи. Аѳанасій отвѣчалъ, что не можетъ оставить паству безъ письменнаго на то повелѣнія. Весь городъ былъ въ тревожномъ ожиданіи.

Однажды, когда епископъ служилъ всенощную,

въ полночь, до пяти тысячъ вооруженныхъ воиновъ окружили церковь, которая была полна народа. Аѳанасій понялъ, что пришли за нимъ, но не устрашился. Ставъ въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ, онъ велѣлъ діакону читать псаломъ 135: *Исповѣдайтеся Господеви, яко благъ, яко въ вѣкъ милость Его,* а народу повторять припѣвъ, и въ то же время расходиться по домамъ. Но народъ не захотѣлъ оставить его. Воины ворвались въ церковь, стали давить и бить молящихся и грабить церковь. Произошло страшное смятеніе, но посреди его слышались еще вдохновенныя слова псалма, возглашающія торжество побѣды надъ врагами и вѣчную милость Господа, Который сотворилъ чудеса великія, вывелъ Израиля изъ Египта рукою крѣпкою и мышцею высокою, Который помнитъ униженныхъ и избавляетъ ихъ отъ враговъ, *яко въ вѣкъ милость Его!* Наконецъ епископъ произнесъ отпустительную молитву, и народъ началъ расходиться. Аѳанасій выжидалъ, пока выйдетъ народъ, и тогда только священнослужители увлекли его за собою. Ночная темнота и тѣснота на улицахъ помогли ему скрыться отъ преслѣдовавшихъ его воиновъ, которымъ велѣно было захватить его живаго или мертваго. Онъ нѣкоторое время скрывался въ самомъ городѣ, въ окрестностяхъ, и наконецъ, при помощи друзей, достигъ пустыни.

Аѳанасій былъ безопасенъ среди суровой пустыни; его охраняла любовь и преданность отшельниковъ. Обширныя Египетскія пустыни, горы и безплодныя равнины, окрестности самой Александріи, были въ эту пору заселены множествомъ иноковъ и отшельниковъ; всѣ они горячо были преданы Аѳанасію и готовы были даже до смерти стоять за твер-

даго защитника истины, слава котораго гремѣла и въ пустынѣ. Воины тщетно обыскивали монастыри и отшельническія келліи: всѣ иноки были на-сторожѣ: лишь появлялась опасность, Аѳанасій былъ немедленно извѣщаемъ о ней и препровождаемъ далѣе въ пустыню. Такимъ образомъ онъ могъ въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ укрываться отъ преслѣдователей. Великій епископъ любилъ пустынную жизнь съ ея лишеніями и трудами; подвигами самоотреченія удивлялъ самыхъ суровыхъ отшельниковъ и внушалъ имъ глубокое уваженіе.

Между тѣмъ въ Александріи было получено отъ императора повелѣніе отдать всѣ церкви Аріанамъ; выносили изъ нихъ утварь, святой алтарь, завѣсу, престолъ епископскій, и передъ вратами храма сожигали все, какъ нечистое.

Православные, лишенные церквей, собирались по ночамъ на кладбищахъ для Богослуженія, какъ во время гоненій отъ язычниковъ; но и тутъ нападали на нихъ съ военною силою, и потомъ предавали пыткамъ и казни, кого только могли захватить. Между тѣмъ Аѳанасій не переставалъ слѣдить за дѣлами Церкви, о которыхъ черезъ друзей получалъ извѣстія, и на всѣ возникавшіе вопросы отзывался изъ пустыни. Вѣрующіе принимали съ радостію каждое его слово, какъ побѣдоносное оружіе противъ лжеученій. Такимъ образомъ онъ въ глубинѣ пустыни жилъ и трудился на пользу Церкви, и истина, вопреки мѣрамъ насилія, распространялась и укрѣплялась.

XI.

ХРАМЫ И БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Ветхозавѣтный законъ воспрещалъ Іудеямъ совершать свое Богослуженіе иначе, какъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. Но слово Спасителя возвѣстило людямъ, что поклоненіе Богу возможно на всякомъ мѣстѣ: *Грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей, ни въ Іерусалимѣхъ поклонитеся Отцу. Но грядетъ часъ и нынѣ есть, егда истинніи поклонницы поклонятся Отцу духомъ и истиною. Идѣже бо есть два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Іоан. IV, 21. Матѳ. XVIII, 20).

Поэтому въ самые первые дни христіанства Апостолы и вѣрующіе собирались на молитву не въ одномъ только Іерусалимскомъ храмѣ, но и въ частныхъ домахъ. Въ этихъ послѣднихъ они собирались главнымъ образомъ для совершенія таинства Евхаристіи, совершать которое имъ нельзя было въ Іерусалимскомъ храмѣ. Обыкновенно на молитву въ домѣ посвящалась одна просторная горница, отдѣленная отъ остальнаго помѣщенія. Эти *горницы*, въ которыхъ собирались вѣрующіе, образовали собою *первыя* христіанскія *церкви*. Во времена Апостольскія имъ не было усвоено названіе *храма*, имѣвшее также значеніе языческое; обыкновенно ихъ называли: домъ Божій, домъ

Господень, домъ молитвы. Когда начались гоненія, опасно стало совершать Богослуженіе въ домахъ уже извѣстныхъ подъ этимъ христіанскимъ наименованіемъ; христіане стали собираться на молитву въ темницахъ, на уединенныхъ кладбищахъ, и наконецъ въ подземельяхъ, такъ называемыхъ *катакомбахъ.* Катакомбы въ своихъ символическихъ изображеніяхъ и надгробныхъ надписяхъ выступаютъ передъ нами какъ таинственное выраженіе того, *чѣмъ* было христіанство для христіанъ первыхъ вѣковъ. Эти мрачныя подземелья состояли изъ длинныхъ галлерей, по сторонамъ которыхъ были углубленія, выдолбленныя въ стѣнахъ, для принятія гробовъ усопшихъ. Великое множество мучениковъ погребено въ этихъ пещерахъ, которыя также служили усыпальницами и для язычниковъ. Язычники сожигали тѣла своихъ умершихъ, но сохраняли ихъ пепелъ въ *урнахъ*, которыя поставлялись въ гробницы. Эти гробницы, равно какъ и гробницы христіанъ, были покрыты изображеніями и надписями, которыя всѣ свидѣтельствуютъ о великомъ переворотѣ, произведенномъ ученіемъ Христовымъ въ понятіяхъ и чувствахъ его послѣдователей. Страхъ смерти, безконечное отчаяніе передъ вѣчною разлукою, безсильная злоба на боговъ, горькіе упреки выражаются языческими памятниками, тогда какъ рядомъ, на гробницахъ вновь обращенныхъ, повторяется съ трогательнымъ однообразіемъ тихое слово: *съ миромъ!* Слезы любви чувствуются въ подобныхъ надписяхъ: «*моя маленькая незлобивая голубка*», «*невинный маленькій агнецъ*»; но чувствуется также, что скорбное сердце озарила *надежда,* что ему непонятно прощаніе на вѣки... Краткая надпись: «*Корнилій, епископъ, мученикъ*», возвѣщаетъ всеобъемлющее прощеніе: нѣтъ

жалобы, нѣтъ даже намека на страданія мученика, все покрыто любовію въ ожиданіи свѣтлаго, близкаго будущаго. Какъ просто вѣрилось въ это будущее, видно изъ слѣдующей надписи: «*Климентъ живетъ!*»

Любимые символы, которые чаще всего повторяются въ катакомбахъ: олень, жаждущій источника водъ; листъ, вѣчно зеленый; бѣлый голубь; виноградная лоза, символъ радости и т. д. Новозавѣтныя фрески не многочисленны, больше встрѣчаются фрески ветхозавѣтныя, которыя служатъ прообразомъ новозавѣтной истины. Но самое дорогое изображеніе было изображеніе *добраго Пастыря*. Изображеніе же *распятія* не встрѣчается въ катакомбахъ. Отъ изображенія *умершаго* Христа древніе христіане уклоняются. Для нихъ *Онъ былъ живой*, и смерть отъ того казалась имъ жизнію, что черезъ смерть они дѣлались причастны Его жизни. Вообще древніе христіане уклонялись отъ всякаго прямаго изображенія Іисуса Христа, дерзая лишь въ таинственномъ символѣ выражать неизрѣченное чувство своей души. По памятникамъ катакомбъ мы можемъ составить себѣ вѣрное понятіе о жизни древней Церкви, о той дѣтской простотѣ, съ которою вновь обращенные приняли ея обѣтованія. Съ вѣрою крѣпкою шли они по скорбному пути, ведущему въ «Царствіе», свято храня память о первомъ словѣ, произнесенномъ Господомъ послѣ воскресенія Своего: «радуйтеся!»

Безчисленныя эти гробницы мучениковъ громко свидѣтельствуютъ о великихъ страданіяхъ, принятыхъ христіанами первыхъ вѣковъ, символы же и надписи этихъ гробницъ свидѣтельствуютъ о радостно-свѣтломъ настроеніи чистой ихъ жизни.

Во II и III вѣкѣ, когда по временамъ бывали

промежутки въ гоненіяхъ и христіане немного оправлялись отъ гоненій, любовь ихъ къ церкви своей находила выраженіе въ построеніи *особыхъ* зданій, посвященныхъ *исключительно* на служеніе Господу. Желаніе украсить домъ Божій красотою стало присуще всякому, кто возлюбилъ это селеніе Божіе, чья душа распознала, что «единъ день во дворѣхъ Его лучше тысячи». Много разъ съ возобновленіемъ гоненій храмы, воздвигнутые съ любовью, дѣлались жертвою ярости язычества, но любовь не оскудѣвала, и, когда снова наставали дни затишья, усердіемъ христіанъ снова воздвигались храмы. Когда же при императорѣ Константинѣ христіанская вѣра стала вѣрою господствующею, церкви устроялись съ особымъ великолѣпіемъ: кедры Ливанскіе, золото, мраморъ, все, что было наидрагоцѣннѣйшаго, служило матеріаломъ для ихъ сооруженія. Живопись, изображавшая разныя событія Ветхаго и Новаго Завѣта, украшала ихъ стѣны, но чаще всего повторялось изображеніе *Креста,* прежде—орудія позорной казни, теперь—символа безконечной любви... Обыкновенно зданію церкви придавалась продолговатая форма на подобіе *корабля,* а внутреннее устройство примѣнялось къ устройству Іерусалимскаго храма, и храмъ раздѣлялся на три части. *Первая* часть при входѣ въ церковь составляла *притворъ*. Въ этой части храма должны были стоять во время Богослуженія *оглашенные*. За притворомъ слѣдовала *вторая часть,* мѣсто для *вѣрующихъ* — собственно церковь. Третью часть храма составлялъ *алтарь,* отдѣленный отъ средней части храма перегородкою (иконостасъ) и завѣшиваемый завѣсою во время совершенія Евхаристіи. Въ алтарь вели три двери; средняя называлась *святыми* вратами, а нынѣ называется—царскими.

Противъ этой двери стоялъ *престолъ,* на которомъ совершалось таинство Евхаристіи. За престоломъ было возвышенное мѣсто, на которомъ въ извѣстное время, при Богослуженіи, возсѣдалъ епископъ. По обѣ стороны епископскаго сѣдалища, нѣсколько ниже, были устроены сѣдалища для пресвитеровъ. Лампады, свѣтильники, кадильницы, священныя одежды, священные сосуды — всѣ эти необходимыя принадлежности Богослуженія были одинаковы съ тѣми, которыя и теперь въ употребленіи въ нашей Церкви.

Св. Апостолы заповѣдали христіанамъ «непрестанно молиться». Но такъ какъ Богослуженіе церковное совершалось для цѣлаго общества, необходимо было опредѣлить *времена* и обозначить *часы,* въ которые вѣрные призывались къ молитвѣ.

Для дневной молитвы сами Апостолы отмѣтили часы *третій, шестой* и *девятый,* соединяя съ каждымъ часомъ воспоминаніе изъ жизни Господа Іисуса Христа: съ третьимъ—осужденіе Спасителя на смерть и сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, съ шестымъ—распятіе Спасителя на крестѣ, и съ девятымъ—Его спасительную смерть. Въ эти часы и совершалось Богослуженіе.

Когда же настали времена гоненій, христіане стали собираться на молитву *ночью* или позднимъ вечеромъ. Ночью и передъ разсвѣтомъ совершалось и таинство Евхаристіи. Также особенно посвящены были служенію Богу *дни,* ознаменованные страданіемъ, смертію и воскресеніемъ Спасителя: среда, въ которую было рѣшено предать Спасителя смерти, пятница, въ которую Онъ былъ распятъ —были днями печали и *поста,* а день, слѣдующій за субботою, день Воскресенія — былъ днемъ радости, днемъ молитвы,

въ который Богослуженіе совершалось съ особеннымъ торжествомъ.

Празднованіе двухъ великихъ праздниковъ Ветхозавѣтной Церкви: *Пасхи* и *Пятидесятницы*, перешло и въ Церковь Новозавѣтную, получивъ иной смыслъ и иное значеніе. *Пасха* въ Церкви Еврейской есть праздникъ, установленный въ память избавленія отъ рабства Египетскаго. *Пасха* въ Церкви Христовой есть праздниковъ праздникъ, невечерній день радости и свѣта, возвѣстившій намъ радость всеобщаго воскресенія! Къ принятію этого святаго праздника Церковь приготовлялась 40-дневнымъ постомъ въ воспоминаніе сорокадневнаго поста Господа Іисуса Христа въ пустынѣ.

Въ Еврейской Церкви праздникъ Пятидесятницы установленъ въ память Синайскаго законодательства или устройства *подзаконной* Церкви. Въ христіанской Церкви съ этимъ праздникомъ соединено воспоминаніе объ устройствѣ Христовой Церкви Самимъ Господомъ, ниспославшимъ Духа Святаго на Апостоловъ.

Дни, посвященные памяти разныхъ событій земной жизни Господа, образовали съ давнихъ временъ святые праздники: Вознесенія, Крещенія, Преображенія, Рождества Христова. Къ этимъ же временамъ относится установленіе праздниковъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, Срѣтенія Господня, Входа въ Іерусалимъ и праздника въ честь святыхъ мучениковъ.

Въ первые годы служенія Апостоловъ, у вѣрующихъ, образовавшихъ собою Христову Церковь, по словамъ святыхъ Апостоловъ, «было одно сердце, одна душа». Каждый день они единодушно пребывали въ храмѣ и, преломляя по домамъ хлѣбъ, при-

нимали пищу въ веселіи и простотѣ сердца, хваля Бога. Въ заключеніе трапезы, которая называлась *вечерію любви,* или *агапою,* совершалось таинство Евхаристіи—совершалось такъ, какъ оно было установлено Самимъ Господомъ. Но въ концѣ I вѣка совершеніе таинства Евхаристіи отдѣлено было отъ *вечери любви* и уже присоединено къ Богослуженію, потому что по умноженіи вѣрующихъ стало неудобно совершать таинство вмѣстѣ съ обыкновенною трапезою.

Богослуженіе, на которомъ совершалось таинство Евхаристіи, стало называться *литургіею*. Тогда, какъ и теперь, литургія раздѣлялась на литургію *оглашенныхъ* и литургію *вѣрныхъ,* діаконъ произносилъ прошенія отъ имени всѣхъ присутствующихъ, читалось Евангеліе, Посланія Апостольскія, избранныя мѣста изъ Ветхаго Завѣта; во время литургіи вѣрныхъ, при повтореніи словъ, сказанныхъ Самимъ Господомъ на Вечери Его Тайной, и призываніи Духа Святаго на Св. Дары, совершалось таинство Евхаристіи.

Во II вѣкѣ уже положено было начало тому чину Богослуженія, который окончательно былъ утвержденъ въ IV вѣкѣ и нынѣ принятъ нашею Церковью.

Во времена Апостольскія при Богослуженіи обыкновенно пѣли всѣ вѣрующіе, но очень рано появились хоры пѣвцовъ. Шестымъ вселенскимъ соборомъ было выражено желаніе, чтобы «приходящіе въ церковь для пѣнія съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ приносили псалмопѣніе Богу, ибо Слово поучало сыновъ Израилевыхъ быть благоговѣйными». Съ первыхъ же вѣковъ христіанства уже вошли въ употребленіе слѣдующія молитвы: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу», «Господи, помилуй», пѣснь Ангельская: «Алли-

луія», другая пѣснь Ангельская: «Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ» и третья: «Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе». Еще при Апостолахъ, или скоро послѣ Апостоловъ, эта третья пѣснь была распространена воззваніями: «Агнче Божій, вземляй грѣхъ міра, помилуй насъ; вземляй грѣхи міра, пріими молитву нашу; сѣдяй одесную Отца, помилуй насъ». Весьма рано вошли въ послѣдованія Богослуженія пѣсни Симеона Богопріимца: «Нынѣ отпущаеши», Богоматери: «Величитъ душа моя Господа»; особенно же молитва Господня «Отче нашъ». Бо́льшую часть послѣдованій Богослуженія составляли псалмы Давидовы; особенно любили ихъ христіане изъ Евреевъ, каковы были и сами Апостолы; по одному, по два, по три, по шести сряду пѣты были псалмы въ послѣдованіяхъ. Кромѣ псалмовъ первые христіане употребляли и другія ветхозавѣтныя пѣсни, какъ-то: двѣ пѣсни Моисея на переходъ чрезъ Чермное море, пѣснь Анны, матери Самуила, пѣсни Исаіи и Іоны и пѣснь трехъ отроковъ Вавилонскихъ. *Съ IV вѣка введено въ употребленіе всенощное бдѣніе*, въ Константинополѣ, въ Антіохіи и др. Наблюдалось, чтобы Богослуженіе совершалось по чину. *Во всѣхъ мѣстахъ вѣрующіе старались употреблять однѣ и тѣ же молитвы.*

Ученіе о таинствахъ, раскрытое Церковью въ первые вѣка христіанства, есть то же самое, какое содержитъ Православная Церковь въ настоящее время.

Благоговѣніемъ цѣлыхъ вѣковъ освящены тѣ молитвословія, тѣ пѣснопѣнія, вся та поэзія и красота, сочетаніе коихъ составляетъ чудную гармонію Богослуженія нашей Православной Церкви.

XII.

МОНАШЕСТВО.

Въ I и II вѣкѣ подвижничество было явленіемъ одиночнымъ. Подвижники не составляли изъ себя отдѣльныхъ обществъ съ опредѣленными правилами жизни, но принимали на себя, по своему собственному выбору, разнаго рода обѣты: одни принимали на себя обѣтъ *дѣвства*, другіе—обѣтъ *нищеты*, иные постоянно пребывали въ *молитвѣ* и постѣ, а нѣкоторые соединяли всѣ эти обѣты вмѣстѣ: такіе подвижники извѣстны подъ названіемъ *аскетовъ*. Затѣмъ, въ страшныя времена гоненій, *уже многіе* стали искать забвенія видѣнныхъ ими ужасовъ въ подвижнической жизни *вдали отъ міра*.

Такимъ образомъ было положено *начало* монашеской жизни, которая въ IV вѣкѣ получила полное свое развитіе. Чистота жизни христіанъ первыхъ вѣковъ стала мало-по-малу затмеваться по мѣрѣ того, какъ христіанство массами принимали язычники, внося въ него многое, что было ему чуждо, и тогда явилось у многихъ непреодолимое желаніе искать уже *внѣ* человѣческаго общества—осуществленія христіанскихъ идеаловъ... Къ тому же, въ это

время прекратились гоненія—*а жажда подвига осталась*... Жизнь вдали отъ міра, въ ненарушимомъ общеніи съ небеснымъ, трудность безусловнаго послушанія, лишенія и скорби жизни отреченія, *все это*, принимая видъ *подвига*, влекло къ себѣ неотразимою силою... На вершинахъ горъ, въ дикихъ ущельяхъ, въ суровыхъ пустыняхъ, стали воздвигаться *монастыри:* «были они», говоритъ съ умиленіемъ св. Аѳанасій, «какъ храмы, наполненные Божественными ликами, людьми, жизнь коихъ проходила въ пѣніи псалмовъ, въ чтеніи, молитвахъ, постѣ и бдѣніи, людьми, которые всю надежду полагали въ будущихъ благахъ, жили въ смиреніи и удивительной любви. Они не знали ропота и прекословія, не знали желанія дѣлать зло другимъ, они только соревновали, чтобы предварять другъ друга въ добродѣтеляхъ». Основателемъ *монашества* и *пустынножительства* почитается *преподобный Антоній.*

Онъ родился въ Египтѣ, въ 251 г., въ богатой и знатной семьѣ. Его родители сами были ревностные христіане и всячески старались о сохраненіи въ немъ чистой вѣры и непорочности сердца: чтеніе Божественныхъ книгъ и молитва были единственными источниками его просвѣщенія и подготовили его душу къ воспринятію благодати. Ему было около 20-ти лѣтъ, когда скончались его родители. Онъ остался одинъ наслѣдникомъ ихъ богатства, имѣя на своемъ попеченіи единственную малютку-сестру. Всѣ тѣ радости и развлеченія, которыя обыкновенно плѣняютъ юность, не имѣли для него значенія; воображеніе рисовало передъ нимъ картины совсѣмъ иной жизни: жизнь эта, ему еще невѣдомая, притягательною силою манила его къ себѣ. Всѣ мысли его и желанія были устремлены къ подвижничеству въ пустынѣ.

Однажды шелъ онъ въ церковь и размышлялъ о св. Апостолахъ, какъ они оставили все, чтобы идти за Господомъ. Входитъ въ храмъ и слышитъ Евангельскія слова: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди вслѣдъ Мене* (Матѳ. XIX, 21).

Благодать Божія коснулась его сердца. Ему показалось, что эти слова сказаны Господомъ лично *ему*, и слѣдуя влеченію своей души, давно горѣвшей любовію къ Богу, онъ тотчасъ по возвращеніи изъ церкви сталъ продавать имѣніе свое и роздалъ бѣднымъ.

Слова «гряди вслѣдъ Мене» остались для него святымъ призывомъ; но мысль о маленькой сестрѣ его смущала. Входитъ онъ въ храмъ въ другой разъ и опять слышитъ слово Евангельское, и опять въ немъ ощущаетъ отвѣтъ себѣ и указаніе: *не пецытеся убо на утрей, утреній бо собою печется: довлѣетъ дневи злоба его* (Матѳ. VI, 34). Антоній принялъ эти слова въ свою душу,—поручилъ сестру извѣстнымъ ему добрымъ христіанскимъ женамъ, оставилъ домъ свой и посвятилъ всю жизнь на служеніе единому Господу.

Предъизбранный быть основателемъ монашества, преподобный Антоній, прежде чѣмъ явиться великимъ *наставникомъ* иноковъ, самъ прошелъ всѣ степени *духовной жизни*. Сначала онъ поступилъ подъ руководство старца, былъ смиреннымъ ученикомъ, чтобы научиться быть учителемъ. Затѣмъ, въ продолженіе 20 лѣтъ жилъ одинъ въ пустынѣ, учась, опытомъ надъ самимъ собою, познавать и немощи человѣческія и близость помощи Божіей. Нельзя и изобразить, что вынесъ въ эти 20 лѣтъ великій подвижникъ. Онъ страдалъ и

отъ голода и отъ жажды, и отъ холода и зноя. Но самое страшное искушеніе пустыннику, по слову самого Антонія—*въ сердцѣ:* это тоска по міру и волненіе помысловъ. Часто ему казалось, что нѣтъ у него больше силъ продолжать эту внутреннюю борьбу: онъ изнемогалъ—и тогда, въ чудныхъ видѣніяхъ, Господь являлъ ему помощь Свою. «Гдѣ Ты былъ, благій Іисусе? Почему въ началѣ не пришелъ прекратить мои страданія?» взывалъ Антоній, когда Господь, послѣ одного тяжкаго искушенія, явился ему. «Я былъ здѣсь», сказалъ ему Господь, «и ждалъ, пока увижу твой подвигъ». Разъ, среди ужасной борьбы съ помысломъ, Антоній воззвалъ: «Господи! я хочу спастись, а помыслы не даютъ мнѣ»... Вдругъ онъ видитъ: кто-то похожій на него сидитъ за столомъ и работаетъ; потомъ вставъ, начинаетъ молиться, по молитвѣ снова принимается за работу, далѣе молится опять... Это былъ Ангелъ Господень, посланный для наставленія и подкрѣпленія Антонія. И Ангелъ сказалъ ему: «и ты такъ дѣлай и спасешься». Всю свою жизнь Антоній помнилъ это дивное внушеніе и въ немъ находилъ источникъ бодрости духовной.

Онъ испыталъ самъ всѣ трудности духовнаго подвига, но и всю радость близости Господа; онъ постигъ всю неизреченную сладость совершенной молитвы, и вышелъ изъ своего затвора съ богатствомъ духовныхъ сокровищъ и съ великимъ призваніемъ указывать путь другимъ. Явившись къ людямъ, онъ поразилъ всѣхъ своимъ видомъ: казалось, что время не коснулось его, незамѣтно было въ немъ и слѣдовъ изнуренія, его лице точно сіяло свѣтлостію и красотою, точно отражалась въ немъ чистая душа, озаренная благодатію Святаго Духа. Долговременное отчужденіе

отъ людей не сдѣлало его грубымъ и суровымъ; тихимъ, яснымъ взоромъ и кроткимъ привѣтомъ онъ встрѣчалъ всѣхъ тѣхъ, которые толпами стекались къ нему. Во всей его наружности было нѣчто особенное, и кто, не видавъ его прежде, приходилъ искать его въ пустыню, тѣ узнавали его прямо посреди множества иноковъ.

Чудодѣйственною силою вѣры онъ врачевалъ, а словомъ утѣшалъ печальныхъ, училъ неразумныхъ, укрощалъ гнѣвливыхъ, внушалъ всѣмъ болѣе всего любить Господа Іисуса. Слово Антонія, растворенное солію Божественной благодати, столь сильно дѣйствовало на сердца приходившихъ къ нему въ пустыню, что многіе изъ нихъ, презрѣвъ мірскую жизнь, тутъ же рѣшались съ Антоніемъ проходить пустынную жизнь. Постоянно возраставшее число учениковъ Антонія дошло до того, что безлюдная дотолѣ пустыня уподоблялась раю, населенному Ангелами, потому что жизнь отшельниковъ была жизнь ангельская, а не человѣческая, по своей чистотѣ и отреченію отъ всего земнаго. Одни изъ пустынниковъ жили вмѣстѣ и составляли общину; другіе разсѣевались по пещерамъ и проводили отшельническую жизнь. Но всѣ они, находясь подъ руководствомъ Великаго Антонія, утоляли свою духовную жажду благихъ совѣтовъ изъ одного источника — изъ устъ его. Руководя иноками, Антоній не давалъ имъ внѣшнихъ правилъ для жизни; уставы должны были образоваться впослѣдствіи по мѣрѣ надобности; онъ же бесѣдовалъ съ братіями, какъ отецъ съ дѣтьми; старался внушить имъ смиреніе, любовь къ Богу и ближнимъ.

Впослѣдствіи онъ написалъ нѣсколько поученій, которыя дошли до насъ.

«Кто желаетъ всѣмъ сердцемъ обратиться къ Богу,—училъ преподобный Антоній,—того Самъ Богъ научитъ, какъ молиться Ему. Духъ Святый ниспосылаетъ Свою помощь по мѣрѣ ревности къ благочестію, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ сильно чувствуетъ нужду въ пособіи и желаетъ получить оное».

«Молитесь какъ можно чаще, пойте псалмы по утру, по вечеру и въ полдень, и чаще имѣйте въ рукахъ Священное Писаніе».

«Будьте незлобивы. Незлобіе—источникъ жизни вѣчной».

«Отъ ближняго зависитъ и *жизнь и смерть:* если ты пріобрѣтаешь брата, то пріобрѣтаешь любовь Божію»...

«Несовершенна молитва того, кто *замѣчаетъ и помнитъ*, что онъ молится. Господь сказалъ: «Царствіе небесное *внутрь* васъ есть» (Лук. XVII, 21); это значитъ, что добродѣтель *въ насъ*, ей потребна только наша воля, и состоитъ она въ томъ, чтобы сохранить душу въ той чистотѣ, въ какой ее Господь сотворилъ... Соблюдемъ же Господу душу, какъ пріятый отъ Него залогъ —чтобы призналъ Онъ въ ней *Свое твореніе!*»

Гоненіе при Максиминѣ привлекло Антонія въ Александрію, гдѣ онъ служилъ страдальцамъ и всячески подвергалъ себя смертной опасности. Но когда опасность миновала, онъ заключилъ, что вѣнецъ мученичества, къ которому онъ стремился, не предназначенъ ему; тогда онъ направился въ пустыню, еще болѣе отдаленную, чѣмъ та, въ которой онъ жилъ раньше. Мѣстопребываніемъ его стала теперь пещера въ одной высокой горѣ. Онъ обработалъ клочекъ земли для хлѣбнаго посѣва и для овощей. чтобы ему

не только избавлять другихъ отъ труда добывать ему пищу, но чтобы имѣть нѣкоторый запасъ для подкрѣпленія посѣтителей. Народъ толпами стекался къ нему. Къ заступничеству его часто прибѣгали угнетенные, и оно никогда не было напрасно. Императоръ Константинъ и его сыновья искали сношенія съ нимъ и просили его молитвъ. Во время аріанскихъ споровъ и смятеній Антоній и его иноки были стойкими и могущественными поборниками православія. Престарѣлый отшельникъ пустыни, съ намѣреніемъ поддержать Аѳанасія и уничтожить сочувствіе къ аріанскому дѣлу, самъ посѣтилъ Александрію. Народъ толпами стекался смотрѣть на этого страннаго пришельца, который велъ жизнь столь не похожую на жизнь остальныхъ людей, и съ трепетнымъ сердцемъ слушалъ его простое, пламенное слово. Когда Антоній возвращался въ свою пустыню, Аѳанасій самъ проводилъ его до воротъ Александріи, у которыхъ великій отшельникъ, преподавая послѣднее свое благословеніе, сотворилъ чудо исцѣленія надъ юношею, одержимымъ злымъ духомъ.

Основателемъ общежительнаго монашества почитается преподобный *Пахомій Великій*.

Родители преподобнаго Пахомія были язычники. Богато одаренный отъ природы, онъ получилъ въ молодости хорошее образованіе. Въ 312 году онъ взятъ былъ въ войско кесаря Максимина, который возмутился противъ императоровъ Константина и Ликинія. Среди трудовъ и лишеній похода онъ имѣлъ случай узнать христіанъ, какъ они, по заповѣди своего Учителя, милосердно и съ любовію относились къ страждущимъ врагамъ своимъ. Онъ сталъ молиться Господу Спасителю, еще не зная Его, и по возвращеніи съ войны

крестился, пошелъ въ пустыню и спасался подъ руководствомъ одного подвижника, по имени Полемона. Послѣ пятнадцати лѣтъ сокровенныхъ духовныхъ подвиговъ, Господь внушилъ ему — соединить подъ одно общее правило отшельниковъ, жившихъ отдѣльно. На одномъ островѣ рѣки Нила (Тавеннѣ) онъ началъ устраивать монастырь. Вскорѣ этотъ монастырь не могъ уже вмѣщать всѣхъ желавшихъ спасаться подъ руководствомъ святаго Пахомія, и онъ вынужденъ былъ основать еще нѣсколько монастырей на берегахъ Нила, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго. Онъ устроилъ даже одинъ женскій монастырь, гдѣ первою настоятельницею была его сестра. Въ своихъ монастыряхъ онъ ввелъ опредѣленныя правила, обязательныя для всѣхъ. Основаніями этого устава были: цѣломудріе, смиреніе, отреченіе отъ всего земнаго и безпрекословное подчиненіе аввѣ. Монахи жили по трое въ каждой келліи, вмѣстѣ занимались рукодѣліемъ и вкушали пищу. По нѣскольку разъ въ день всѣ вмѣстѣ собирались на молитву. У всѣхъ была одинакая одежда. Общественное Богослуженіе совершалось два раза въ сутки, днемъ и ночью. По звуку трубы или била, монахи безмолвно стекались въ церковь. Здѣсь читали Священное Писаніе, слушали наставленіе старца, молились, пѣли псалмы. Въ воскресенье изъ сосѣдняго селенія являлся пресвитеръ, совершалъ литургію и причащалъ иноковъ. На работу выходили всѣ въ порядкѣ и молчаніи вмѣстѣ съ своимъ настоятелемъ. Безъ благословенія старшаго, никто не могъ ни начать новой работы, ни перейти съ одного мѣста на другое. Работа, исполненная тѣмъ или другимъ братомъ, принадлежала не ему, а всей общинѣ. Пища принималась одинъ разъ—

именно въ полдень, и состояла изъ хлѣба, овощей, плодовъ; въ воскресенье полагалась вечерняя трапеза. Для того, чтобы всѣ эти правила неизмѣнно выполнялись иноками, преподобный Пахомій положилъ не прежде принимать желающихъ поступить въ монастырь, какъ по годичномъ испытаніи. Основанное на такихъ началахъ, общество монаховъ еще при жизни св. Пахомія возрасло до 7,000, а чрезъ сто лѣтъ послѣ него до 50,000 человѣкъ.

Одинъ изъ учениковъ св. Антонія, *св. Иларіонъ*, перенесъ монашество на свою родину, въ Палестину, и основалъ обитель близъ Газы. Отсюда монашество распространилось по всей Палестинѣ и Сиріи. Василій Великій, посѣтившій, по окончаніи своего образованія, обители въ Палестинѣ и Египтѣ, водворилъ монашество въ Каппадокіи и далъ ему строго-опредѣленный уставъ, который сдѣлался всеобщимъ на Востокѣ. Одинъ изъ подвижниковъ V-го вѣка, Савва Освященный (т. е. соединившій съ званіемъ инока санъ священника), учредилъ обитель близъ Іерусалима, въ скалѣ, у потока Кедронскаго, и ввелъ здѣсь строго - опредѣленный богослужебный уставъ. Въ Европѣ Восточное монашество нашло себѣ особенное убѣжище на горахъ Олимпійской и *Аѳонской*. На послѣдней (на протяженіи 30 верстъ въ длину и 20 въ поперечникѣ) находятся около 20 монастырей, до 800 скитовъ и около 8,000 подвижниковъ.

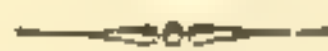
На Западѣ монашество распространилось съ Востока. Св. Аѳанасій Великій, во время своего пребыванія тамъ, описалъ жизнь преподобнаго Антонія Великаго и возбудилъ во многихъ желаніе подражать его подвижнической жизни. Такое же дѣйствіе имѣлъ на ревнителей благочестія знаменитый учитель Запад-

ной Церкви блаженный Іеронимъ, жизнеописаніемъ преп. Павла Ѳивейскаго. Многіе изъ знатныхъ Римлянъ, мужчины и женщины, отказались отъ міра для жизни уединенной въ пустынѣ. Но собственно отцемъ и организаторомъ монашества на Западѣ почитается *Венедиктъ.* Онъ далъ Западному монашеству иное, болѣе практическое направленіе. Онъ не требовалъ отъ своихъ послѣдователей тѣхъ лишеній, которыя несли монахи на Востокѣ, а заповѣдывалъ имъ только порядокъ, воздержаніе и трудолюбіе. Въ числѣ трудовъ, удобныхъ для монаха, онъ указалъ на переписываніе книгъ. Благодаря этому многія изъ твореній святыхъ отцовъ и историческіе памятники самой глубокой древности сохранились для потомства въ стѣнахъ монастырей, основанныхъ *Венедиктомъ.*

Велико значеніе монашества въ исторіи Церкви и въ исторіи *духовнаго возрастанія* человѣчества! Иноки дѣйствительно удалялись *изъ міра* для достиженія высшаго нравственнаго совершенства, но и воздѣйствіе ихъ *на міръ* было громадное. Уже одинъ взглядъ на отрѣшенную отъ всего земнаго жизнь иноковъ давалъ людямъ чувствовать, *чего* требуетъ отъ христіанина его небесное званіе, и *гдѣ* его истинное отечество. Слава жизни и подвиговъ святыхъ пустынниковъ привлекала къ нимъ множество людей, ищущихъ наставленія и утѣшенія. Со всѣхъ предѣловъ Римскаго міра стекались ревнители благочестія— видѣть эту чудную жизнь подвижниковъ. Посѣтители не только сами учились у нихъ благочестію, но и разсказывали о нихъ другимъ и записывали ихъ дѣянія и слова. Собранія дѣяній и изреченій святыхъ подвижниковъ становились учебною книгою и руководствомъ нравственности для всѣхъ христіанъ.

Помогая духовнымъ нуждамъ ближнихъ, иноки не отказывались, когда имѣли возможность, служить и временнымъ ихъ нуждамъ. Добывая себѣ трудами пропитаніе, они дѣлились избыткомъ съ неимущими. При монастыряхъ были страннопріимницы, гдѣ иноки принимали, питали и покоили странниковъ. Изъ иноческихъ обителей разсылалась милостыня и по другимъ мѣстамъ: узникамъ, томившимся въ темницѣ, бѣдствовавшимъ во времена голода и отъ другихъ несчастій. Способствуя душевному и тѣлесному благу вѣрующихъ, иночество содѣйствовало распространенію вѣры Христовой и окончательному паденію язычества. Высокая жизнь иноковъ приводила въ удивленіе самихъ язычниковъ и была для нихъ доказательствомъ святости христіанской религіи. Иноки являлись въ наиболѣе нужное время для борьбы съ еретиками и безбоязненно обличали сильныхъ міра за уклоненіе отъ Церкви и православія. Видя высокое благочестіе иноковъ и ихъ духовную мудрость, архипастыри начали возводить ихъ на священныя степени. Впослѣдствіи еще болѣе возвысилось значеніе иночества. Изъ среды иноковъ стали преимущественно, а затѣмъ исключительно, возводить на высшую священную степень епископа.

Но главная, неоцѣнимая заслуга монашества, это *непрестанная молитва:* молитва о Церкви, отечествѣ, о живыхъ и умершихъ—и соблюденіе священнослуженія во всей его полнотѣ и красотѣ.

XIII.

МОЛОДОСТЬ ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО И ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА.

Василій Великій и Григорій Богословъ были одновременно призваны на великое служеніе Церкви. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ таинственно соединили ихъ судьбы Божіи—потому имена ихъ нераздѣльны и въ исторіи.

Оба родились въ Каппадокіи. Оба начали свое образованіе въ знаменитомъ Кесарійскомъ училищѣ, оба закончили его въ Аѳинахъ и оба на себѣ испытали великое значеніе того воспитательнаго дѣйствія, которое беретъ свое начало въ силѣ *примѣра*. Родители и Василія Великаго и Григорія Богослова оставили въ жизни ихъ свѣтлый слѣдъ: съ младенчества дѣти привыкли, слѣдуя за ними, ощущать правду и красоту тамъ, гдѣ и родители ее ощущали, чувствовать, что конечная цѣль жизни не здѣсь, а *тамъ*, гдѣ сложили они себѣ «сокровище неоскудѣвающее».

Вся семья Василія Великаго издавна отличалась преданностью Церкви. Отецъ его былъ знаменитый учитель краснорѣчія и глубоко убѣжденный христіанинъ. Мать его Емилія, подобно св. Нониѣ, матери Григорія, и св. Моникѣ, матери Августина, оставила

намъ поэтичный, свѣтлый образъ того, *чѣмъ* должна быть христіанская женщина.

Семейство Григорія также было извѣстно своимъ благочестіемъ, хотя отецъ его съ молоду и былъ язычникъ. Молитва жены его Нонны привела его къ Богу. Онъ самъ не умѣлъ еще молиться и не зналъ псалмовъ Давида; но вотъ однажды въ сновидѣніи снится ему, что онъ поетъ чудную пѣснь: *возвеселихся о рекшихъ мнѣ—въ домъ Господень пойдемъ!* Сладко и радостно стало ему на душѣ... Съ радостью и веселіемъ онъ дѣйствительно вошелъ въ домъ Божій и до конца дней служилъ въ немъ сначала въ санѣ пресвитера, а потомъ епископа.

Мать св. Григорія еще болѣе, нежели отецъ его, имѣла вліяніе на воспитаніе *духа* великаго ихъ сына. Григорій всегда смотрѣлъ на мать, какъ на ангела-хранителя своей жизни, и въ ея молитвѣ видѣлъ ту святую силу, которая сохранила его *такимъ, какимъ* желала его любовь ея. Въ молитвѣ она искала себѣ прибѣжища во всѣхъ своихъ испытаніяхъ, и Господь далъ ей великую и рѣдкую отраду *видѣть* въ дѣйствительность своей молитвы. Умная, бодрая, крѣпкая духомъ, она отъ всей души дѣлала всякое дѣло свое. Всегда кроткая и послушная въ отношеніи къ мужу, она же была его руководительницею на все доброе, умѣла любить все, что̀ страдаетъ, и говорила, что готова была бы продать себя и дѣтей своихъ въ рабство, чтобы имѣть, чѣмъ пособить неимущимъ.

Всѣ эти черты ея характера съ удивительною нѣжностью описаны самимъ Григоріемъ въ одной изъ его проповѣдей. Эта любовь его къ матери какъ тихій лучъ свѣтится сквозь всѣ невзгоды его жизни. «Она для того только касается земли», — такъ говорилъ

онъ о матери, — «чтобы здѣшнею жизнью приготовиться къ жизни небесной».

Двумя обѣтами жизнь святаго Григорія была посвящена служенію Господу. Первый обѣтъ былъ данъ въ минуту трепетной радости, когда исполнилась молитва матери его и Господь даровалъ ей сына: она сама отнесла свое дитя въ церковь, освятила его младенческія руки возложеніемъ ихъ на священную книгу—этимъ предопредѣляя его быть пресвитеромъ... «Богъ даровалъ меня», — писалъ объ этомъ впослѣдствіи Григорій, — «молившейся *свѣтлой* моей матери и принялъ меня отъ матери, какъ угодный Ему даръ».

Второй обѣтъ былъ данъ въ минуту ужаса, когда казалось, что *все*, что̀ было дорого, дороже жизни, погибало въ пучинѣ морской: страшная буря настигла святаго Григорія, когда онъ направлялся въ Аѳины. Буря эта продолжалась 24 дня. Все погрузилось во мракъ, озаряемый только проблесками молніи, которые еще увеличивали ужасъ этой тьмы... Въ эту пору Григорій еще не былъ крещенъ: ему страшна была мысль отойти изъ здѣшняго міра неосвященнымъ, только «жаждущимъ духовной воды». «Всѣ вокругъ меня», говоритъ онъ, «боялись обыкновенной смерти, а ужасъ моей души на сколько былъ страшнѣе!» Онъ молился, проливалъ слезы, давалъ обѣтъ посвятить всю жизнь одному Богу, если Онъ спасетъ его погибающую душу. Господь принялъ даръ этой юной жизни, столь нужной для утвержденія Церкви Его.—«И бысть внезапу тишина велія въ мори». — «Я страдалъ», говоритъ Григорій, и со мною «страдали родители мои: въ *ночномъ видѣніи* они раздѣляли со мною мою скорбь и издалека подавали мнѣ по-

мощь молитвою своею». Григорій *вѣрилъ*, что именно этой молитвѣ онъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Случай этотъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе: *онъ принесъ себя въ даръ*—и чувствовалъ, что съ этой минуты не принадлежитъ себѣ.

Въ Аѳинахъ Василій и Григорій снова встрѣтились, дружба ихъ «изъ искры превратилась въ высокій, горящій пламень». Эта дружба была особенно драгоцѣнна въ Аѳинахъ, въ городѣ столь богатомъ соблазнами и ложной мудрости и ложной красоты. Она дала имъ силу твердо и радостно *быть* и называть себя *христіанами*, предпочитая это названіе всякому другому. Работали они съ увлеченіемъ, соблюли вѣру свою, но не чуждались всего прекраснаго, что находили и въ языческомъ мірѣ. «Мы не должны», говоритъ Григорій, «презирать небеса и землю и воздухъ, потому что нѣкоторые по заблужденію поставили ихъ предметомъ боготворенія, *почитая тварь Божію на мѣсто Бога*, но, наслаждаясь всѣмъ, что есть прекраснаго, мы должны постигать Творца изъ сотвореннаго и, какъ говоритъ Божественный Апостолъ, «плѣнить всякое помышленіе въ послушаніе Христу».

Послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Аѳинахъ, Василій возвратился на родину, а Григорій занялъ въ самыхъ Аѳинахъ мѣсто учителя краснорѣчія.

Василій уже не засталъ въ живыхъ своего отца; предложили ему занять мѣсто отца въ училищѣ, но онъ отклонилъ это предложеніе: онъ стоялъ какъ-бы на перепутьи, не зная, какую себѣ избрать дорогу. Гордое сознаніе своего превосходства, то наслажденіе, съ которымъ онъ увлекался краснорѣчіемъ, были силы, манившія его къ жизни, не похожей на идеалъ, созрѣвшій въ душѣ его. Его недоумѣніе продолжалось,

пока онъ не принялъ таинства крещенія: тогда благодать Божія коснулась его сердца; онъ предался Богу и рѣшилъ посвятить себя монашеской жизни.

Монастыри еще были почти неизвѣстны въ Малой Азіи, и Василій предпринялъ путешествіе въ Египетъ и Палестину, чтобы ознакомиться самому съ образомъ жизни въ пустынѣ. Глубокое впечатлѣніе произвела на него жизнь посѣщенныхъ имъ подвижниковъ. Возвратясь, онъ поселился въ уединенномъ живописномъ мѣстѣ на берегу рѣки Присы, и здѣсь въ тишинѣ предался изученію Священнаго писанія. «Богъ открылъ мнѣ», писалъ онъ оттуда другу своему Григорію, «жилище по сердцу моему: мнѣ дано видѣть въ дѣйствительности то, о чемъ мы такъ часто съ тобою мечтали». Онъ съ восторгомъ называетъ этотъ мирный уголокъ земли своей «лѣстницею восходящею до небесъ, своею горою Елеонскою»!

Однако жизнь его не могла долго утаиться отъ людей. Въ началѣ было ему тягостно возобновлять общеніе съ міромъ, но скоро душа его возгорѣлась любовію ко всѣмъ тѣмъ людямъ, которые взывали къ нему и, чувствуя въ немъ человѣка, «власть имѣющаго», ждали услышать отъ него слово жизни. Мало-по-малу вокругъ него стали селиться подвижники, скоро возникла и обитель. Затѣмъ подъ его же руководствомъ стали устраиваться и другіе монастыри — мужскіе и женскіе. Отъ этихъ благословенныхъ обителей вѣяло миромъ и тишиною, въ тяжкія времена онѣ привлекали къ себѣ, какъ источникъ воды въ пустынѣ: сироты, бездомные, дѣти, старцы, юноши, утомленные жизнью, и тѣ, которые восторженно отрекались отъ незнакомыхъ еще имъ радостей, всѣ находили убѣжище въ этихъ священныхъ мѣстахъ уеди-

ненія. О нихъ Василій имѣлъ особую заботу: онъ не избралъ себѣ подвига «отшельническаго», потому что душѣ его свойственна была любовь *дѣятельная*, и на этой любви основаны имъ правила монашества, написанныя для основанныхъ имъ монастырей. «Получивъ заповѣдь *любить Бога*, пріобрѣли мы *и силу* любить. Кто же любитъ Бога, тотъ любитъ и ближняго. И опять, кто любитъ ближняго, тотъ продолжаетъ свою любовь къ Богу; потому что Богъ всякую милость къ ближнему пріемлетъ за милость къ Себѣ».

Неоднократно Василій звалъ къ себѣ своего друга, который къ этому времени также вернулся изъ Аѳинъ. Утоливъ свою жажду знанія, Григорій теперь жаждалъ уединенія и тишины, но прежде нежели остановиться на какомъ-либо рѣшеніи, онъ, по возвращеніи въ Назіанзъ, сталъ приготовляться къ принятію крещенія. На крещеніе смотрѣлъ онъ какъ на главное событіе своей жизни, которымъ будутъ смыты прежніе грѣхи его, и онъ будетъ допущенъ принести въ жертву къ подножію престола Божія все, что̀ пріобрѣлъ: свое знаніе, свою ученость, свои таланты, все свое.— «*Слово*—даръ выраженія—есть одно, чѣмъ я дорожу», говорилъ онъ, «но единственно, какъ служитель Слова». Жизнь созерцательная вдали отъ міра давно уже привлекала его къ себѣ, и онъ несомнѣнно принялъ бы монашество; но любовь къ родителямъ *превозмогла*». Она, какъ грузъ, влекла меня къ землѣ», говоритъ онъ, «даже не столько любовь, сколько *жалость*, это *благословенное чувство нашей души*: жалость къ сѣдинѣ, жалость къ скорби»...

Григорій остался при престарѣлыхъ своихъ родителяхъ и былъ *жезломъ* ихъ старости, вѣруя, что

этимъ творитъ онъ угодное Богу. Поселиться возлѣ Василія было завѣтною его мечтою; но онъ принесъ ее въ даръ тѣмъ, кто былъ дорогъ ему, и лишь короткое время провелъ онъ возлѣ своего друга, въ красотѣ лѣсовъ, холмовъ и потоковъ. Долго потомъ они оба съ восторгомъ вспоминали эту счастливую пору своей жизни: неизъяснимую сладость молитвы, тихія пѣснопѣнія, чтеніе Св. Писанія, и тотъ свѣтъ неземной, который озарялъ ихъ душу для разумѣнія тайнъ Божіихъ, и тяжелый дневной трудъ, и добровольныя лишенія...

Но недолго и Василій наслаждался тою жизнью, которую онъ называлъ «жизнь по сердцу моему».

И Григорій и Василій, оба были люди *отмѣченные:* къ нимъ, и къ подобнымъ имъ, относятся слова Христовы: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16).

XIV.

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Со смертію Констанція прекратилась на время власть Аріанъ; но новое бѣдствіе постигло Церковь: неожиданное гоненіе отъ язычниковъ. Оно, впрочемъ, продолжалось не долго, и лишь указало, какъ крѣпко утвердилась христіанская вѣра, и какъ тщетны и безумны были бы всѣ попытки оживить умирающее язычество.

Послѣ Константина Великаго, оставшіеся въ живыхъ малолѣтніе племянники его Галлъ и Юліанъ воспитывались, по повелѣнію Констанція, подъ надзоромъ христіанскихъ наставниковъ изъ Аріанъ. Они были окружены почетомъ, но ихъ содержали почти въ неволѣ Оба они крестились, затѣмъ были поставлены чтецами въ церкви. Заставляли ихъ строго соблюдать всѣ обряды христіанскаго закона: поститься, посѣщать гробницы мучениковъ, дѣлать пожертвованія въ пользу храмовъ, но *духъ* Христова ученія не коснулся ихъ: никогда образъ Христа не былъ представляемъ имъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ и величіи. Среда, въ которой они воспитывались, мало

имѣла вліянія на старшаго изъ нихъ, Галла: слабый и физически и умственно, онъ ко всему относился одинаково равнодушно и къ тому же не долго оставался въ живыхъ. Младшій же, Юліанъ, богато одаренный природою, принялъ въ душу свою впечатлѣнія всего того, что съ дѣтства его окружало. Онъ видѣлъ *вблизи* жизнь тѣхъ, кому было поручено его христіанское воспитаніе,—видѣлъ, что эта жизнь была переполнена злобою, враждою, взаимнымъ преслѣдованіемъ, и причину зла сталъ искать въ христіанскомъ ученіи. Ко вліянію же язычества онъ относилъ все то прекрасное и великое, что̀, сквозь прозрачность таинственной *дали*, представляла его воображенію жизнь героевъ древняго міра, къ памяти коихъ онъ относился не иначе, какъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ! Христіанства *настоящаго* онъ *не зналъ*, а *то*, которое думалъ видѣть въ жизни близкихъ къ нему людей,—презиралъ и ненавидѣлъ...

Онъ жаждалъ знанія; ему долго запрещалось общеніе съ языческими философами, и это запрещеніе придавало новую привлекательность ихъ ученію, тогда какъ ученіе, преподаваемое ему людьми, которыхъ онъ глубоко презиралъ, могло лишь охладить его душу живую, безпокойную, любознательную...

Такъ возрасталъ онъ, тая въ душѣ своей ненависть къ Церкви Христовой... Наконецъ императоръ Констанцій призналъ нужнымъ позаботиться о дальнѣйшемъ образованіи Юліана, и для этой цѣли ему велѣно было предпринять путешествіе по Малой Азіи и Греціи. Въ Аѳинахъ Юліанъ посѣщалъ то самое училище, въ которомъ учились Василій Великій и Григорій Богословъ, и вполнѣ предался изученію классическихъ наукъ и языческой философіи. Замѣча-

тельно, что, вскорѣ послѣ первой своей встрѣчи съ нимъ, Григорій, котораго непріятно поразило гордое, презрительно насмѣшливое выраженіе Юліана, воскликнулъ, бесѣдуя о немъ со своими друзьями: «какое проклятіе въ немъ подготовляетъ себѣ имперія!»

Еще въ бытность свою въ Ефесѣ, Юліанъ, на 20-мъ году жизни, отрекся отъ крещенія и былъ посвященъ въ язычество. Въ Аѳинахъ же онъ совершилъ надъ собою языческій обрядъ очищенія чрезъ окропленіе жертвенною кровью, и былъ торжественно, хотя тайно, принятъ въ число служителей боговъ. Онъ не смѣлъ еще прямо объявить себя язычникомъ, и необходимость притворяться и скрывать свои истинныя чувства и убѣжденія еще усилила въ немъ ненависть къ христіанской вѣрѣ... Императоръ Констанцій внезапно умеръ, Юліанъ вступилъ на престолъ, какъ единственная отрасль дома Константина; дальнѣйшее лицемѣріе стало теперь лишнимъ... Языческая партія ожила: ниспроверженіе христіанства и возстановленіе язычества—сдѣлались главною цѣлью жизни Юліана.

Онъ тотчасъ же объявилъ себя почитателемъ боговъ Греціи и Рима, велѣлъ во всѣхъ городахъ открыть языческія капища и, гдѣ они были разрушены христіанами, построить новыя на счетъ христіанъ. Онъ самъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ языческихъ торжествахъ, и говорилъ, что званіе верховнаго жреца для него почетнѣе и драгоцѣннѣе, нежели самый титулъ императора. Окруживъ себя языческими философами и софистами, и будучи самъ образованъ и ученъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ вдавался въ языческія суевѣрія, вѣрилъ гаданіямъ и заклинаніямъ, старался узнать будущее по внутренности

жертвенныхъ животныхъ, считалъ за великую честь принимать участіе во всѣхъ языческихъ обрядахъ, вставалъ ночью, чтобы совершить молитву идоламъ, начиналъ день жертвоприношеніемъ въ честь солнца, которое чествовалъ въ особенности.

Юліанъ понималъ однако, что язычество не можетъ имѣть силы, если не преобразуется и не очистится. Христіанскій законъ явилъ міру образецъ нравственной чистоты, которая внушала уваженіе и удивленіе даже невѣрующимъ; итакъ безнравственность язычества должна была непріятно поражать лучшихъ людей между язычниками. Юліанъ старался перенесть въ язычество духъ чистоты и добродѣтели, свойственныхъ христіанству. Онъ запретилъ жрецамъ являться на публичныя увеселенія; требовалъ, чтобы они вели жизнь чистую и воздержную, предлагали народу нравственныя поученія; велѣлъ устраивать при капищахъ странопріимные дома и больницы, на содержаніе которыхъ выдавалъ деньги; «стыдно намъ», говорилъ онъ, «что Галилеяне (такъ звалъ онъ христіанъ) содержатъ не только своихъ бѣдныхъ, но еще и нашихъ».

Желая замѣнить христіанство преобразованнымъ язычествомъ, Юліанъ однако не хотѣлъ *открыто* преслѣдовать христіанъ: онъ хорошо понималъ, что «кровь мучениковъ есть сѣмя христіанской Церкви», и надѣялся иными путями подавить столь глубоко имъ презираемую вѣру... По восшествіи на престолъ онъ объявилъ, что каждый изъ его подданныхъ свободенъ поклоняться тому божеству, которое считаетъ истиннымъ. Затѣмъ онъ возвратилъ изъ ссылки всѣхъ изгнанныхъ *за вѣру*. Эта глубоко обдуманная мѣра имѣла двоякую цѣль: достигнуть похвалы за вѣротер-

нимость и нанести ударъ христіанству, возвративъ тѣхъ изгнанниковъ, которые могли снова вселить раздоръ и смуту въ дѣло Церкви.

Однако скоро онъ познлалъ свою ошибку: общая опасность отъ возрожденія язычества сплотила всѣ партіи, заставила умолкнуть всѣ тѣ споры, которые такъ долго раздирали Церковь... Ненависть Юліана теперь главнымъ образомъ обратилась не на массу народную, исповѣдывавшую христіанскую вѣру, но на тѣхъ вождей и пастырей Церкви, которыхъ онъ самъ этому народу возвратилъ... Особенно опасался онъ вліянія Аѳанасія, признаваемаго повсюду главною опорою вѣры и Церкви православной.

Возвращеніе Аѳанасія къ Александрійской паствѣ было народнымъ торжествомъ, о которомъ современники вспоминали съ умиленіемъ, сравнивая его со входомъ въ Іерусалимъ. Весь городъ отъ мала до велика выступилъ ему на встрѣчу съ восторженными восклицаніями, пѣснями и благодарственными молитвами. Аѳанасій принялся немедленно за возстановленіе мира въ возмущенной распрями паствѣ: умѣя соединить мудрую строгость съ кротостью, онъ старался покрывать снисхожденіемъ вины многихъ, отступившихъ въ смутное время отъ православія.

Юліанъ съ раздраженіемъ слѣдилъ за каждымъ его дѣйствіемъ; не прошло еще и года отъ возвращенія Аѳанасія, какъ императорскимъ указомъ было повелѣно ему удалиться изъ Александріи въ силу того, что указъ, возвратившій изгнанниковъ, не имѣлъ въ виду возстановленіе епископовъ на каѳедры, которыя они занимали до изгнанія. Аѳанасій немедля выѣхалъ изъ города; а когда православные обратились къ царю съ просьбою возвратить епископа, это

еще болѣе раздражило Юліана, и онъ велѣлъ изгнать Аѳанасія даже изъ Египта. И этого казалось мало. Вскорѣ пришло повелѣніе разрушить главную церковь въ городѣ и предать Аѳанасія смерти, если найдутъ его гдѣ-либо въ Египтѣ. Христіане со слезами провожали любимаго епископа; онъ утѣшалъ ихъ и говорилъ: «не плачьте, это небольшое облако; оно скоро пройдетъ». Онъ на ладьѣ поплылъ по Нилу къ Ѳиваидѣ. Воины, имѣвшіе повелѣніе умертвить его, послѣдовали за нимъ. Они уже почти настигли его, но Аѳанасій велѣлъ обратить лодку и плыть имъ на встрѣчу. Воины, не ожидавшіе этого, не узнали его. «Далеко ли Аѳанасій?» спросили они. «Нагоните скоро, если поспѣшите», отвѣчали имъ спутники епископа. Они продолжали плыть; а Аѳанасій вышелъ на берегъ и вновь нашелъ убѣжище у пустынныхъ подвижниковъ.

Изыскивая всѣ способы, чтобы унизить христіанъ, Юліанъ уничтожилъ всѣ христіанскіе символы на общественныхъ зданіяхъ и на знаменахъ, вводя повсюду статуи и символы языческихъ боговъ, не упускалъ случаевъ насмѣяться надъ христіанствомъ и въ публичныхъ рѣчахъ своихъ и въ сочиненіяхъ. Христіанское духовенство онъ лишилъ всѣхъ прежнихъ льготъ и запретилъ дѣлать завѣщанія въ пользу Церкви. Въ христіанскихъ училищахъ запретилъ изучать классическихъ писателей древности подъ тѣмъ предлогомъ, что христіанамъ довольно своихъ священныхъ книгъ, такъ какъ сами ихъ учители хвалятся не мудростью, а невѣжествомъ и простотою. Наконецъ, для посрамленія ихъ вѣрованія, онъ рѣшилъ, хотя и обманомъ, вовлечь ихъ въ совершеніе языческихъ обрядовъ и приказалъ кропить кровью идольскихъ жертвъ при-

пасы, продаваемые на рынкахъ. Господь не попустилъ такого посрамленія вѣрныхъ. Преданіе гласитъ, что на первой недѣлѣ Великаго поста епископу Константинопольскому явился ночью святой мученикъ Ѳеодоръ Тиронъ и сказалъ: «запрети христіанамъ употреблять въ пищу купленное на рынкѣ; а пусть тѣ, которые не имѣютъ другихъ запасовъ, сварятъ у себя пшеницу съ медомъ». Съ этихъ поръ ведется въ Церкви обычай приносить на первой недѣлѣ Великаго поста *коливо*, въ память св. мученика Ѳеодора Тирона.

Зная ненависть Іудеевъ къ христіанамъ, Юліанъ сталъ оказывать особенное покровительство Іудеямъ, и вѣрованіямъ и обрядамъ Іудейскимъ. Онъ задумалъ приступить къ возстановленію храма Іерусалимскаго, надѣясь нанести этимъ чувствительный ударъ христіанству и доказать ложность пророчествъ о разрушеніи храма. Іудеи приняли это предложеніе съ восторгомъ. Возстановленіе храма было любимою мечтою несчастнаго народа; съ возобновленіемъ древней святыни связывалъ онъ надежды на величіе и славу. Іудеи вновь возмечтали о независимости, и толпами поспѣшили въ Іерусалимъ. Увѣренные въ покровительствѣ царя, Іудеи стали вездѣ наносить оскорбленія христіанамъ; во многихъ городахъ они предавали ихъ истязаніямъ, вездѣ безнаказанно ругались надъ ихъ вѣрою. Въ Іерусалимѣ особенно положеніе христіанъ сдѣлалось крайне тяжелымъ отъ оскорбленій, которыя наносили имъ торжествующіе Іудеи. Между тѣмъ приступили къ работамъ.

Но едва успѣли расчистить мѣсто и приготовить матеріалы для постройки, какъ страшное землетрясеніе съ бурею и вихремъ разметало все заготовленное,

и множество работниковъ было завалено обломками и камнями. Оставили на время работу; когда же опять приступили къ дѣлу, произошло новое землетрясеніе, страшнѣе перваго. На этотъ разъ остатки еще уцѣлѣвшаго основанія были вырваны изъ земли, орудія разнесены вихремъ; пламень клубами вспыхивалъ изъ земли и опалялъ работниковъ. Ужасъ объялъ Іудеевъ; они оставили предпріятіе, убѣдившись, что Самъ Богъ противъ нихъ; многіе увѣровали и крестились.

Въ военныхъ дѣлахъ съ Германцами и съ Персами Юліанъ показалъ себя искуснымъ полководцемъ; но послѣдній задуманный имъ походъ на Персію былъ неудаченъ и стоилъ ему жизни. Двинувшись съ значительными силами, на пути онъ посѣщалъ знаменитѣйшія языческія капища, совершалъ усердно жертвоприношенія и вопрошалъ оракуловъ; давалъ щедрыя пособія на возобновленіе разрушенныхъ языческихъ храмовъ, обѣщая открыть ихъ торжественно на возвратномъ пути. Ободренный первыми успѣхами своего оружія, онъ зашелъ далеко за Евфратъ, сжегъ за собою флотъ, понадѣявшись на вѣрный успѣхъ предпріятія, но, внезапно окруженный Персами въ опасномъ мѣстѣ, былъ смертельно раненъ въ сраженіи непріятельскою стрѣлою. Утверждаютъ, что передъ смертію, въ отчаяніи, захватилъ онъ въ горсть крови, текущей изъ раны, и бросилъ ее на воздухъ, воскликнувъ: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ»! Такъ онъ скончался, въ 363-мъ году.

Онъ хотѣлъ устранить вѣру, принесшую міру святые идеалы, святую отраду, но только успѣлъ закалить ее новымъ страданіемъ; съ его жизнью закончилось возрожденіе язычества. На слѣдующій день былъ избранъ императоромъ Іовіанъ — *христіанинъ*.

Войско объявило себя христіанскимъ, и на возвратномъ пути арміи священный лабарумъ, предшествовавшій войскамъ, возвѣщалъ всѣмъ народамъ, какой вѣрѣ принадлежитъ новый императоръ. Водворился миръ. Христіане радовались; проповѣдники возбуждали къ кротости и незлобію, и нигдѣ радость не омрачилась гоненіемъ на язычниковъ. Но скоро эту радость смѣнила печаль... Миновало гоненіе отъ язычниковъ, настало снова гоненіе отъ аріанъ.

По смерти Юліана Аѳанасій вернулся на свою Египетскую каѳедру, которою онъ спокойно правилъ во все время непродолжительнаго царствованія Іовіана. Когда новый владыка Востока, аріанинъ *Валентъ*, сталъ изгонять всѣхъ православныхъ епископовъ,—и Аѳанасій подвергся изгнанію. Однако мольбы преданной его паствы побудили императора согласиться на его возвращеніе. Въ то время, когда дѣло, которому посвящена была вся его жизнь, подвергалось преслѣдованію во всѣхъ другихъ частяхъ Восточной имперіи, великому поборнику православія было дано провести свои послѣдніе годы въ мирномъ обладаніи тою самою каѳедрою, на которую, съ ранней его молодости, поставила его рука Божія. Онъ скончался въ маѣ 373 года.

Продолжительная борьба св. Аѳанасія съ царскою властью и уже одно то, что императоры столько разъ принуждены были *съ нимъ* вступать въ борьбу, свидѣтельствуютъ о томъ *духѣ свободы*, который, въ эти дни всеобщаго нравственнаго порабощенія, сохранился въ Церкви христіанской.

XV.

СВ. ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ И СВ. ГРИГОРІЙ БОГОСЛОВЪ.

Второй вселенскій соборъ.

Въ исторіи борьбы Церкви съ аріанствомъ Василій Великій выступаетъ сильнымъ защитникомъ православія въ то время, когда св. Аѳанасій Александрійскій уже сходилъ съ своего поприща, и является соучастникомъ и продолжателемъ его великаго дѣла, сперва въ санѣ пресвитера и затѣмъ архіепископа обширной Кесарійской епархіи.

Епископъ Кесарійскій Евсевій, когда почувствовалъ, что управлять одному обширною своею епархіею ему не подъ силу въ столь трудную пору, призвалъ себѣ Василія, посвятилъ его во пресвитера и поручилъ ему часть своего служенія. Онъ трудился неутомимо, и мало-по-малу все управленіе Церкви перешло въ его руки, такъ что въ дѣйствительности *епископомъ* сталъ собственно—Василій. Проповѣдывалъ онъ слово Божіе ежедневно, иногда даже два раза въ день. утромъ и вечеромъ, и проповѣдь привлекала такую массу народа, что онъ иногда былъ вынужденъ сокращать свои бесѣды, чтобы слишкомъ долго не отвлекать рабочихъ отъ ихъ работъ.

Имя св. Василія знаменито въ исторіи церковныхъ дѣлъ и церковнаго управленія на Востокѣ; но особенно близка и понятна православному сердцу дѣятельность его какъ народнаго проповѣдника. Толпами стекались къ нему простые и бѣдные люди, а онъ вдохновеннымъ своимъ словомъ училъ ихъ возвышаться къ Богу созерцаніемъ природы, описывалъ имъ чудеса мірозданія и благость Создателя. Мысль его была направлена къ Богу и вѣчности; но онъ сохранилъ притомъ и природную нѣжность души и живость воображенія, такъ-что величественныя картины природы служили для него средствомъ привлекать къ Богу вѣрующія души. Итакъ св. Василій вмѣстѣ съ Григоріемъ оставили Церкви первый образецъ краснорѣчія, направленнаго къ духовному просвѣщенію народа, къ исправленію нравовъ и къ утѣшенію скорбящихъ и бѣдствующихъ.

Вся жизнь св. Василія была какъ-бы выполненіемъ апостольской заповѣди *радоватися съ радующимися и плакати съ плачущими* (Римл. XII, 15). Любовь его была всегда дѣятельная, и его милосердіе простиралось ко всѣмъ бѣднымъ, страждущимъ по какой бы то ни было причинѣ. Всѣ они, говорилъ онъ, одинаковое имѣютъ *право* на сожалѣніе, и такъ же смотрятъ на руки наши, какъ мы на руки Божіи, когда чего просимъ.

Въ 368 году обширная область Кесарійская потерпѣла отъ страшнаго неурожая. Подвозъ хлѣба изъ другихъ мѣстъ оказался недоступенъ по дороговизнѣ доставки, такъ-что вся страна подверглась бѣдствіямъ голода. Страданіе народа стало страданіемъ и его пастыря—въ эту тяжкую годину онъ былъ «всѣмъ для всѣхъ».

И примѣромъ, и силою своего слова съумѣлъ онъ воздѣйствовать на тѣхъ, кто могъ придти на помощь страждущему народу. «Земледѣльцы,—говоритъ св. Василій въ трогательнамъ своемъ словѣ,—сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣнахъ, посмотрятъ на малютокъ своихъ и начнутъ рыдать... устремятъ взоръ на женъ, и зальются слезами; потрогаютъ и пощупаютъ сухіе листы взошедшихъ стеблей, и громко зарыдаютъ, какъ отцы, потерявшіе сыновей, достигшихъ цвѣтущаго возраста... Какого же достоинъ наказанія *тотъ*, кто пройдетъ *мимо?*.. Чтò еще можно прибавить къ такой жестокости? Кто имѣетъ возможность уврачевать зло, но добровольно и по любостяжательности откладываетъ это, того по справедливости можно осудить наравнѣ съ убійцами»! (Бес. В. В.)

Все свое имѣніе онъ немедленно продалъ, чтобы на вырученныя деньги прокормить голодающихъ. Всѣ приходившіе къ нему получали хлѣбъ безъ различія возраста и народности. Умилительнымъ и строгимъ словомъ, такъ же какъ и этимъ своимъ примѣромъ, онъ тронулъ сердца богатыхъ и побудилъ ихъ открыть и свои житницы. Такъ сдѣлался онъ какъ-бы новымъ Іосифомъ для страждущей Кесаріи.

По смерти Евсевія, въ 371 году, вся Кесарія пожелала имѣть Василія епископомъ.

Царствовалъ въ это время императоръ Валентъ. Онъ былъ совершенно ослѣпленъ ересью Арія и пользовался своею властію, чтобы всячески покровительствовать аріанамъ и притѣснять православныхъ. Между главными мѣрами къ ослабленію православія было изгнаніе изъ Церкви православныхъ епископовъ и замѣна ихъ аріанскими. Среди всѣхъ этихъ гоненій на православіе архіепископъ Кесарійской церкви, слав-

ный умомъ, познаніями и добродѣтелями, естественно обращалъ на себя особенное вниманіе какъ православныхъ, кои надѣялись имѣть въ немъ оплотъ православія, такъ и аріанъ, видѣвшихъ въ немъ главное препятствіе своимъ замысламъ. И точно, подвигнуть такой свѣтильникъ съ мѣста не легко было для самого повелителя Востока; поэтому Василій оставался на своемъ престолѣ, когда вокругъ его уже многія мѣста епископскія были заняты аріанами. Св. Василій былъ истинно-евангельскій епископъ—отецъ народу, другъ бѣднымъ и бѣдствующимъ, въ вѣрѣ непреклонный, неутомимый и неистощимый въ благотвореніи.

Его заботами въ Кесаріи и окрестностяхъ устраивались пріюты, страннопріимные домы, больницы. Въ одномъ изъ отдѣленій Кесарійской громадной, великолѣпной больницы былъ *въ первый* разъ устроенъ пріемный покой для *прокаженныхъ*. Прокаженные возбуждали къ себѣ особую нѣжность св. Василія; онъ безъ слезъ не могъ смотрѣть на этихъ страдальцевъ, которые терпѣли самое великое зло: чувствовали себя отъ всѣхъ ненавидимыми за одно только то, что подверглись несчастію... «Они—братья наши по Богѣ,—говоритъ св. Василій въ умилительномъ словѣ, произнесенномъ здѣсь же, въ этомъ убѣжищѣ,—братья, получившіе одинаковое съ нами естество, такъ же какъ и мы, одаренные образомъ Божіимъ и хранящіе его, можетъ быть, лучше насъ; хотя и истлѣли тѣломъ, но во единаго облечены Христа; за нихъ, равно какъ и за насъ, умеръ Христосъ, и они суть наслѣдники небесной жизни, хотя отчуждены отъ земной, и страдаютъ они со Христомъ, дабы съ Нимъ прославиться! Что же мы? Презримъ ли ихъ? Пробѣжимъ ли мимо? Оставимъ ли ихъ какъ мертвецовъ, какъ страшилищъ?

Нѣтъ, братія! Не тому учитъ насъ—овецъ Своихъ—добрый Пастырь Христосъ, обращающій заблудшихъ, взыскующій погибшихъ, укрѣпляющій немощныхъ... Не то внушаетъ намъ и природа человѣческая, которая вложила въ насъ законъ состраданія». Святый Василій не гнушался ими, часто посѣщалъ ихъ, *обнималъ,* давалъ имъ великую радость чувствовать *близость любви своей.*

Приданное Василію прозвище «Великаго» объясняется тѣмъ *особеннымъ* впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на своихъ современниковъ... Вся его внѣшность: осанка, блѣдное, изможденное лицо, глубокій взглядъ, спокойная важность тѣлодвиженій, возбуждала во всѣхъ чувство благоговѣнія... «Одна его улыбка была похвалою, а молчаніе укоризною». Враги его не могли не сознавать нравственной его силы, а друзья съ восторгомъ подчинялись ей. Вліяніе Василія на духовенство было такъ велико, что при немъ оно достигло высшей степени достоинства, и епископы чужихъ епархій просили у него пресвитеровъ для своихъ церквей.

Онъ самъ любилъ красоту церковную, благолѣпіе храма, гармонію въ Богослуженіи, и это чувство внушалъ окружающимъ его; два раза въ его жизнеописаніи упоминается о его служеніи въ церкви—и оба раза говорится о томъ особомъ впечатлѣніи, которое оно производило на душу. Святый Ефремъ Сиринъ и императоръ Валентъ, люди столь *разнородные,* оба восприняли одно впечатлѣніе при видѣ торжественнаго величія этого служенія. «Я видѣлъ его на ступеняхъ алтаря дома Божія», говоритъ увлеченный своимъ восторгомъ св. Ефремъ, «видѣлъ этотъ сосудъ избранный—стоящимъ предъ лицемъ всей своей паствы, укра-

щеннымъ и обогащеннымъ словами, сіяющими какъ драгоцѣнные камни. На плечѣ у него, казалось мнѣ, сидѣлъ бѣлый какъ снѣгъ—голубь и шепталъ ему на ухо,—а все собраніе свѣтилось божественнымъ сіяніемъ благодати».

Въ храмѣ же и при совершеніи Богослуженія была встрѣча святителя съ императоромъ Валентомъ. При обозрѣніи подвластныхъ странъ, императору однажды приходилось проѣзжать и по Кесаріи. Не желая имѣть столкновеніе и вступать въ пренія съ епископомъ, который держался иного ученія, и думая, что не трудно будетъ его привлечь на свою сторону, царь предварительно поручилъ префекту Модесту расположить Василія къ общенію съ аріанами. Модестъ, пріѣхавъ въ Кесарію прежде императора, тотчасъ приказалъ потребовать къ себѣ св. Василія. Св. Василій явился предъ нимъ съ обычнымъ ему спокойствіемъ, какъ будто пришелъ онъ на праздникъ, а не на судъ. Модестъ, окруженный ликторами съ прутьями и топорами въ рукахъ, сначала обошелся со св. Василіемъ почтительно, и льстивымъ образомъ убѣждалъ его исполнить волю императора, признать аріанство. Но когда увидѣлъ средство это безуспѣшнымъ, то принялъ грозный видъ, и въ чрезвычайной досадѣ, не удостоивъ св. Василія и имени епископа, сказалъ: «Василій, что это? какъ смѣешь ты упорствовать противъ столь великаго императора, притомъ одинъ и такъ нагло? «Василій объяснилъ, что не можетъ принять заблужденія аріанъ. Модестъ сталъ грозить ему изгнаніемъ, лишеніемъ имущества, смертію.

— Это и все?—сказалъ Василій.—Ничто изъ этого не устрашаетъ меня. Тотъ, у кого ничего нѣтъ, не можетъ быть лишенъ имущества, если только не поже-

лаешь отобрать нѣсколько книгъ, которыя составляютъ мое имѣніе. Изгнаніе? Я не имѣю и понятія о немъ. Я не связанъ ни съ какимъ мѣстомъ. Та земля, на которой я теперь обитаю, не моя; а всякая земля, въ которую я могу быть заброшенъ, вся моя или скорѣе вся Божія, на которой я только странникъ и пришелецъ. А что касается до смерти, то смерть есть благодѣтельница, такъ какъ она приведетъ меня къ Богу, для Котораго я живу и Которому я служу.

Величіе Василія изумило префекта. «Доселѣ никто такъ не говорилъ со мною», сказалъ онъ.

— Вѣроятно, тебѣ не случалось говорить съ епископомъ,—спокойно отвѣчалъ Василій.

Между тѣмъ Валентъ прибылъ въ Кесарію, и Модестъ немедленно донесъ ему, что епископъ побѣдилъ его; что на него не дѣйствуетъ ни угроза, ни ласка, и что потому остается одно — употребить насиліе. Валентъ, выслушавъ все, невольно въ душѣ своей почувствовалъ къ св. Василію какое-то особое влеченіе; онъ, быть можетъ, даже сознавалъ, что истина съ нимъ,—но оставить аріанство ему было стыдно. Онъ началъ искать случая, чтобы изъявить св. Василію хотя свое глубокое уваженіе.

Случай скоро представился. Наступилъ торжественный праздникъ *Богоявленія*. Валентъ, въ сопровожденіи своихъ тѣлохранителей, вошелъ въ храмъ, гдѣ святый Василій совершалъ Богослуженіе, и сталъ между православными мірянами, показывая этимъ какъ-бы свое общеніе со св. архіепископомъ. Церковь была переполнена народомъ: люди, какъ волны морскія, тѣснились, налегая другъ на друга, но ничто не нарушало тишины. Неслось стройное праздничное пѣніе; за престоломъ, обратясь лицомъ къ народу, сто-

ялъ самъ архіепископъ: онъ ни взглядомъ, ни знакомъ не показалъ, что замѣчаетъ присутствіе императора. Высокій, стройный, онъ стоялъ неподвижно во всемъ величіи своего архипастырскаго облаченія, съ посохомъ въ рукѣ; глубокій, пламенный взоръ его устремленъ былъ на святой престолъ. Вокругъ него, въ благоговѣйномъ порядкѣ стояли пресвитеры и діаконы, будучи похожи скорѣе на Ангеловъ, нежели на людей.

Красота святости наложила свой особый отпечатокъ на всѣхъ служащихъ—и тихій свѣтъ благодати осѣнялъ молящихся. Робкій, впечатлительный Валентъ былъ потрясенъ до глубины души величіемъ этой картины. Его волненіе было всѣми замѣчено, когда онъ подвинулся впередъ и дрожащею рукою хотѣлъ подать свое приношеніе на жертвенникъ; никто изъ духовныхъ, не зная воли архіепископа, не посмѣлъ принять оное отъ Императора; Валентъ пошатнулся и непремѣнно бы упалъ, если бы одинъ изъ пресвитеровъ не поддержалъ его. Тогда св. Василій, видя, что императоръ предлагаетъ приношеніе не съ гордостью, а со смиреніемъ, захотѣлъ лучше нѣсколько ослабить строгость церковныхъ постановленій, нежели пристыдить его при всемъ народѣ. Онъ принялъ его приношеніе самъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого императоръ опять пришелъ въ церковь къ св. Василію и слушалъ его поученіе; потомъ выпросилъ себѣ у него позволеніе войти въ алтарь, гдѣ и вступилъ въ желанную бесѣду съ нимъ. Св. Василій долго и съ чрезвычайною силою говорилъ ему объ истинномъ ученіи вѣры. Императоръ слушалъ его весьма внимательно, и, казалось, несомнѣнно призналъ сторону св. Василія

дѣйствительно правовѣрною. Онъ сдѣлался благосклоненъ къ православнымъ и велѣлъ прекратить гоненіе на нихъ.

Эта царская милость продолжалась весьма не долго. Едва прошло нѣсколько дней, какъ униженная гордость придворныхъ и хитрость аріанскихъ епископовъ успѣла снова возбудить въ императорѣ гнѣвъ на св. Василія, и, не задумываясь, онъ подписалъ ссылку святаго архипастыря. Велико было торжество аріанъ, глубока печаль православныхъ. Вѣроятно, для того, чтобы не произошло возмущенія въ народѣ, св. Василій долженъ былъ выѣхать изъ города до разсвѣта въ первую ночь по полученіи приговора.

Но Богъ очевиднымъ образомъ вступился за святаго и всемогуществомъ Своимъ тотчасъ далъ всему теченію дѣлъ совсѣмъ иной видъ. Въ эту самую ночь шестилѣтній сынъ императора сдѣлался опасно боленъ. Императоръ призвалъ искуснѣйшихъ врачей; но врачи отказали въ надеждѣ. Онъ самъ усердно молился Богу, многократно повергаясь на землю, но— тщетно. При этомъ вдругъ вошла императрица, встревоженная ужаснымъ сновидѣніемъ; терзаемая скорбію о потерѣ сына, она сказала своему супругу, что болѣзнь сына послана въ наказаніе за оскорбленіе архіепископа; императоръ, стыдясь своего поступка со св. Василіемъ, поспѣшно отмѣнилъ приговоръ и послалъ просить молитвъ епископа. Ребенокъ выздоровѣлъ. Валентъ уже не тревожилъ Василія; и гоненіе, сильное во всѣхъ областяхъ, миновало Каппадокію.

Святый епископъ Кесарійскій не долго наслаждался водвореніемъ мира: въ постоянной борьбѣ съ противниками православія истомилась душа его.

Труды, невзгоды жизни сломили его. Онъ скончался 1-го января 379 года. Другъ его Григорій не могъ присутствовать при его кончинѣ, потому что самъ въ это время былъ опасно боленъ. Послѣднія слова св. Василія были: *въ руцѣ Твои предаю духъ мой.*

Имѣя великую заботу о достоинствѣ и благолѣпіи Богослуженія, св. Василій много для него потрудился. Онъ составилъ величественный чинъ литургіи, извѣстный подъ его именемъ. Принимая во вниманіе немощь молящихся и полагаясь на ревность избранныхъ пресвитеровъ, онъ на литургіи сократилъ общія молитвы, расширивъ въ то же время молитвы священнослужителей. Составъ утренняго Богослуженія устроенъ по его указаніямъ и наставленіямъ. Многія извѣстнѣйшія православнымъ молитвы Часослова и Псалтири, равно и изъ правила ко причащенію, составлены имъ же. Наконецъ, чудно-таинственныя молитвы о ниспосланіи намъ Духа Святаго и объ упокоеніи усопшихъ, которыя съ колѣнопреклоненіемъ читаются въ день св. Пятидесятницы, тоже его твореніе. — Въ своихъ писаніяхъ св. Василій оставилъ Церкви сокровище мудрости, краснорѣчія и священной поэзіи. Вотъ что говоритъ о нихъ св. Григорій: «Когда я беру въ руки и читаю его *Шестодневъ*, то прихожу въ общеніе съ Творцомъ... Когда читаю книги, написанныя имъ о Св. Духѣ, я нахожу Бога... Когда читаю другія его толкованія, я слышу, какъ-бы это былъ одинъ глубокій призывъ отъ одного къ другому, вижу свѣтъ, стремящійся къ свѣту,—и постигаю значеніе Священнаго Писанія».

Святый Василій родился быть *властелиномъ*; чувство христіанскаго смиренія съ трудомъ подавляло въ немъ сознаніе своего превосходства надъ людьми.

«Василій», говоритъ Руфинъ, одинъ изъ его современниковъ, «былъ смиренъ предъ Богомъ; но Григорій былъ смиренъ и передъ людьми». Самъ Григорій не защищаетъ его отъ этого обвиненія, но доказываетъ, что если и была его гордость велика, то она терялась въ безднѣ любви, милосердія и нѣжности къ *меньшей* братіи.

Въ продолженіе всего царствованія императора Валента, т. е. въ продолженіе около 40 лѣтъ, въ Константинополь были поставляемы исключительно аріанскіе епископы. И епископы, и гражданскія власти на зло православнымъ покровительствовали всякимъ лжеученіямъ; всевозможныя ереси разглашались свободно, и страсть къ богословскимъ спорамъ и преніямъ объяла все народонаселеніе; на улицахъ слышались безпрестанныя пренія; ремесленники, лавочники спорили о Божественности Христа, объ отношеніи Его къ Богу Отцу, утверждали или отвергали Божественность Духа Святаго.

Между тѣмъ какъ всѣ лжеученія исповѣдывались свободно, Никейское вѣроисповѣданіе было постоянно преслѣдуемо. Православные не имѣли въ Константинополѣ ни одной церкви; они собирались втайнѣ для Богослуженія, иногда въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ часто на нихъ нападали враги. Никогда еще православная Церковь не терпѣла такого угнетенія, не нуждалась такъ въ крѣпкой защитѣ. По смерти императора Валента, одушевленные проблескомъ новой надежды, православные обратили свои взоры на Григорія Назіанзскаго, какъ на единственнаго человѣка, который могъ собрать около себя православное стадо и изъ развалинъ возсоздать ихъ разстроенную Церковь. Они поспѣшили написать къ нему, умоляя его при-

быть въ Константинополь и взять на свое попеченіе малочисленную Церковь православную.

Св. Григорій, по волѣ отца своего и противъ своей воли, былъ рукоположенъ въ пресвитеры; противъ своей воли, по волѣ друга своего Василія, былъ возведенъ въ санъ епископа. Онъ въ трепетномъ ужасѣ взиралъ на таинство священства и не считалъ себя въ правѣ служить у алтаря «великаго Бога, нашей жертвы и нашего Первосвященника». *То*, что онъ, однако, принялъ *это* служеніе, легло тяжелымъ гнетомъ на его до болѣзненности чуткую душу. Настроеніе его никогда не было жизнерадостнымъ; тѣмъ не менѣе онъ изнемогалъ, и принужденъ былъ искать себѣ успокоенія въ тиши сельскаго уединенія. Но никогда еще жизнь не казалась ему мрачнѣе, нежели именно въ это время: «Я потерялъ Василія», писалъ онъ къ одному изъ своихъ друзей, «потерялъ моего духовнаго брата и могу сказать съ Давидомъ: *отецъ мой и мати моя остависта мя.* Здоровье мое слабо, друзья не вѣрны. Церковь безъ пастырей, все, что есть хорошаго, гибнетъ, зло выступаетъ обнаженное. Мы плаваемъ во мракѣ, и нигдѣ не видно маяка... *Христосъ почиваетъ*».

Въ призывѣ Константинопольской Церкви Григорій почувствовалъ опредѣленіе воли Божіей. Наступила теперь самая дѣятельная пора его жизни, хотя ей суждено было ограничиться лишь тремя достопамятными годами.

Все дѣло возрожденія Церкви въ Константинополѣ Григорій совершилъ силою духовною и удивительнымъ краснорѣчіемъ своей проповѣди. Во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ онъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ тѣхъ, кто призвалъ его. Они заочно

слышали о его громкой славѣ и ожидали увидѣть человѣка, сразу поражающаго величіемъ и блескомъ. Вмѣсто того они увидали человѣка малаго роста, тощаго, болѣзненнаго. Его истощенное заботами лицо, которое такъ часто орошалось слезами, носило отпечатокъ обычной грусти, его бѣдное одѣяніе болѣе походило на одежду нищаго, нежели на одежду епископа. И тѣмъ не менѣе Григорій скоро заставилъ всѣхъ забыть всѣ эти первыя невыгодныя впечатлѣнія, *выполнилъ все,* и даже больше того, чего отъ него ожидали. Онъ отдалъ свою чистую душу на служеніе Церкви, и святость его кроткой, смиренной жизни, какъ солнечный лучъ, пригрѣла всходы на той заглохшей Божіей нивѣ, которую онъ въ терпѣніи принялся воздѣлывать вновь.

Прибывъ въ Константинополь, онъ остановился у родственниковъ; и въ ихъ домѣ скоро устроилась церковь, въ которой сталъ онъ совершать Богослуженіе и проповѣдывать. Онъ назвалъ эту церковь *Анастасіей*, что̀ значитъ *воскресеніе,* надѣясь, что тутъ воскреснетъ православіе.

Сначала немного слушателей посѣщало его бѣдную церковь; но послѣ каждой проповѣди число ихъ увеличивалось. Скоро малая церковь стала тѣсна; никогда еще въ Константинополѣ не слышалось такого могучаго, убѣдительнаго слова; язычники, еретики, равнодушные міряне, приходившіе изъ любопытства послушать новаго проповѣдника, были увлечены его краснорѣчіемъ.

Въ то время проповѣдники обыкновенно начинали свою проповѣдь словами: «миръ всѣмъ», а народъ отвѣчалъ: «и духу твоему». Григорій этимъ воспользовался, чтобы произнести свою знаменитую про-

повѣдь о *духѣ мира.* «Богъ», говоритъ онъ, «съ особеннымъ благоволеніемъ открываетъ Себя какъ *любовь,* а мы, боготворя Того, Кто есть любовь, — почему же ненавидимъ другъ друга? Мы проповѣдуемъ миръ: почему мы ведемъ яростную войну?» Онъ боролся противъ заблужденій ереси съ энергіею, твердостію и искреннею серіозностію, но вообще его образъ дѣйствій отличался необыкновенно кроткимъ обращеніемъ со всѣми: мало-по-малу онъ себѣ завоевывалъ сердца людей. Когда же съ каѳедры Анастасіи раздались его высокія бесѣды *о Богословіи,* то множество самыхъ отъявленныхъ противниковъ его были окончательно побѣждены; громкія рукоплесканія и восклицанія часто прерывали его рѣчь; и за нимъ навсегда утвердилось названіе *Богослова.* Тѣмъ не менѣе ему приходилось выступать противъ цѣлой бури ненависти и злобы. Приходилось постоянно слышать издѣвательства и насмѣшки отъ аріанъ. Встрѣчая его, осыпали ругательствами по поводу его убогаго, смиреннаго вида, часто метали въ него камнями, даже и жизнь его не разъ была въ опасности.

Силы стали уже измѣнять ему; однажды въ бесѣдѣ своей онъ намекнулъ на то, что, быть можетъ, ему придется оставить Константинополь. Тогда поднялись рыданія въ церкви, и одинъ изъ слушателей громко воскликнулъ: «если ты изгонишь себя самого, ты изгонишь ученіе о Троицѣ изъ нашей Церкви!» Эти слова такъ подѣйствовали на Григорія, что онъ тутъ же обѣщалъ не покидать свою паству. Завѣтное желаніе его было— возвратить народу утраченное имъ православное ученіе о Святой Троицѣ; въ одной изъ бесѣдъ своихъ онъ въ порывѣ увлеченія восклицаетъ: «дерзаю сказать со Апостоломъ: столько люблю васъ, что готовъ *отлученъ*

быти отъ Христа, только бы вы стояли съ нами и вмѣстѣ прославляли мы Святую Троицу».

Григорій, какъ и Василій Великій, восторженно любилъ природу. Онъ могъ находить дѣйствительный миръ въ вѣрѣ и молитвѣ, но и вѣра и молитва разгорались у него въ общеніи съ красотою природы. Въ своихъ бесѣдахъ онъ радостно говоритъ и о свѣтѣ солнечномъ, и о сіяніи луны, о зеленѣющей травѣ, о благоуханіи цвѣтовъ, о журчаніи ручьевъ, о щебетаніи птицъ, о всей красотѣ Божія міра, восхваляющей Бога голосами неизреченными.

Послѣ недолгаго отсутствія, Григорій возвратился на свое служеніе, и возвращеніе его было вскорѣ ознаменовано окончательнымъ торжествомъ той Церкви, для которой онъ былъ главною опорой.

Около этого времени прибылъ въ Константинополь вновь избранный молодой императоръ *Ѳеодосій Великій.* Въ послѣдній разъ въ лицѣ его было возстановлено единодержавіе въ великой Римской имперіи. Мудрый, полный энергіи и силы, онъ доказалъ на дѣлѣ, *что̀* можетъ сила христіанскаго нравственнаго закона;—вспыльчивый и страстный по природѣ, онъ старался обуздывать порывы гнѣва своего и не поддаваться своимъ страстямъ, умѣлъ чувствовать раскаяніе, приносить покаяніе, былъ милосердъ и великодушенъ. Указами, имъ изданными, былъ нанесенъ послѣдній ударъ язычеству. Крещеніе онъ принялъ отъ православнаго епископа Солунскаго, призналъ за едино-истинное *Никейское вѣроисповѣданіе,* и объявлялъ еретиками всѣхъ отвергавшихъ оное. Въ то же время онъ повелѣвалъ возвратить православнымъ церкви, отнятыя у нихъ аріанами. Аріанскій епископъ выѣхалъ изъ Константинополя, а Григорій былъ торже-

ственно введенъ въ соборный храмъ самимъ императоромъ, при кликахъ православныхъ: «Григорій епископъ!» Эта торжественность была тягостна смиренному Григорію, какъ видно изъ его собственныхъ словъ. Онъ шелъ неохотно, съ поникшею головою, видѣлъ вокругъ себя толпы аріанъ, недовольныхъ, безмолвныхъ, уступавшихъ лишь силѣ. Самое небо, казалось, не благопріятствовало торжеству; погода была пасмурна, небо покрыто тучами; но едва Григорій вступилъ во святилище, какъ яркіе лучи солнца блеснули изъ-за тучъ. Народъ призналъ это счастливымъ предзнаменованіемъ, и громкими, радостными восклицаніями привѣтствовалъ новаго православнаго епископа.

Григорій продолжалъ въ отношеніи еретиковъ дѣйствовать лично съ замѣчательною кротостію. Въ проповѣди своей онъ обличалъ ихъ сильнымъ словомъ, но всячески удерживалъ императора отъ строгихъ мѣръ преслѣдованія. Между тѣмъ аріанство, подъ сильнымъ покровительствомъ императорской власти, успѣло пустить глубокіе корни въ имперіи, и само породило множество различныхъ толковъ, другъ съ другомъ препиравшихся. Важнѣйшая изъ этихъ сектъ была секта *Духоборцевъ*. Аріанству, отрицавшему Божественную сущность Іисуса Христа, какъ лица Св. Троицы, естественно было дойти и до отрицанія Божественной сущности Духа Святаго. Это лжеученіе, начавшееся отъ аріанина Евномія, пріобрѣло особенную силу и распространилось подъ покровительствомъ Константинопольскаго епископа *Македонія*, подъ именемъ коего оно и извѣстно. Къ этому лжеученію принадлежало въ 380 году не менѣе 36 епископовъ.

Итакъ, черезъ 55 лѣтъ послѣ Никейскаго собора, оказалась необходимость вновь утвердить на

вселенскомъ соборѣ правду православнаго ученія. Соборъ этотъ созванъ былъ императоромъ Өеодосіемъ въ Константинополѣ, въ 381 году. Съѣхалось до 150-ти епископовъ съ Востока, и соборъ открылся подъ предсѣдательствомъ Мелетія Антіохійскаго, который впрочемъ вскорѣ скончался; тогда мѣсто его, какъ предсѣдателя на соборѣ, занялъ Григорій.

Македоніанскіе епископы, прибывъ по вызову, отказались принять участіе въ соборѣ и удалились. Тогда отцы собора, разсмотрѣвъ въ совокупности всѣ ереси, возникшія въ связи съ аріанствомъ, осудили ихъ, затѣмъ, подтвердивъ Никейскій символъ вѣры неизмѣнно, присовокупили къ нему, въ изъясненіе правой вѣры о Духѣ Святомъ, о Церкви, крещеніи, воскресеніи и будущей жизни:

И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину святую, Соборную, Апостольскую Церковь. Исповѣдую едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Такъ составился вполнѣ *Никео-Цареградскій* символъ вѣры.

Канонами этого собора, которыхъ всего семь, были рѣшены споры о перекрещиваніи еретиковъ, и узаконено въ первый разъ распредѣленіе церковныхъ властей и управленій, примѣнительно къ распредѣленію гражданскаго областного управленія въ Римской имперіи. Въ столичныхъ городахъ учреждены патріаршества, именно: въ Римѣ для Запада, въ Константинополѣ для Востока, въ Александріи для Африки, въ Антіохіи для Азіи; Іерусалимъ, хотя и не считался столицею, но по священному значенію этого города епископъ его уравненъ съ патріархами. Риму, по

старшинству древности, присвоено первое мѣсто, а Константинополю, второму Риму—второе. Въ составъ патріархата входили епископы большихъ и малыхъ городовъ съ ихъ округами. Это распредѣленіе управленія остается въ силѣ и донынѣ; но въ то время нѣкоторымъ важнымъ городамъ присвоено было управленіе независимое отъ патріарховъ, въ вѣдѣніи *экзарховъ*.

Святый Григорій не остался до конца на соборѣ. Его утомили нескончаемые споры и разногласія епископовъ, силы его истощились, и онъ просилъ отпустить его въ пустынное уединеніе. Соборъ окончился уже подъ предсѣдательствомъ новаго патріарха Нектарія.

Трогательно было прощаніе его съ паствою, которую онъ покидалъ навсегда, и прощальная рѣчь его къ народу служитъ знаменитымъ памятникомъ его краснорѣчія. Великая забота его въ эту минуту была о томъ, кто будетъ ему преемникомъ, кто станетъ продолжать его дѣло. «Дайте мнѣ», восклицалъ онъ, «преемника, имѣющаго чистыя руки, образованнаго, достойнаго ходить въ званіи своемъ». Этому завѣту Григорія суждено было осуществиться лишь въ 398 году, когда, послѣ Нектарія, вступилъ на Константинопольскую каѳедру святый *Іоаннъ Златоустый*.

Остальные шесть лѣтъ жизни Григорій провелъ въ тихомъ убѣжищѣ своей дачи (близъ Назіанза), оставшейся послѣ отца. Часто обращались къ нему съ просьбами прибыть лично на церковные соборы, но Григорій, слабый и больной, могъ только на письмѣ принять участіе въ дѣлахъ Церкви. Онъ велъ строгую, подвижническую жизнь; молитва и занятія, съ молодости любимыя, услаждали его одинокую ста-

рость. Онъ любилъ въ звучныхъ стихахъ излагать воспоминанія о прошедшей жизни: описывалъ и счастливое дѣтство въ родительскомъ домѣ, и нѣжную дружбу съ Василіемъ, пустынные труды, скорби и немощи души среди бурь житейскихъ. «Изнуренный болѣзнію», писалъ онъ, «я въ стихахъ находилъ отраду, какъ престарѣлый лебедь, пересказывающій самъ себѣ звуки своихъ крыльевъ».

Великій святитель отошелъ ко Господу въ 387 году. Онъ—одинъ изъ немногихъ, кого рано коснулась благодать, и чистая жизнь его съ самаго дѣтства вся перевита, какъ одною неразрывною нитью—чувствомъ любви къ Церкви и ко всему святому.

XVI.

СВ. ІОАННЪ ЗЛАТОУСТЪ.

Іоаннъ, «свѣтильникъ міра, учитель вселенной, столпъ и утвержденіе Церкви», представляетъ собою самый величавый образъ проповѣдника первыхъ вѣковъ христіанства. Его грозное, огненное слово и *обличило* и *освѣтило* древній міръ, по имени христіанскій, но погруженный въ бездну разврата и всякаго беззаконія:—оно вызвало подъемъ его духовныхъ силъ, привело его на путь возрожденія. Но злоба людская возстала на Іоанна, и, осужденному ею, надлежало ему окончить славную жизнь свою въ тяжкомъ изгнаніи.

Родился онъ въ Антіохіи, въ 347 году, въ богатой и знатной семьѣ. Отецъ его скончался, когда онъ былъ младенцемъ въ колыбели; а матери его Анфусѣ тогда не было еще 20 лѣтъ. Всею горячностію страстной и скорбно-одинокой души она привязалась къ своему ребенку, въ чертахъ его думалось ей видѣть какъ-бы отраженіе другаго дорогаго образа; она забыла красоту свою и молодость, и вся ея жизнь точно ушла въ жизнь ея сына. Она воспитала душу его; то̀, что̀ дала ему ея любовь, осталось для него тѣмъ

чистымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпалъ отраду и силу до конца своей жизни.

Образованіе Іоаннъ получилъ въ школахъ языческихъ, такъ какъ, по повелѣнію императора Юліана, въ христіанскихъ школахъ было воспрещено преподаваніе всѣхъ высшихъ наукъ. Своими блистательными способностями и столь же блистательными успѣхами онъ поражалъ и товарищей и преподавателей. Одаренный способностію *познавать* все прекрасное, онъ не могъ не поддаться обаянію языческой философіи, но устоялъ противъ ея воздѣйствія на убѣжденія, уже воспринятыя его душею. Также устоялъ онъ и противъ соблазновъ міра, которые со всѣхъ сторонъ окружили его по выходѣ изъ школы. Восторженный, впечатлительный, онъ искалъ себѣ въ жизни постояннаго *возбужденія*, и свѣтская жизнь Антіохіи съ ея шумными развлеченіями, при тѣхъ восторгахъ, которые возбуждало удивительное его краснорѣчіе, сразу дала ему то, чего жаждала юная его душа... Но увлеченія эти не могли быть продолжительны; душа его привыкла, какъ онъ самъ выражался, утолять жажду свою у чистыхъ водъ *иного Источника*, и къ этому источнику она скоро возвратилась: все, что на̀чало было плѣнять его—вдругъ ему опостылѣло... Болѣе и болѣе онъ уходилъ въ себя, въ свой внутренній міръ и пожелалъ принять святое крещеніе.

Принялъ онъ крещеніе отъ Антіохійскаго епископа Мелетія, который, узнавъ его, полюбилъ и назначилъ чтецомъ при церкви. Это была самая низшая изъ церковныхъ должностей и давала ему лишь право съ амвона читать Священное Писаніе, но она *опредѣленно* посвящала его на служеніе Богу. Послѣ

крещенія онъ считалъ себя возрожденнымъ... снова пылкая душа заговорила въ немъ: прежде она жаждала *наслажденія*, теперь жаждала—*подвига*. Его стала привлекать монашеская жизнь съ ея безконечнымъ самоотреченіемъ, и онъ рѣшился-было навсегда удалиться въ пустыню. Но та самая любовь, которая воспитала его для Бога, теперь удержала его отъ этого рѣшенія. Анфуса была христіанка,—но прежде всего была *мать*: она не въ силахъ была *отдать* добровольно «радость» всей своей жизни. Умилителенъ разсказъ самого Іоанна. «Когда моя мать узнала о моемъ намѣреніи, она безмолвно подошла ко мнѣ, взяла меня за руку и повела въ свою комнату: мы оба сѣли возлѣ той постели, на которой я былъ рожденъ, и она тихо заплакала... затѣмъ стала говорить слова, еще печальнѣе слезъ...

«Сынъ мой», сказала она, «одно мое утѣшеніе въ эти долгіе, одинокіе годы было смотрѣть на тебя, въ твоихъ чертахъ узнавать того, кого уже не было со мною. Съ самаго твоего младенчества, когда ты еще говорить не умѣлъ, въ ту пору жизни, когда дѣти наиболѣе даютъ радости, въ тебѣ одномъ я находила все свое утѣшеніе. Теперь прошу тебя объ одномъ: пожалѣй меня, не заставляй во второй разъ переживать ужасъ одиночества, снова проливать тѣ горькія, уже выплаканныя слезы! Подожди немного; быть можетъ, я скоро буду отозвана отсюда, тогда поступай, какъ знаешь; а пока потерпи меня, не скучай пожить еще со мною; не обижай ту, которая никогда ничѣмъ не обидѣла тебя—этимъ прогнѣвишь ты нашего Бога»! Сколько скорби и сколько мольбы въ этихъ простыхъ словахъ! Въ нихъ сказывается вся тайна этого бѣднаго материнскаго сердца, у кото-

раго не хватало силы даже для Бога отказаться отъ любви своей!

Іоаннъ внялъ мольбѣ матери и оставался съ нею до самой ея кончины. Когда ея не стало, открылось для него вожделѣнное пустынножительство. На лѣсистыхъ холмахъ, окружающихъ Антіохію, возвышались многіе монастыри, и Іоанну они казались обителями неземными. Въ одну изъ этихъ обителей онъ удалился. Онъ былъ счастливъ, потому что совершенно вѣрилъ въ *тотъ идеалъ* монашеской жизни, который хранился въ душѣ его. Когда же настала пора искушенія, и невозмутимая тишина пустыни, ея нерушимое уединеніе вдругъ ужасомъ наполнили его душу, полную жизни,—онъ не палъ духомъ: чтобы защитить себя отъ себя самого, онъ нашелъ въ себѣ силу покорить свою волю волѣ другого—отдалъ себя духовному руководству старца, извѣстнаго необыкновенно строгимъ самоумерщвленіемъ, и подъ этимъ руководствомъ прожилъ четыре года въ непрестанныхъ трудахъ, вынося необычайныя лишенія. Затѣмъ, не довольствуясь этимъ подвигомъ, онъ удалился въ уединенную пещеру и тамъ, посвящая все свое время молитвѣ и глубокимъ богословскимъ занятіямъ, въ теченіе двухъ лѣтъ велъ самую суровую, строго отшельническую жизнь. Здоровье его не выдержало, силы надломились... тогда, не чувствуя себя *въ правѣ* продолжать самоумерщвленіе, которое могло прервать жизнь, *данную* ему Богомъ, онъ, для сохраненія этого *дара* Божія, рѣшился покинуть облюбленную имъ пустыню и вернуться на свою родину — въ Антіохію.

Изъ шестилѣтней иноческой жизни Іоаннъ вынесъ глубокое знаніе Священнаго Писанія, пламенную

вѣру *въ дѣйствительность всего невидимаго*, и ту ясную проницательность, которая была присуща всѣмъ великимъ святымъ, выходившимъ въ міръ изъ глубины пустыни, гдѣ проводили они долгіе годы, точно скрытые въ «тайнѣ лица Божія».

Вскорѣ по возвращеніи его въ Антіохію, святый Мелетій посвятилъ его во діакона; а въ 386-мъ году Флавіанъ, преемникъ Мелетія, возвелъ его въ санъ священника, возложивъ на него обязанность говорить поученія Антіохійскому народу. Замѣчательно по глубокому смиренію *первое* слово, съ которымъ обратился вновь посвященный пресвитеръ къ паствѣ своей: «неужели настоящее не ночь и не сновидѣніе? и кто бы повѣрилъ, что убогій и отверженный юноша вознесенъ на такую высоту власти... Помолитесь, да пріидетъ на меня свыше великое подкрѣпленіе! теперь мнѣ потребны безчисленныя молитвы, да возмогу въ цѣлости возвратить залогъ, мною полученный нынѣ отъ Господа»! Въ своей книгѣ «*О священствѣ*» Іоаннъ начерталъ величественный образъ того, чѣмъ долженъ быть пресвитеръ. «Когда требуются», писалъ онъ, «люди могущіе управлять Церковью и взять на свое попеченіе столь многія души,—пусть предстанутъ намъ *тѣ* герои, которые великою мѣрою превосходятъ всѣхъ другихъ, и столько превышаютъ всѣхъ совершенствомъ души, сколько Саулъ превышалъ весь народъ Еврейскій высотою тѣла, или еще гораздо болѣе»! (О свящ.) Себя онъ считалъ вполнѣ недостойнымъ этого служенія; если дерзнулъ принять его, то лишь потому, что возлагалъ все упованіе на Того, Кто принялъ исповѣданіе любви трепетной души, смущенной памятью своего троекратнаго отреченія:

Господи, Ты вся вѣси, Ты вѣси, яко люблю Тя (Іоан. XXI, 17)!

«Съ тѣхъ поръ, какъ великій апостолъ *первый* услышалъ повелѣніе пасти овецъ Христовыхъ и *тотъ* вопросъ, который предшествовалъ повелѣнію,—*эта любовь ко Христу*», говоритъ Іоаннъ, «стала *первымъ* условіемъ пастырства, а само пастырство высшимъ ея выраженіемъ». Ею онъ освятилъ свою душу, и она дала ему силу твердо и мудро, въ терпѣніи и непрестанной заботѣ блюсти свое словесное стадо. Въ продолженіи 12 лѣтъ раздавалась проповѣдь Іоанна въ Антіохіи. Со временъ Апостоловъ не слышанъ былъ столь могучій призывъ къ покаянію, къ Богу.

Однихъ христіанъ въ Антіохіи было 100,000 душъ, но и Евреи и язычники стекались толпами слушать его слово, которое возбуждало восторгъ даже тѣхъ, чья душа оставалась безчувственною. Какъ нѣкогда великіе пророки, онъ «глаголомъ жегъ сердца людей», и громкія рыданія были отвѣтомъ на его пламенныя слова.

Церковь Апостоловъ, въ которой онъ проповѣдывалъ, стала центромъ Антіохійской жизни. Въ избыткѣ своихъ чувствъ народъ называлъ его то сладкоглаголивымъ, то медоточивымъ, то устами Божіими. *Златоустымъ* назвала его одна простая женщина, которая, однажды слушая его и увлеченная *впечатлѣніемъ* чего-то прекраснаго, воскликнула: «учитель душъ нашихъ, Іоаннъ золотыя уста, ученіе твое глубоко, но слабый умъ нашъ не все можетъ вмѣстить!» Съ этого времени и весь народъ сталъ называть его *Златоустымъ*, и сама Церковь удержала за нимъ это наименованіе.

Особенно величественно выступаетъ образъ Златоустаго въ исторіи мятежа Антіохійскаго. Народъ,

раздраженный новымъ налогомъ по случаю военныхъ обстоятельствъ, произвелъ открытое возмущеніе: чернь, доведенная до ярости разными подстрекателями, свергла императорскія статуи, волочила ихъ по улицамъ и наконецъ разбила въ куски съ дерзкими насмѣшками и ругательствами. Къ вечеру эта народная буря утихла, и настала зловѣщая тишина. Опомнившись, мятежники пришли въ ужасъ, сознавая, что̀ они сдѣлали, и *чего* теперь должны ожидать. Гонцы уже неслись изъ Антіохіи съ донесеніемъ къ императору... Іоаннъ молчалъ.

Въ первые дни этихъ страшныхъ событій, скорбь не позволила слову его свободно излиться изъ его сердца, а уныніе, облегавшее души Антіохійцевъ, не давало имъ даже вспомнить о словѣ учителя. По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда сердца ихъ смирились и смягчились, Іоаннъ понялъ, что онъ имъ нуженъ, и со своей каѳедры обратилъ къ нимъ свое слово покаянія и утѣшенія.

«Что мнѣ сказать и о чемъ говорить?» началъ онъ. «Теперь время слезъ, а не словъ; рыданій, а не рѣчей, молитвы, а не проповѣди... Такъ тяжело преступленіе, такъ велика язва... они выше всякаго врачевства и требуютъ помощи свыше. Но, возлюбленные, передайте мнѣ ваши души», поспѣшаетъ онъ ободрить унывающихъ, «возвратимся къ прежнему нашему обычаю: какъ мы привыкли всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь возложимъ *все* на Бога. Не упадемъ духомъ. Не столько мы сами заботимся о своемъ спасеніи, сколько Тотъ, Кто даровалъ намъ душу! Окрылимъ же себя надеждою и будемъ съ любовію ждать, *что̀* будетъ благоугодно Господу сотворить съ нами!»

Къ ужасу народа разнесся слухъ, что разгнѣванный императоръ поклялся разрушить Антіохію до тла и предать смерти всѣхъ ея жителей. Престарѣлый епископъ Флавіанъ рѣшился самъ отправиться въ Константинополь умолять императора о помилованіи виновныхъ, но раскаявающихся Антіохіанъ.

Много дней должно было пройти прежде, чѣмъ народъ узналъ о рѣшеніи императора; страхъ смерти овладѣлъ всѣми. И этимъ именно часомъ ужаса воспользовался Іоаннъ, чтобы привлечь народъ къ единственному тихому пристанищу—*къ Церкви.*

Начался Великій постъ. Іоаннъ каждый день проповѣдывалъ. Никогда, вѣроятно, Великій постъ не имѣлъ въ Антіохіи такого отпечатка святой торжественности: цирки и театры опустѣли, на улицахъ не слыхать было пѣсенъ, даже лавки закрылись, всѣхъ объяло молитвенное настроеніе — весь городъ превратился точно въ одну великую церковь. «Всѣ вы, и ваша совѣсть», говорилъ Іоаннъ, «свидѣтели тому, сколько пользы мы уже получили отъ настоящаго искушенія! Никогда не видавшіе церкви пришли въ нее; опустѣла площадь, но наполнилась церковь; люди поняли, что *та* возбуждаетъ печаль, а *эта* подаетъ радость».

Между тѣмъ Флавіанъ явился къ императору. Не оправдывая страшныхъ преступленій народа, онъ умолялъ императора, по примѣру Христа, простить виновныхъ—и тѣмъ прославить вѣру христіанскую, дающую силу прощать врагамъ! И Ѳеодосій—*простилъ.* «Иди, утѣшь», сказалъ императоръ Флавіану: «когда увидятъ кормчаго, то забудутъ ужасъ минувшей бури!» Къ самому празднику Пасхи возвратился Флавіанъ съ вѣстью о милосердіи. Весь городъ собрался

во храмъ: неизъяснимая, свѣтлая радость, въ которой сливалось чувство и раскаянія и любви и благодарности, охватила всѣхъ. «Радуясь всѣмъ существомъ своимъ въ день радости», говоритъ Іоаннъ, «будемъ непрестанно благодарить Господа не только за прекращеніе бѣдствій нашихъ, но и за то, что Онъ намъ ихъ *послалъ*».

Все это знаменательное событіе послужило къ славѣ вѣры Христовой. Никто не утѣшалъ, не одушевлялъ, не поддерживалъ народа въ часъ испытанія, кромѣ *Златоуста*. Никакая сила, кромѣ Церкви Христовой, не могла дерзнуть на ходатайство передъ императоромъ о прощеніи ужаснаго преступленія. И императоръ тогдашняго Рима *могъ* простить только потому, что онъ былъ *христіанинъ*.

Глубокое впечатлѣніе произвело это событіе на язычниковъ, и необычайное множество ихъ пожелало войти въ ту Церковь, въ которую впервые привлекло ихъ простое любопытство и въ которой ихъ удержало пламенное слово, возраждающее жизнь. Еще многіе годы трудился Златоустый въ Антіохіи, и съ каждымъ днемъ возрастала восторженная любовь къ нему народа. Отъ него осталось великое множество бесѣдъ, записанныхъ слушателями, и бóльшая часть ихъ относится ко времени его служенія въ Антіохіи. «Не знать этихъ чудныхъ твореній», говоритъ святый Исидоръ, «то же, что не видѣть солнца въ самый полдень!» Бесѣды Златоустаго остаются навсегда образцомъ для всѣхъ проповѣдниковъ; онѣ потому и дѣйствовали такъ сильно, что шли изъ сердца, исполненнаго пламенной и простой вѣры, горячей любви ко Христу и жалости къ народу. Въ той самой Антіохіи, гдѣ въ первый разъ ученики стали называться *христіанами*

(Дѣян. XI, 26), и гдѣ потомъ изсякла простота христіанскихъ нравовъ въ непомѣрной суетѣ и роскоши столичнаго быта,—слово Златоустаго возвращало слушателей къ духу первыхъ временъ христіанства, призывая ихъ не только исповѣдывать вѣру въ словѣ и обрядѣ, но и осуществлять ее дѣятельно въ цѣлой жизни. Онъ былъ въ особенности живымъ проповѣдникомъ любви и милосердія. Подобно Апостолу Павлу, которому онъ старался подражать во всемъ, онъ не уставалъ дѣлать добро *всякому*, и всякую душу старался приводить къ Богу, чтобы «всѣхъ пріобрѣсти для Христа».

Какъ ни горячо онъ былъ привязанъ къ своей Антіохійской паствѣ, пришлось ему внезапно покинуть ее: Богу угодно было призвать его къ новой тяжкой борьбѣ.

Слава Іоанна гремѣла въ имперіи. Когда скончался въ Константинополѣ архіепископъ Нектарій, императоръ Аркадій, сынъ Θеодосія Великаго, остановилъ свой выборъ на Іоаннѣ. Итакъ, по единодушному желанію императора и всего народа Іоаннъ былъ призванъ занять каθедру столицы. Чтобы избѣжать сопротивленія, Іоанна вызвали изъ Антіохіи обманомъ.

Въ Константинополѣ онъ былъ восторженно привѣтствованъ народомъ и угрюмо встрѣченъ противниками его избранія. Во главѣ недовольныхъ былъ Θеофилъ, патріархъ Александрійскій, который со злобою въ душѣ долженъ былъ повиноваться приказанію императора и признать Іоанна патріархомъ,—но, съ той самой поры, ненависть его не ослабѣвала, и много бѣдъ и скорбей навлекла она на святителя.

26 февраля 398 г. Іоаннъ вступилъ на патріаршій престолъ и понялъ съ перваго же дня, до чего

былъ труденъ предстоявшій ему подвигъ. Укрѣпленный новыми дарами Святаго Духа, онъ со властію вступилъ въ новую свою дѣятельность. Плачевно было состояніе Церкви, запущеніе чувствовалось во всемъ, а распущенность нравовъ была ужасающая.

Съ перваго раза Златоустъ произвелъ впечатлѣніе неблагопріятное. Какъ и Григорію Богослову, ему недоставало той внушительной наружности, которая сразу дѣйствуетъ на воображеніе народа: онъ былъ малаго роста и изможденнаго вида; одни только удивительно-проницательные глаза придавали особое выраженіе блѣднымъ чертамъ его. Доступный для бѣдныхъ и страждущихъ, онъ могъ казаться надменнымъ и рѣзкимъ въ отношеніи къ знатнымъ и празднымъ посѣтителямъ. Строгій образъ его жизни, съ утра до ночи исполненной трудовъ непрестанныхъ, не могъ нравиться среди разврата роскошной столицы. Поднялись обвиненія; но сильный сознаніемъ своей правоты, Іоаннъ гордо безмолвствовалъ, не отвѣчая на нападки, направленныя лично противъ него. Въ дѣлѣ же Божіемъ онъ не могъ уступать никому—и какъ громъ съ неба, разразилось его грозное слово; ничто не могло остановить его негодующаго обличенія, и ничто не могло утаиться отъ него. Столица не привыкла къ такому слову, и оно показалось невыносимымъ всѣмъ тѣмъ, къ кому относилось обличеніе: богатымъ, утопавшимъ въ роскоши и развратѣ, властителямъ, забывшимъ долгъ власти, хищникамъ и неправеднымъ судіямъ.

Между тѣмъ онъ умножалъ труды свои, и мало-по-малу заря новаго дня началà озарять Церковь. Въ селеніяхъ созидались новые храмы; призывая народъ къ молитвѣ, Іоаннъ всячески старался возстановить

Богослуженіе во всей его красотѣ. Особое вниманіе онъ обращалъ на пѣніе: «ничто такъ не возбуждаетъ и не окрыляетъ душу», писалъ онъ, «ничто съ такою силою не отторгаетъ ее отъ земли, ничто такъ не располагаетъ къ любви святой, какъ гармоническій стихъ и священная пѣснь. Природа наша такъ услаждается пѣснопѣніемъ и стихомъ, что и грудныя дѣти, когда плачутъ, усыпляются ими. Кормилицы, нося ихъ на рукахъ, ходятъ туда и сюда, и напѣвая имъ дѣтскія пѣсенки, тѣмъ утѣшаютъ ихъ плачъ; пѣснію услаждается всякій трудъ, и душа при звукѣ святой пѣсни можетъ легче выносить *все* — и тоску и печаль. Духовная пѣснь, это источникъ *освященія*, слова ея очищаютъ душу и Св. Духъ нисходитъ въ души поющихъ, такъ-какъ тѣ, которые поютъ псалмы съ сознаніемъ, дѣйствительно призываютъ на себя благодать Его». Вся любовь Іоанна къ церкви отражается въ бесѣдахъ его. Дѣйствуя своимъ примѣромъ, онъ убѣждалъ къ тому же всѣхъ слушателей своихъ: «отъ примѣра», говоритъ онъ, «исходитъ самое дѣйственное ученіе. Выходя изъ церкви, человѣкъ не учитъ, не проповѣдуетъ; но спокойствіе въ чертахъ лица его, но взглядъ его, самый голосъ являютъ не бывшимъ въ церкви, *какую вкусилъ онъ радость*, какое получилъ благо для души своей: что̀ лучше такого увѣщанія, такого призыва? Мы должны выходить отсюда, какъ изъ святилища выходятъ посвященные — чтобы, смотря на насъ, всѣ явно ощущали, *какое благо выносимъ мы отсюда*».

Онъ ограждалъ свою Церковь богослужебными уставами, изложилъ письменно чинъ литургіи, сокративъ употреблявшійся дотолѣ составъ литургіи Василія Великаго; установилъ всенощныя бдѣнія,

крестные ходы съ пѣніемъ *антифоновъ*. Дѣйствуя и словомъ и примѣромъ, онъ пріучилъ снова духовенство исполнять долгъ святаго служенія, и Церковь точно воздвигалась вновь, и народъ толпами стремился къ ней. Онъ всячески старался привлекать къ православію и многочисленныхъ аріанъ, которыхъ болѣе всего было среди Готовъ. Съ этою цѣлію онъ посвящалъ имъ священниковъ изъ ихъ племени, отдалъ имъ церковь для Богослуженія на ихъ родномъ языкѣ, самъ часто тамъ проповѣдывалъ, причемъ его слова переводились на Готскій языкъ особымъ переводчикомъ. Также имѣлъ онъ горячую заботу о распространеніи Евангелія въ отдаленныхъ странахъ, отправлялъ проповѣдниковъ къ Скиѳамъ, къ Готамъ, къ Славянамъ. Мало-по-малу восторженная любовь, которую онъ съумѣлъ возбудить въ Антіохіи, возгорѣлась къ нему и среди новой его Константинопольской паствы. И самъ онъ всею душею привязался къ тѣмъ, которыхъ силою своей любви вывелъ на широту: «вы», говорилъ онъ своему народу, «вы мои отцы, мои братья, мои сыновья, мои члены, мое тѣло, моя жизнь, мой вѣнецъ, мое утѣшеніе, мой свѣтъ!»

Тяжело останавливаться на послѣднихъ годахъ жизни великаго святителя, видѣть, какъ торжествовали низость и насиліе, какъ страдала святая добродѣтель.

Императрица Евдоксія, евнухъ Евтропій и Ѳеофилъ Александрійскій — вотъ имена нечестивыхъ, не стерпѣвшихъ праведника и погубившихъ его. Евнухъ Евтропій, любимецъ Аркадія, самъ въ началѣ указалъ императору на Іоанна — въ надеждѣ, что патріархъ, ему обязанный своимъ возвышеніемъ, будетъ служить и ему опорою; но скоро убѣдился въ своей

ошибкѣ и увидѣлъ въ Іоаннѣ грознаго обличителя своихъ беззаконій. Ѳеофилъ Александрійскій въ началѣ противился избранію Іоанна на патріаршій престолъ и не могъ простить ему его возвышенія. Злоба, таившаяся въ душѣ его, ждала случая обнаружиться. Императрица Евдоксія, стремясь избавиться отъ ненавистнаго ей господства Евтропія, который совершенно овладѣлъ слабоумнымъ Аркадіемъ,—въ новомъ патріархѣ думала найти себѣ могущественнаго союзника, и всячески старалась снискать его расположеніе и содѣйствіе. Она богато надѣляла церкви, помогала бѣднымъ, и своимъ благочестіемъ старалась привлечь къ себѣ сочувствіе патріарха.

Въ 398 году, когда совершалось перенесеніе мощей въ усыпальницу за стѣнами города, она смиренно слѣдовала за крестнымъ ходомъ, босая, съ непокрытою головою, и этимъ такъ тронула сердце Іоанна, что онъ, увлеченный и воображеніемъ и собственнымъ краснорѣчіемъ, въ пламенныхъ словахъ изобразилъ это свѣтозарное шествіе, въ которомъ шла молодая императрица, «смиренная, какъ раба Господня, свѣтлая, какъ одинъ изъ Его Ангеловъ!» Когда же она собственными усиліями съумѣла устроить паденіе Евтропія, и стала сама руководящею властью въ имперіи, то отношенія ея къ Іоанну измѣнились. Враги Іоанна успѣшно воспользовались ея самолюбіемъ, передавая ей слухи о намекахъ на нее, которые патріархъ будто бы позволялъ себѣ дѣлать въ проповѣдяхъ своихъ. Этого было достаточно, чтобы возбудить чувство мести въ гордой, властолюбивой душѣ царицы; а въ совѣсти своей она должна была сознавать, что не чужда тѣхъ пороковъ, которые обличалъ Іоаннъ, угрожая за нихъ судомъ Божіимъ. Евдоксія

жаловалась императору; Іоанну дѣлались выговоры за его смѣлыя рѣчи, а онъ отвѣчалъ: «я—епископъ, и мнѣ вручено попеченіе о многихъ душахъ. Если царица не знаетъ зла за собою, то ей не за что сердиться: я обличаю *беззаконіе*, никого не называю, но учу всѣхъ не дѣлать зла». Раздраженная достоинствомъ епископа, Евдоксія не могла уже владѣть собою—она приблизила къ себѣ враговъ его, и вмѣстѣ съ Ѳеофиломъ Александрійскимъ рѣшили они созвать соборъ, и на его обсужденіе предоставить обвиненія, взводимыя на Златоуста. Соборъ, составленный изъ 36 епископовъ, выбранныхъ изъ среды враговъ Іоанна, открылся при Дубѣ, въ селеніи близъ Халкидона, на противоположномъ Константинополю берегу Босфора. Всѣхъ обвиненій было 29—и всѣ они были основаны на самой наглой клеветѣ. Іоанна обвиняли между прочимъ въ оскорбленіи императрицы, которую онъ будто бы дерзнулъ всенародно сравнить съ *Іезавелью.* Беззаконный соборъ произнесъ низложеніе патріарха, приговорилъ его къ изгнанію, и приговоръ былъ утвержденъ императоромъ.

Когда вѣсть объ этомъ разгласилась, весь народъ пришелъ въ волненіе. Со всѣхъ концовъ Константинополя устремился онъ къ соборному храму св. Софіи и архіерейскому дому, соединенному съ нимъ галлереею, и днемъ и ночью окружалъ ихъ какъ-бы живою стѣною. Въ городѣ стали ходить самые тревожные слухи; говорили уже не только объ изгнаніи, но даже и о смертномъ приговорѣ. Народъ, взволнованный такими слухами, наполнялъ церкви, молясь за Іоанна, или толпился на соборной площади, чтобы хоть издали увидѣть архіепископа, или услышать звукъ его голоса.

Среди общаго смятенія одинъ Іоаннъ былъ спокоенъ. «Никто и ничто не можетъ разлучить насъ», такъ говорилъ онъ своей паствѣ: «мы раздѣлимся мѣстомъ, но любовью останемся соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ: хотя умретъ мое тѣло, но душа будетъ жива и никогда не забудетъ о семъ народѣ. Не тревожьтесь настоящими событіями, въ одномъ покажите мнѣ любовь вашу—въ непоколебимой вѣрѣ. Я же имѣю залогъ Господа и не на свои силы полагаюсь. Я имѣю Его Писаніе; оно мнѣ опора, оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокойная пристань; слова въ немъ для меня щитъ и ограда. Какія слова?—*Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка.* Христосъ со мною: кого мнѣ бояться? Что̀ Богу угодно, то да будетъ. Если Ему угодно оставить меня здѣсь, благодарю Его;—взять отсюда: опять благодарю Его».

На слѣдующій день, около полудня, одинъ изъ придворныхъ императора принесъ Іоанну повелѣніе немедленно оставить городъ. «Я обязанъ повиноваться императору», сказалъ онъ, «и не желаю, чтобы хоть одна капля крови пролилась изъ-за меня». Онъ поспѣшно вступилъ на корабль, уже готовый принять его, и вскорѣ ночная темнота скрыла отъ взоровъ народа удалявшагося святителя.

Но поутру смятеніе все еще расло. Народъ наполнялъ храмы, толпился на улицахъ и площадяхъ, возсылая горячія моленія о любимомъ пастырѣ, негодуя на враговъ его.

Ночь принесла съ собою новые ужасы: произошло сильное землетрясеніе. Подземные удары были особенно сильны около царскаго дворца и въ самомъ дворцѣ. Среди ночи, императрица Евдоксія, въ ужасѣ, вся въ слезахъ, вбѣжала къ императору. «Мы изгнали правед-

ника», воскликнула она, «и Господь за то караетъ насъ. Надобно его немедленно возвратить; иначе мы всѣ погибнемъ». Евдоксія сама написала Іоанну письмо, въ которомъ, увѣряя его, что невиновна въ его осужденіи, именемъ Бога умоляла его возвратиться. За первымъ посланнымъ послѣдовалъ второй, третій: такъ нетерпѣливо ожидала испуганная императрица возвращенія Іоанна. Народъ узналъ о случившемся, и вскорѣ весь заливъ Константинопольскій покрылся лодками. Кто спѣшилъ на встрѣчу святителю, кто ждалъ его въ пристани, чтобы его привѣтствовать; къ ночи лодки освѣтились факелами; по всему берегу зажглись огни; и архіепископъ вернулся при радостныхъ кликахъ народа. Іоаннъ отказался вступить въ городъ, пока низложеніе его не будетъ отмѣнено новымъ соборомъ. Настроеніе же народа было такъ мятежно, что императрица умоляла его прибыть немедленно: ради общаго успокоенія, онъ исполнилъ ея желаніе. Предшествуемый и сопровождаемый народною толпою при звукахъ торжественнаго пѣснопѣнія, онъ вступилъ въ городъ и вошелъ въ храмъ свой. Въ храмѣ онъ благословилъ свой народъ, громко восклицая: «Благословенъ Богъ, удалившій меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій бурю, и благословенъ Онъ, укротившій ее!»

Новый соборъ изъ 65 епископовъ объявилъ незаконность Дубскаго собора, и Іоаннъ вступилъ вновь въ управленіе своею паствою. Но вслѣдъ за этимъ просвѣтомъ, осіявшимъ жизнь Златоустаго, стали снова скопляться надъ нимъ мрачныя тучи. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ императрица успѣла оправиться отъ суевѣрнаго ужаса. Отуманенная высотою власти, до которой она теперь достигла, она пожелала, чтобы

ей была воздвигнута статуя посреди города. Статуя была поставлена на площади противъ храма св. Софіи, и открытіе ея ознаменовалось шумными празднествами совсѣмъ языческаго характера: крики, громкія пѣсни, звуки музыки долетали до храма и во время Богослуженія заглушали церковное чтеніе и пѣніе. Іоаннъ тогда произнесъ въ церкви сильную рѣчь противъ зрѣлищъ. Императрицѣ донесли, что въ этой рѣчи встрѣчались слова: «Опять Иродіада пляшетъ, опять Иродіада волнуется; опять требуетъ главы Іоанна!»... Еще яростнѣе запылала ея ненависть противъ патріарха.

Приближался праздникъ Пасхи, который нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ не совершался съ такою торжественностію, какъ въ Царьградѣ, въ соборномъ храмѣ св. Софіи. Императоръ, желая показать, что онъ признаетъ *незаконнымъ* положеніе Златоустаго, отказался принять отъ него св. Тайны и велѣлъ сказать святителю, чтобы онъ не являлся въ соборъ. Между тѣмъ, въ великую субботу, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ новообращенныхъ должны были принять святое крещеніе въ храмѣ св. Софіи. Іоаннъ прибылъ туда поутру; началась священная служба, и уже шло таинство крещенія, какъ вдругъ толпа вооруженныхъ воиновъ съ шумомъ ворвалась во храмъ и силою извлекла изъ онаго архіепископа. Народъ сталъ защищать его, многіе были ранены и убиты; разогнали новообращенныхъ, готовящихся къ крещенію; крики ужаса, звукъ оружія, плачъ женщинъ, стоны раненыхъ и умирающихъ наполнили храмъ.

Іоанна отвели въ домъ его, а новообращенные бросились въ загородныя крещальни и даже бани, гдѣ, освятивъ молитвою воду, духовенство стало довершать пре-

рванное таинство крещенія. Но и туда вторглись воины.

Къ ночи Константинополь опустѣлъ. Народъ, чуждаясь церквей, гдѣ распоряжались враги святителя, собрался на равнинѣ за городомъ для слушанія торжественной Пасхальной службы. Іоанна же въ архіерейскомъ домѣ держали какъ-бы въ заточеніи: около праздника Пятидесятницы ему былъ предъявленъ приговоръ объ изгнаніи. Какъ и въ первый разъ, пришлось ему удалиться тайно. Онъ пожелалъ еще разъ быть въ храмѣ св. Софіи и тамъ проститься съ вѣрнымъ ему духовенствомъ и прочими друзьями. Между тѣмъ народъ, узнавъ, что святитель во храмѣ, собрался во множествѣ на площади, ожидая, что онъ выйдетъ главною дверью. Но святитель, простившись съ духовенствомъ и клиромъ, преподавъ имъ наставленія и благословеніе свое, вышелъ противоположною дверью, и, вмѣстѣ съ посланными за нимъ, направился къ пристани.

Долго народъ ждалъ; наконецъ, подозрѣвая случившееся, нѣкоторые поспѣшили къ морю, но увидали удалявшійся уже корабль; другіе стали ломиться во храмъ, но ихъ отгоняли воины. Произошло опять ужасное смятеніе; взломали двери, народъ хлынулъ въ храмъ; опять засверкали мечи, опять стоны раненыхъ и умирающихъ наполнили храмъ. Между тѣмъ поднялась буря, а въ ночь въ соборѣ св. Софіи вспыхнулъ пожаръ, который разрушилъ храмъ, зданіе сената, богатые дома, окружавшіе площадь, и угрожалъ царскому дворцу.

Враги Іоанна не постыдились указать на него, какъ на виновника этого бѣдствія. Между тѣмъ больной и одинокій святитель продолжалъ путь къ мѣсту

своего изгнанія. Вездѣ встрѣчали его съ любовію, но само путешествіе было намѣренно устроено такъ, чтобы причинить ему наибольшее страданіе. Больной, изнуренный лихорадкою, онъ послѣ 70-ти-дневнаго мучительнаго пути достигъ, наконецъ, деревни Кукузъ въ горахъ Арменіи. Здѣсь въ жалкой деревнѣ онъ встрѣтилъ столько радушія и сочувствія, что стало оживать его истомленное сердце. Все, что было возможно, было сдѣлано епископомъ Адельфіемъ и жителями, чтобы облегчить положеніе великаго страдальца.

Среди своихъ глубокихъ лишеній и тяжкихъ немощей, Златоустый въ теченіи трехъ лѣтъ продолжалъ писать и трудиться для святой Церкви. Близость Бога и сочувствіе всего христіанскаго міра поддерживали его силы, и въ Кукузѣ онъ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ въ Константинополѣ: *свѣтильникомъ вселенной.* Онъ переписывался со многими епископами Запада и Востока, съ разными монастырскими общинами, и велъ бесѣды со многочисленными посѣтителями, которые приходили къ нему изъ Антіохіи и даже изъ Константинополя. Возрастающее его вліяніе скоро стало ужасать враговъ его. Было рѣшено нанести послѣдній ударъ великому святителю. Въ іюнѣ 407 года вышелъ приказъ, чтобы Златоустъ со всевозможною скоростію былъ отведенъ двумя солдатами въ городокъ Питій (нынѣшняя *Пицунда*) на дальнемъ берегу Чернаго моря, гдѣ былъ послѣдній предѣлъ имперіи.

Солдатамъ было, повидимому, дано повелѣніе влачить великаго мученика впередъ со всѣми возможными оскорбленіями и жестокостями, въ надеждѣ, что онъ умретъ во время путешествія, не стерпѣвъ

муки. Приказъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе со звѣрскою жестокостью. Послѣ трехмѣсячнаго пути, возлѣ города Команы, Іоаннъ былъ въ такомъ изнеможеніи, что пришлось остановиться. Остановились возлѣ склепа на могилѣ мученика Василиска. Златоусту, въ видѣніи, явился этотъ замученный епископъ, чтобы утѣшить его обѣщаніемъ скораго избавленія отъ страданій. На другое утро, не смотря на его жалкое состояніе, Іоанна опять безжалостно повлекли впередъ. Но скоро приближеніе смерти стало такъ очевидно, что его поспѣшили принести назадъ къ могилѣ мученика. Здѣсь была исполнена послѣдняя его просьба: его облекли въ бѣлыя крещальныя одежды, и, принявъ св. Причащеніе, онъ скончался со знаменательными словами на устахъ: «*слава Богу за все! Аминь*».

Тридцать лѣтъ спустя послѣ смерти святителя, патріархъ Проклъ убѣдилъ императора Өеодосія Младшаго перенести въ Константинополь мощи святаго страдальца. Это было совершено съ великимъ торжествомъ: императоръ выѣхалъ на встрѣчу въ Халкидонъ и, повергшись на землю, молилъ святителя простить родителямъ его, Аркадію и Евдоксіи; весь заливъ Константинопольскій опять покрылся освѣщенными ладьями, и народъ съ благоговѣйною радостію встрѣтилъ останки великаго пастыря.

XVII.

ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ:

третій, четвертый, пятый и шестой.

Христіанское просвѣщеніе распространялось и усиливалось и на Востокѣ и на Западѣ. На Востокѣ слово Божіе, трудами святыхъ благовѣстниковъ и подвижниковъ, проникло въ самыя отдаленныя мѣста, въ самыя дикія и суровыя пустыни. Св. Іоаннъ Златоустый ревностно заботился о переводѣ Писанія на различныя нарѣчія и о просвѣщеніи варварскихъ племенъ. Церковь Востока посылала благовѣстниковъ въ отдаленныя страны; святые подвижники базстрашно селились между варварами, и благовѣствованіемъ и примѣромъ благочестивой жизни обращали ихъ ко Христу. Въ пустынныхъ келліяхъ святые отшельники трудились надъ изученіемъ и толкованіемъ слова Божія. Востокъ, духовною дѣятельностію своею, привлекалъ множество благочестивыхъ мужей съ Запада, и такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ имѣлъ сильное вліяніе на церковную жизнь западныхъ христіанъ.

Все умственное движеніе того времени сосредоточено было въ Церкви. Язычество окончательно рушилось, и немногіе оставшіеся языческіе писатели и философы не въ силахъ были продолжать борьбу съ Церковью, которая, особенно въ IV вѣкѣ, привлекла на служеніе себѣ великія умственныя силы, людей высокаго духа, глубокаго знанія и поразительнаго краснорѣчія; таковы были на Востокѣ: Василій Великій, братъ его Григорій Нисскій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый, Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій и мн. др.

Но въ то же время вопросы вѣры и Церкви, коими всѣ умы были заняты, служили предметомъ великихъ споровъ и волненій, и на мѣсто прежнихъ ослабѣвшихъ ересей возникали новыя, распространяясь съ новою силою. Осужденное и низложенное аріанство не смѣло являться на свѣтъ въ прежнемъ своемъ видѣ, но сѣмя его осталось,—и то же заблужденіе возникало подъ другими видами. Не смѣли уже утверждать, что Іисусъ Христосъ не есть истинный Сынъ Божій; но, вступая въ дерзкое изслѣдованіе свойствъ Богочеловѣка, одни усиливались въ лицѣ Его видѣть одно Божество лишь съ призракомъ человѣчества,—другіе выставляли на видъ человѣческую Его природу съ однимъ лишь наитіемъ Божества; иные—наконецъ, различая въ лицѣ Его естество Божеское и естество человѣческое, раздѣляли оное какъ-бы на два лица, и вслѣдствіе того, пріобщая Пресвятую Дѣву, по рожденію, къ человѣческому естеству Богочеловѣка, отказывались признавать и именовать Ее Матерію Божіею.

Начальникомъ этой послѣдней ереси былъ *Несторій*, изъ Антіохійскихъ пресвитеровъ поставлен-

ный въ патріарха Константинопольскаго, при содѣйствіи императора Ѳеодосія Младшаго, котораго онъ сразу успѣлъ подчинить своему вліянію. Несторій былъ извѣстенъ строгою жизнью, ученостью и краснорѣчіемъ, и въ началѣ являлъ великую ревность къ искорененію всякихъ ересей. Произнося одну изъ первыхъ проповѣдей своихъ, онъ обратился къ царю со словами: «дай мнѣ страну чистую отъ еретиковъ, а я дамъ тебѣ Царство Небесное». Аріане и другіе лжеучители подверглись строгимъ преслѣдованіямъ отъ Несторія; малѣйшее отступленіе отъ церковныхъ правилъ встрѣчало въ немъ неумолимаго обличителя; и тѣмъ не менѣе, самъ онъ явился страшнымъ ересіархомъ.

Скрывая въ началѣ свое заблужденіе, онъ предоставилъ заявить его прежде всего одному изъ пресвитеровъ своего клира, Анастасію. Однажды въ церкви, въ присутствіи епископа, Анастасій, проповѣдуя о воплощеніи, сталъ утверждать, что не должно именовать Пресвятую Дѣву Богородицею, ибо Творецъ не могъ быть рожденъ Своимъ созданіемъ. Возмущенные слушатели обратились къ патріарху, но и патріархъ выразилъ подобное же мнѣніе.

Это еретическое мнѣніе, уже осужденное Церковью въ первыхъ вѣкахъ, возбудило общее негодованіе; пресвитеръ Проклъ съ великою силою обличалъ неправомысліе Несторія. Несторій однакоже не только не смирился, но, раздраженный сопротивленіемъ въ народѣ, сталъ, пользуясь своею властью, гнать и преслѣдовать всѣхъ, кто осмѣливался опровергать его. Къ несчастію онъ имѣлъ опору въ самомъ императорѣ. Императорская власть была тогда въ рукахъ неспособныхъ: Ѳеодосій II ни въ чемъ не походилъ на

великаго своего дѣда. Слабый, безхарактерный, безличный, онъ продолжалъ находиться подъ вліяніемъ Несторія, который, умѣя пользоваться царскою благосклонностью, продолжалъ безпрепятственно проповѣдывать ученіе свое не только въ Константинополѣ, но и распространялъ его въ другихъ отдаленныхъ мѣстахъ посредствомъ писанныхъ бесѣдъ, которыя разсылалъ по церквамъ и монастырямъ.

Эти бесѣды дошли до Египта и произвели между иноками волненіе. Тогда патріархъ Александрійскій Кириллъ явился защитникомъ своей паствы и всего православнаго міра отъ лжеученія. Онъ сталъ обличать его въ своихъ окружныхъ посланіяхъ и въ перепискѣ съ самимъ Несторіемъ. Римскій папа Целестинъ присоединился къ Кириллу въ своихъ обличеніяхъ, такъ-что самъ Несторій, въ виду общаго волненія, сталъ требовать созванія собора, къ чему склоняла императора и благочестивая сестра его *Пульхерія*. Такъ открылся *третій вселенскій соборъ* въ городѣ Ефесѣ, 7-го іюня 431-го года, въ храмѣ Пресвятыя Богородицы.

Лжеученіе Несторія было осуждено, и болѣе двухъ сотъ епископовъ изъявили свое согласіе съ опредѣленіями собора. Несторій объявленъ низложеннымъ и лишеннымъ епископства.

Догматъ Церкви о воплощеніи Сына Божія былъ выраженъ слѣдующими словами:

«Исповѣдуемъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій, Богъ совершенный и человѣкъ совершенный, съ душею разумною и тѣломъ; что Онъ прежде вѣкъ рожденъ отъ Отца по Божеству, и въ послѣднія времена Онъ же Самый, насъ ради и нашего ради спасенія, рожденъ отъ Маріи Дѣвы по

человѣчеству, такъ-что совершилось единеніе двухъ естествъ, ради котораго единаго Христа и единаго Господа исповѣдуемъ».

Св. Кириллъ, возвратившись въ Александрію, продолжалъ управлять Церковію до смерти своей (444): полный ревности къ вѣрѣ истинной, онъ заботился объ искорененіи въ Египтѣ остатковъ язычества. Богословскія его творенія имѣютъ великую цѣну для Церкви: главнымъ ихъ предметомъ былъ догматъ воплощенія и опроверженіе лжеученій относительно этого догмата. На всѣ книги Священнаго Писанія онъ написалъ толкованіе. Ему приписываютъ составленіе молитвы Пресвятой Богородицѣ: *Богородице Дѣво, радуйся,* составленіе чина часовъ для великаго пятка. Несторій жилъ нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ близъ Антіохіи, но былъ потомъ сосланъ въ пустынное мѣсто въ Египтѣ. Ересь его пустила однако корни въ Азіи, особливо въ Персіи и въ Арменіи.

Вскорѣ новыя смуты возникли въ Константинополѣ. Благочестивые епископы, истинно желавшіе блага и мира Церкви, боялись возбуждать богословскіе споры, столь опасные для христіанской любви; они знали, сколько эти споры возбуждаютъ взаимной вражды, какъ часто они служатъ предлогомъ для корыстныхъ цѣлей, орудіемъ ненависти и честолюбія. Но не таковъ былъ преемникъ Кирилла Александрійскаго *Діоскоръ,* человѣкъ честолюбивый и гордый; изъ личныхъ видовъ своихъ онъ сталъ покровителемъ новой ереси *Евтихія.*

Евтихій былъ архимандритъ одного изъ Константинопольскихъ монастырей — и ревностный противникъ Несторія. Но, опровергая лжеученіе Несторія, онъ впалъ въ новую ересь—видоизмѣненіе Несторіевой.

Онъ утверждалъ, что въ Господѣ Іисусѣ Христѣ человѣческое естество было совершенно поглощено *Божествомъ*, и потому въ Немъ слѣдуетъ признавать только *одно* Божеское естество (отсюда названіе этой ереси *Монофизитскою*). Нѣкоторые епископы обвинили Евтихія въ ереси предъ Флавіаномъ, патріархомъ Константинопольскимъ, а одинъ изъ нихъ потребовалъ, чтобы мнѣнія Евтихія были подвергнуты разсмотрѣнію помѣстнаго собора, который именно въ это время происходилъ въ Константинополѣ. Миролюбивому Флавіану нежелательно было поднимать споръ; онъ зналъ, какъ легко въ такомъ отвлеченномъ вопросѣ придать всякому необдуманному выраженію значеніе ереси; и боясь нарушить только-что водворившійся миръ, онъ всячески старался частнымъ образомъ привести Евтихія къ сознанію своего неправомыслія; но все было тщетно, и соборъ долженъ былъ принять обвиненія и призвать Евтихія къ отвѣту. Евтихій нѣсколько разъ отказывался явиться; и лишь по третьему зову явился съ вооруженною стражею. На вопросы епископовъ онъ отвѣчалъ двусмысленно, оказывалъ пренебреженіе Флавіану; но былъ уличенъ въ ереси и опредѣленіемъ собора лишенъ церковной степени.

Евтихій не покорился этому рѣшенію и требовалъ пересмотра дѣла. Онъ имѣлъ сильныхъ покровителей при дворѣ слабаго Ѳеодосія; они обвинили Флавіана въ ереси и убѣдили царя созвать соборъ въ Ефесѣ (449). Діоскоръ въ немъ предсѣдательствовалъ: онъ призналъ изложеніе ученія Евтихія *правымъ*, и произнесъ низложеніе Флавіана. Толпа монаховъ, фанатически преданныхъ Евтихію, вмѣстѣ съ вооруженными воинами, коихъ призвалъ Діоскоръ, набросилась на Флавіана: ему нанесли столько тяжкихъ

ранъ, что онъ скончался чрезъ нѣсколько дней. Среди шума и смятенія кончился этотъ беззаконный соборъ, справедливо заклейменный названіемъ *разбойничьяго собора.*

Тогдашній папа Римскій Левъ и множество епископовъ Восточныхъ стали настойчиво требовать, чтобы императоръ снова созвалъ вселенскій соборъ; но Θеодосій внезапно скончался, и уже сестра его Пульхерія и супругъ ея, императоръ Маркіанъ, въ 451-мъ году созвали *четвертый вселенскій соборъ въ Халкидонѣ.*

Засѣданія собора происходили въ церкви святой мученицы Евфиміи, при участіи 630-ти епископовъ, въ присутствіи императора и императрицы; предсѣдателемъ былъ патріархъ Анатолій, преемникъ Флавіана. Ересь Евтихія была осуждена; Евтихій и Діоскоръ низложены и изгнаны; повторено осужденіе ереси Несторія, и по прочтеніи письма папы Льва изложенъ догматъ, что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ; по Божеству Онъ вѣчно раждается отъ Отца и во всемъ Ему подобенъ; по человѣчеству же Онъ во времени родился отъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы и во всемъ подобенъ намъ, кромѣ грѣха; по воплощеніи Онъ имѣетъ одно лице и два естества, соединенныя въ Немъ несліянно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно». Соборъ Халкидонскій подтвердилъ опредѣленія бывшихъ прежде трехъ вселенскихъ соборовъ и семи помѣстныхъ, и равенство Константинопольской каѳедры съ Римскою, коей она уступала только мѣсто.

Прошло столѣтіе послѣ Халкидонскаго собора, но споры и смуты не прекращались между ожесточенными партіями, изъ коихъ одна держалась несторіанства, другая Евтихіевой ереси; и тѣ и другіе ста-

рались оправдывать свои мнѣнія ссылками на писанія отцевъ Церкви, толкуя выраженія ихъ по своему. Эти споры, распространяя смуту въ умахъ, дошли до такого раздраженія, что оказался необходимымъ новый вселенскій соборъ, *пятый.* Онъ созванъ былъ въ 553 году въ Константинополѣ Юстиніаномъ I. То былъ императоръ, знаменитый въ исторіи и гражданской и церковной; глубоко вникая во всѣ вопросы своего времени, онъ поставилъ цѣлью своей жизни умиротворить Церковь.

Пятый вселенскій соборъ, не провозглашая никакихъ новыхъ догматовъ, торжественно утвердилъ вѣроопредѣленіе всѣхъ прежнихъ вселенскихъ соборовъ и повторилъ осужденіе и Несторію и Евтихію.

Самъ императоръ Юстиніанъ изложилъ исповѣданіе Божества и человѣчества Іисуса Христа въ молитвѣ, которая тогда же (536) вошла въ составъ литургіи: *Единородный Сыне и Слове Божій, безсмертенъ сый, и изволивый спасенія нашего ради воплотитися отъ Святыя Богородицы и Приснодѣвы Маріи, непреложно вочеловѣчивыйся, распныйся же Христе Боже, смертію смерть поправый, единъ сый Святыя Троицы, спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси насъ.*

Однако богословскіе споры и затѣмъ не прекратились. Къ прежнимъ предметамъ пререканій присоединились новые — о единствѣ воли, соединенной съ естествомъ въ лицѣ Христа Спасителя.

Въ 648 году императоръ Констансъ II, по внушенію тогдашняго патріарха Ѳеодора, издалъ указъ, извѣстный подъ названіемъ *образцы вѣры* (типосъ), въ которомъ запрещалъ, подъ страхомъ строгихъ взысканій, разсуждать о спорныхъ вопросахъ, повелѣвая держаться во всемъ постановленій пяти вселенскихъ

соборовъ. Не склоняясь ни на сторону *истины,* ни на сторону заблужденій, указъ предписывалъ одно—*молчаніе;* но буря не унялась. Тогда начались гоненія противъ ослушниковъ царскаго указа, причемъ пострадали по ненависти враговъ и прямые защитники православія: таковы были Мартинъ, папа Римскій, и Максимъ исповѣдникъ, святые, чествуемые Церковью.

По смерти Констанса, властію котораго одобрены были всѣ варварства послѣдняго гоненія, сынъ и преемникъ его, Константинъ IV, глубоко скорбя о раздѣленіи въ Церкви, рѣшился созвать въ Константинополѣ *шестой вселенскій соборъ* (680). Въ немъ участвовали 170 отцевъ; послѣ долгихъ преній положено: *признавать въ Іисусѣ Христѣ безъ смѣшенія и раздѣленія двѣ воли, сообразно двумъ естествамъ.* По истеченіи 11-ти лѣтъ соборъ этотъ вновь открылъ засѣданія свои въ царскихъ палатахъ, называемыхъ Трулльскими, для пересмотра нѣкоторыхъ правилъ, касавшихся церковнаго благочинія. Соборъ принялъ за законъ церковный 85 правилъ Апостольскихъ, правила вселенскихъ соборовъ и семи помѣстныхъ. Этотъ соборъ называется Трулльскимъ и тоже *пято-шестымъ,* потому что былъ какъ-бы дополненіемъ пятаго и шестаго.

На шестомъ соборѣ участвовалъ одинъ изъ ревностныхъ защитниковъ истины, св. Андрей Критскій, синкеллъ (домашній секретарь) Іерусалимскаго патріарха. Впослѣдствіи онъ былъ архіепископомъ на островѣ Критѣ, и славился благочестіемъ и усердіемъ къ вѣрѣ. Ему Церковь обязана великимъ *Канономъ покаянія,* который читается въ первые дни Великаго поста и извѣстенъ подъ его именемъ. Ирмосы этого канона составлены позже Іоанномъ Дамаскинымъ.

XVIII.

ОТЦЫ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Св. Амвросій, бл. Августинъ и бл. Іеронимъ.

Св. Амвросій былъ для Запада тѣмъ же, чѣмъ Василій Великій былъ для Востока. Самъ Василій Великій признаетъ въ Амвросіи сродный себѣ характеръ: оба таинственною силою умѣли покорять себѣ волю людей, и оба оставили глубокій слѣдъ въ исторіи Церкви IV вѣка.

Амвросій родился около 340 года. Онъ происходилъ изъ знаменитаго рода; отецъ его былъ Римляниnъ, и, занимая важную должность префекта Галліи, имѣлъ почти верховную власть надъ обширною областью. Ни въ твореніяхъ, ни въ жизнеописаніи Амвросія не видно, чтобы онъ когда-либо гордился своимъ знатнымъ происхожденіемъ и высокимъ положеніемъ его предковъ и всей его семьи, — но несомнѣнно, что среда, въ которой онъ выросъ, наложила на него свой отпечатокъ: онъ привыкъ *повелѣвать,* привыкъ чувствовать себя равнымъ по положенію съ сильными міра сего; онъ ихъ не чуждался, не робѣлъ передъ ними, но, въ сознаніи своего прав-

ственнаго превосходства, обращался со всѣми, какъ *власть имѣющій*. Образованіе онъ получилъ въ Римѣ. Та серьезность и та нравственная чистота, которыя служили основою его характера, удержали его отъ всякаго соприкосновенія съ тою распущенною жизнью столицы, которая погубила столько молодыхъ силъ. По окончаніи своего образованія, Амвросій, благодаря связямъ и своимъ блистательнымъ дарованіямъ, быстро выдвинулся впередъ на служебномъ поприщѣ. Префектъ Италіи Пробъ приблизилъ его къ себѣ и на столько былъ пораженъ его административными способностями, что указалъ на него императору Валентиніану I, для назначенія на важный постъ правителя Лигуріи.

Когда Амвросій отправлялся на мѣсто своего назначенія, Пробъ, прощаясь съ нимъ, сказалъ ему: «иди и управляй не какъ судья, а какъ епископъ». Эти слова были точно предсказаніемъ. Два раза еще, въ жизнеописаніи Амвросія, встрѣчаются сказанія о чудесныхъ знаменіяхъ судьбы его. Первое изъ нихъ, глубоко поэтическое, относится ко времени его младенчества: однажды, когда онъ спалъ въ саду, въ своей колыбели, внезапно прилетѣлъ рой пчелъ и сталъ кружиться надъ нимъ. Кормилица въ испугѣ хотѣла отогнать пчелъ, но отецъ малютки, какъ-бы предчувствуя нѣчто чудесное въ этомъ явленіи, остановилъ ее; рой спустился на колыбель; пчелы садились на лицо малютки, на его глаза, на его губы, вползали ему въ открытый ротикъ и выползали вонъ, но не причиняли ему никакого вреда; затѣмъ онѣ улетали и поднимались все выше и выше къ небу, пока въ синевѣ небесной скрывались совсѣмъ изъ виду.—Не значитъ ли это, помышлялъ съ трепетомъ отецъ, что въ свое время исполнятся надъ

ребенкомъ слова Священнаго Писанія: «сотове медовніи словеса добрыя, сладость же ихъ исцѣляетъ души»; и что подобно тому, какъ пчелы высоко подымались къ небу, его окрыленная мысль, услаждая сердца людей, отъ земнаго будетъ возводить ихъ къ небесному?

Второе сказаніе относится къ 4-му году его управленія Лигуріею. Столицею области былъ Медіоланъ, коего епископская каѳедра считалась независимою отъ Рима, и императоры, предпочтительно передъ Римомъ, имѣли резиденцію въ Миланѣ. Послѣ смерти аріанскаго епископа Авксентія, жители Медіолана ходатайствовали передъ императоромъ о назначеніи ему преемника, но императоръ предоставилъ выборъ епископа самому народу.

Естественно, что и аріане и православные дѣлали всевозможныя усилія, чтобы избрать епископа изъ своей среды. Выборы происходили въ соборной церкви. Начались пренія, возбужденіе росло и уже достигало крайняго предѣла, когда въ церковь явился самъ правитель Лигуріи. Онъ обратился къ возмущенному собранію съ умиротворяющимъ словомъ, но едва закончилъ его, какъ среди глубокой тишины, по всей церкви раздался дѣтскій голосъ, ясно произнесшій: «Амвросій — епископъ»! Этотъ дѣтскій голосъ былъ принятъ всѣми за внушеніе Божественное—мгновенно и аріане и православные въ единодушіи воскликнули: «Амвросій—епископъ! Амвросій—епископъ»! Амвросій стоялъ безмолвно, пораженный изумленіемъ, но крики усилились: вражда партій была забыта, все слилось въ одно желаніе, въ одно чувство любви и уваженія къ человѣку, на котораго именно *этимъ* чудеснымъ избраніемъ указывалъ Самъ Господь. Никогда Амвро-

сію не приходило на мысль быть епископомъ; онъ не только не получалъ богословскаго образованія, но въ эту самую пору состоялъ только въ рядахъ оглашенныхъ и не былъ еще крещенъ. Однако желаніе народа все превозмогло—Амвросій долженъ былъ уступить. Онъ принялъ крещеніе отъ православнаго епископа; затѣмъ, пройдя послѣдовательно черезъ всѣ церковныя должности, былъ поставленъ во епископа черезъ 8 дней послѣ своего крещенія. Обѣ враждующія стороны призвали на это служеніе Амвросія, потому что, чувствуя надъ собою его нравственную силу, крѣпко вѣрили въ него.

По принятіи высокаго епископскаго сана, Амвросій сразу *вошелъ* въ жизнь, дотолѣ ему совершенно чуждую, и строго ежедневно выполнялъ свои новыя епископскія обязанности: утромъ, послѣ домашнихъ молитвъ, онъ совершалъ ежедневно Богослуженіе и св. Евхаристію. Затѣмъ принимался ревностно за изученіе Священнаго Писанія при помощи Греческихъ толкователей и особенно Оригена, «чтобы самому научиться тому, чему онъ долженъ былъ учить другихъ». Двери его были всегда открыты, всякій могъ видѣть его и всякій могъ совѣтоваться съ нимъ. Когда кто-либо приходилъ къ нему съ просьбою о помощи, онъ немедленно оставлялъ чтеніе, все свое вниманіе посвящалъ дѣлу просителя, и затѣмъ снова принимался за чтеніе. Бѣдные въ немъ находили друга, но и знатныхъ и богатыхъ онъ отъ себя не отталкивалъ; въ интересахъ самой Церкви онъ поддерживалъ дружескія отношенія съ важнѣйшими сановниками имперіи. Все свое время, и даже часть ночи онъ проводилъ въ занятіяхъ, приготовляя тѣ поученія, которыя говорилъ народу во всѣ воскрес-

ные и праздничные дни. Народъ любилъ его и въ его душѣ находилъ нѣжную отвѣтную любовь. Но во всемъ величіи своей нравственной силы Амвросій выступаетъ на поприщѣ политической дѣятельности. Государственнымъ дѣятелемъ онъ былъ раньше, нежели сталъ епископомъ, что̀ и дало особый оттѣнокъ его епископской дѣятельности. Онъ повелъ борьбу свою властно и спокойно, взирая на величіе земное съ высоты духовной, на которой утвердилъ свою душу.

Уже въ первые годы епископства онъ показалъ свою безстрашную независимость, когда обратившись съ рѣчью къ самому императору Валентиніану I-му, въ церкви обличалъ предъ нимъ беззаконія его министровъ, злоупотреблявшихъ императорскою властію. Въ царствованіе Валентиніана II-го, онъ является грознымъ сокрушителемъ язычества: язычество коренилось гораздо сильнѣе на Западѣ, нежели на Востокѣ. Самые знатные Римляне еще держались своей старой религіи — не изъ убѣжденія въ ея истинѣ, но изъ гордаго чувства не хотѣли отступить отъ преданія своихъ предковъ. Язычество не служило препятствіемъ для назначенія на самыя высшія должности. Въ самомъ сенатѣ Римская знать раздѣлялась на двѣ партіи, христіанскую и языческую, и между ними шла ожесточенная борьба по поводу жертвенника золотой статуи «Побѣды», который съ незапамятныхъ временъ стоялъ въ сенатѣ, но былъ уничтоженъ еще по повелѣнію императора Константина. Языческая партія всячески ходатайствовала передъ новымъ императоромъ Валентиніаномъ II-мъ о возстановленіи жертвенника. Тогда Амвросій сказалъ свое слово, проникнутое сознаніемъ конечнаго торжества той истины, въ защиту которой онъ грозно возвышалъ свой го-

лось. «Епископъ», писалъ онъ императору, «не может *допустить* рѣшеніе противное Церкви. Если ты уступишь ихъ просьбѣ, то будешь уже этимъ самымъ отлученъ отъ Церкви. Идти въ церковь ты можешь— но тамъ ты не найдешь священника, или найдешь такого, который воспротивится тебѣ!» Императоръ не принялъ ходатайства язычниковъ.

Язычество не было уничтожено, но видимо угасало. Борьба съ язычествомъ не потребовала отъ Амвросія особенныхъ усилій, но противъ аріанскаго двора пришлось ему вести борьбу долгую и многотрудную.

Императрица Іустина была убѣжденная, страстная аріанка. Она окружила себя аріанскимъ духовенствомъ и съ негодованіемъ смотрѣла на постепенное исчезновеніе аріанства въ Италіи подъ вліяніемъ великаго епископа Миланскаго. Въ 385 году, на праздникъ Пасхи, она потребовала отъ епископа, чтобы онъ уступилъ аріанамъ сначала загородную базилику, а затѣмъ и самую большую церковь въ городѣ. Амвросій спокойно, но рѣшительно отказалъ. Два раза посланные отъ императрицы заявляли ему, что онъ не можетъ не уступить императорской власти. Амвросій отвѣчалъ, что онъ готовъ разстаться со всѣмъ, что принадлежитъ ему лично, даже со своею жизнью, но что не въ его волѣ уступить святыню. «Храмъ Бога не можетъ быть оставленъ священникомъ, и императоръ не имѣетъ власти надъ тѣмъ, что̀ принадлежитъ Богу». Населеніе города пришло въ крайнее возбужденіе; народъ схватилъ одного аріанскаго пресвитера на улицѣ и вѣроятно убилъ бы его, если бы самъ Амвросій за него не вступился. Солдаты, посланные занять церковь силою, обнаружили расположеніе перейти на сторону православныхъ:

многіе изъ нихъ прямо заявляли, что пришли въ церковь лишь для того, чтобы присоединиться къ молитвамъ епископа.

Императрица должна была уступить; но Амвросій чувствовалъ, что борьба еще не окончилась. Въ слѣдующемъ же году православный міръ былъ повергнутъ въ ужасъ императорскимъ указомъ, которымъ предоставлялась аріанамъ полная свобода имѣть свое богослуженіе во всѣхъ церквахъ, а за всякое противодѣйствіе угрожалось смертію. Вслѣдъ за этимъ было повторено требованіе о передачѣ Миланской базилики аріанамъ. Безъ страха епископъ вошелъ въ борьбу съ грозною силою императорской безпредѣльной власти: онъ оставался непоколебимъ къ своемъ рѣшеніи, повторяя, что не откажется отъ наслѣдія своихъ отцевъ. Ему велѣно оставить городъ, но онъ твердо отказался оставить свою паству. По просьбѣ народа, опасавшагося за жизнь его, онъ нѣсколько дней и ночей провелъ безвыходно въ церкви среди плачущей и молящейся толпы: ея молитва, какъ говорилъ онъ самъ, была ему защитой. Военная стража, стоявшая вокругъ церкви, позволяла всѣмъ входить въ церковь, но никому не позволяла выходить изъ нея. Наконецъ поняла императрица свое безсиліе. Побѣда епископа была полная.

Въ 390 году произошло знаменитое событіе, съ которымъ навсегда соединены въ исторіи Церкви имена Амвросія и императора Ѳеодосія. Въ Салоникахъ случился народный бунтъ. Ѳеодосій, въ порывѣ необузданнаго гнѣва, который при сильномъ раздраженіи охватывалъ его страстную душу, расположенную къ добру и склонную на состраданіе, приказалъ избить мятежныхъ Солунянъ, не разбирая за-

чинщиковъ и виновныхъ. Епископъ старался преклонить его къ милости, — но придворные совѣтники, склонные льстить всякому движенію царя, отговорили его отъ милости. Чрезъ нѣсколько дней императоръ раскаялся, но указъ былъ уже посланъ. Для того, чтобы заманить народъ, въ циркѣ назначено было большое представленіе; народъ набрался туда тысячами; тогда заперли ворота, и вооруженные воины бросились избивать кого попало. Началось страшное побоище, на которомъ въ теченіе 3 часовъ погибло болѣе 4000 человѣкъ всякаго пола и возраста. Когда вѣсть объ этомъ избіеніи разнеслась по имперіи, всюду раздались вопли негодованія. Православный императоръ уподоблялся Нерону. Всѣ взоры были устремлены на Церковь—на Амвросія. Отъ Церкви ждали обличенія и отмщенія, и Амвросій выступилъ поборникомъ оскорбленнаго человѣчества. Въ Миланѣ ожидалось прибытіе императора. Видѣть императора какъ-бы еще въ самый часъ совершеннаго имъ преступленія было невыносимо тяжело для Амвросія,— оба, люди крѣпкой воли, крѣпкой вѣры, были друзьями, любили и понимали другъ друга. Амвросій удалился изъ Милана, а императору написалъ свое знаменитое письмо, исполненное духа ветхозавѣтнаго пророчества.

«Не смѣю—ни хранить молчаніе, ни относиться снисходительно къ преступленію». писалъ онъ. «Я призываю тебя къ покаянію. Ты человѣкъ, и какъ человѣкъ ты долженъ покаяться, въ слезахъ и уничиженіи пребывая передъ Богомъ своимъ».

«Прошу, убѣждаю, заклинаю—сними этотъ грѣхъ съ своего царства! Помни: никакой ангелъ, никакой архангелъ не можетъ снять его — одинъ Го-

сподь *кающихся* можетъ простить тебя! Я люблю тебя. Я молюсь за тебя, но знай, что въ присутствіи твоемъ я не дерзну приносить безкровную жертву. Если ты вѣришь мнѣ, прими, что̀ я говорю тебѣ; если не вѣришь, прости меня, что предпочитаю Бога тебѣ».

Первая встрѣча Амвросія съ императоромъ была у вратъ Миланскаго собора. Не взирая на письмо епископа, императоръ по установленному обычаю явился во храмъ; Амвросій грознымъ словомъ остановилъ его на самой папертн храма. «Ты согрѣшилъ передъ Господомъ...» сказалъ онъ,—«какими ногами взойдешь ты во дворы Его? Какими глазами будешь смотрѣть на красоту Его? Какъ будешь ты воздѣвать въ молитвѣ руки, обагренныя кровью? Удались! Не прибавляй грѣха ко грѣху...»—«И Давидъ погрѣшилъ», возразилъ императоръ, «однакоже Давидъ былъ прощенъ».—«Ты послѣдовалъ ему въ своемъ грѣхѣ», отвѣчалъ Амвросій, «послѣдуй ему также въ его покаяніи».

Императоръ смирился. Онъ согрѣшилъ передъ цѣлымъ міромъ—его покаяніе было столь же открытымъ, какъ и грѣхъ его: въ продолженіи восьми мѣсяцевъ, повинуясь неуклонной волѣ Амвросія, императоръ не дерзалъ вступать въ церковь Божію; изгнанный изъ нея, онъ чувствовалъ себя какъ-бы изгнаннымъ изъ Царствія Небеснаго. Наконецъ онъ получилъ отъ епископа приказаніе, вмѣстѣ съ другими кающимися, явиться въ храмъ. Императоръ сталъ посреди ихъ и открыто исповѣдывалъ свой грѣхъ, со слезами и рыданіемъ умоляя Господа о прощеніи, повторяя въ сокрушеніи души своей: «о, Боже, оживи меня по слову Твоему!»

Гордый, непобѣдимый властитель вселенной призналъ за служителемъ Божіимъ власть поднять руку

свою для благословенія или проклятія во имя Бога живаго, отъ Котораго никто уклониться не можетъ.

Дружеское чувство между великимъ императоромъ и великимъ святителемъ выразилось въ послѣдній разъ въ прощальномъ словѣ, которое сказалъ Амвросій надъ гробомъ Ѳеодосія, скончавшагося въ 395 году: «Я любилъ его, этого человѣка, милосердаго и смиреннаго, чистаго сердцемъ и кроткаго душею. Я любилъ этого человѣка, который, обличеніе предпочитая лести, съумѣлъ, отложивъ свое царское величіе, всенародно, въ церкви оплакать свой грѣхъ. То, чего устыдился бы частный человѣкъ—всенародное покаяніе—не смутило этого императора... Я любилъ его—признаюсь въ этомъ—и вотъ почему оплакиваю я его изъ глубины моего сердца. Надѣюсь на Господа моего, что пріиметъ Онъ молитву, которою напутствую эту незлобивую душу!»

Въ 397 году, въ великую субботу, мирно и радостно почилъ и самъ «великій священникъ Божій».

Св. Амвросій ввелъ въ Западной Церкви антифонное пѣніе, издавна употреблявшееся на Востокѣ. Онъ ввелъ его во время гоненій отъ Іустины, когда православные въ уныніи наполняли храмъ: тогда для ободренія народа установилось пѣніе псалмовъ и гимновъ антифонно, по клиросамъ. А послѣ совершенной побѣды надъ аріанами Амвросій составилъ благодарственную, торжественную пѣснь *Тебе Бога хвалимъ*—общее и донынѣ наслѣдіе отъ него и Восточной и Западной Церкви. Всему Богослуженію Миланской Церкви онъ придалъ новый видъ, примѣнительно къ Восточному обычаю, и составилъ для нея особый чинъ литургіи.

Блаженный *Августинъ* родился въ 354 году въ Африканскомъ городѣ Тагастѣ. Мать его, Моника, въ ранней молодости была выдана замужъ за язычника, человѣка необузданнаго и глубоко безнравственнаго. Кроткая, любящая, она съумѣла заставить его уважать тѣ святыя правила, которыя руководили ея жизнью, и силою своего примѣра привела его ко Христу. Постоянно стараясь и въ маломъ и въ великомъ умиротворять всякую вражду, всякое раздраженіе, она была тихимъ ангеломъ мира не для одной семьи своей, но и для всей среды, въ которой жила. Дѣтей своихъ она воспитала для Бога; но многихъ страданій и слезъ стоилъ ей старшій изъ нихъ, Августинъ, котораго она, какъ онъ самъ говоритъ, вторично возродила къ жизни молитвою и слезами, когда онъ блуждалъ во мракѣ безвѣрія.

«Съ самаго ранняго дѣтства», пишетъ Августинъ, «слышалъ я о жизни вѣчной, дарованной намъ смиреніемъ Сына Твоего, Господи, Которому угодно было снизойти до насъ. Вскорѣ послѣ моего рожденія мать моя, для которой Ты былъ единственною надеждою, начертала на челѣ моемъ знаменіе креста; дала мнѣ вкусить таинственной соли Твоей». Но за этимъ приготовленіемъ къ святому крещенію не послѣдовало совершеніе самаго таинства, которое въ то время часто отлагалось до совершеннаго возраста. Августинъ убѣдительно просилъ крещенія во время болѣзни, случившейся съ нимъ въ дѣтствѣ, болѣзнь прошла, и крещеніе было отложено.

Родители послали Августина учиться въ городъ Мадавръ; онъ быстро успѣвалъ въ наукахъ, но увлекся примѣромъ товарищей и съ шестнадцатилѣтняго возраста велъ жизнь безпорядочную. Отецъ ра-

довался успѣхамъ его въ краснорѣчіи; но мать глубоко скорбѣла о порокахъ сына. Когда Августинъ на время возвратился изъ училища въ родительскій домъ, она съ грустію почувствовала, что нѣтъ въ немъ ни твердой вѣры, ни твердыхъ нравственныхъ правилъ, что утрачена чистота его сердца. Она со страхомъ отпустила его въ Карѳагенъ, и сама по смерти мужа переселилась туда же, чтобы не разлучаться съ любимымъ сыномъ. Но этотъ любимый сынъ долго былъ для нея только причиною горькихъ слезъ. Онъ велъ грѣшную, развратную жизнь, давалъ полную волю страстямъ своимъ; наконецъ, онъ совершенно отдался лжеученію, и его богохульныя мнѣнія внушали такой ужасъ несчастной его матери, что она запретила ему жить въ ея домѣ. Дни и ночи проводила она въ слезахъ, умоляя Господа Бога возвратить ей сына, котораго она оплакивала, какъ умершаго, ибо жизнь и спасеніе души его были для нея дороже всего. «Но и тогда съ высоты небесъ рука Твоя простиралась ко мнѣ, Господи!» восклицаетъ Августинъ въ Исповѣди своей; «Тебя тронули мольбы и слезы Твоей вѣрной рабы. Она оплакивала меня болѣе, чѣмъ плачетъ мать надъ умершимъ ребенкомъ своимъ, ибо видѣла меня мертвымъ для Тебя. Ты услышалъ ее, Господи! Ты не отринулъ слезъ ея, которыя лились обильнымъ потокомъ всякій разъ, какъ она возносила къ Тебѣ молитву свою. Не Ты ли, Господи, послалъ ей это успокоительное сновидѣніе, послѣ котораго она снова позволила мнѣ жить въ ея домѣ и вкушать пищу за ея столомъ, чего она не допускала съ тѣхъ поръ, какъ я увлекся столь противными ей убѣжденіями!»

Ей снилось однажды, что стоитъ она на длинной узкой полосѣ, какъ всегда, подавленная своею

печалью, и вдругъ видитъ, что приближается къ ней Ангелъ — такой радостный, весь въ сіяніи! Ласково онъ спросилъ у нея, отчего она ежедневно проливаетъ такія слезы?.. «Я плачу по погибающей душѣ своего мальчика», съ тоскою отвѣтила она. Ангелъ свѣтло улыбнулся и сказалъ: «не бойся! Оглянись—тамъ, гдѣ ты стоишь, видишь, стоитъ и онъ!» Она оглянулась въ своемъ сновидѣніи, и, съ трепетною радостію, дѣйствительно увидала, что Августинъ тутъ же возлѣ нея. «Когда мать разсказала мнѣ этотъ сонъ», пишетъ Августинъ, «я старался объяснить его тѣмъ, что она приметъ мои убѣжденія; но она отвѣчала: нѣтъ, этого не можетъ быть; онъ не сказалъ мнѣ, что я стану тамъ, гдѣ ты стоишь, но что ты станешь рядомъ со мною».

Эта радостная надежда еще не скоро сбылась. Цѣлыхъ девять лѣтъ Августинъ блуждалъ во мракѣ порока и лжи. Моника просила одного святаго епископа поговорить съ сыномъ, чтобы обратить его. «Еще не время», отвѣчалъ онъ; «оставь его и молись о немъ». Моника продолжала со слезами умолять епископа. «Успокойся», сказалъ онъ ей; «продолжай только молиться; невозможно, чтобы погибло чадо столькихъ слезъ».

Противъ воли матери Августинъ поѣхалъ въ Римъ, гдѣ сталъ преподавать краснорѣчіе. Вскорѣ онъ занемогъ опасно. Теперь онъ не просилъ крещенія, а напротивъ глумился надъ священнымъ таинствомъ, ибо потерялъ уже всякую вѣру. Но *неиспытани судове Божіи, неизслѣдовани путіе Его!* (Римл. XI, 33). Понадобился въ Миланѣ преподаватель краснорѣчія; обратились къ префекту Римскому Симмаху, и онъ далъ эту должность Августину. Прибывъ въ

Миланъ, Августинъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы услышать проповѣдь великаго Амвросія. «Я приведенъ былъ къ нему», говоритъ онъ, «*невѣдомо* Богомъ, чтобы быть *завѣдомо* приведеннымъ отъ него—къ Богу».

Епископъ принялъ его съ обычною добротою, и Августинъ сразу почувствовалъ надъ собою его покоряющую силу. По цѣлымъ часамъ стоялъ онъ въ переполненной народомъ базиликѣ и съ наслажденіемъ слушалъ его слово: въ началѣ пріятно было ему слушать потому, что рѣчь была краснорѣчива и увлекательна, и что самъ величавый видъ Амвросія неотразимо привлекалъ его къ себѣ; но мало-по-малу началось воздѣйствіе этой крѣпкой души на его душу, и онъ, быть можетъ, еще безсознательно сталъ вѣровать въ *значеніе того,* о чемъ говорилъ Амвросій.

Онъ пожелалъ быть принятымъ въ число оглашенныхъ. Въ тихой радости услышала Моника о желаніи своего сына,—сама же она почти-что жила въ базиликѣ Амвросія—все молилась и ждала.

Въ душѣ Августина совершалась между тѣмъ трудная борьба; христіанское ученіе представлялось ему, какъ единый путь къ свѣту и спасенію, но съ нимъ боролись страсти, привычки грѣшной жизни, которыя жаль было оставить. «Спаси меня, Господи, но еще не теперь», взывалъ онъ иногда изъ глубины души, терзаемой желаніемъ истины и привязанностью къ заблужденіямъ. Изученіе посланій св. Апостола Павла произвело глубокое впечатлѣніе на его душу—расширило его сердце, смирило его гордость. Близка уже была заря его новой жизни.—«Слова Твои, Господи, глубоко проникли въ сердце мое», писалъ онъ; «со всѣхъ сторонъ я былъ какъ-бы осаждаемъ Тобою;

не было уже во мнѣ сомнѣнія на счетъ жизни вѣчной, хотя я видѣлъ ее только какъ-бы сквозь тусклое стекло, гадательно; я уже понималъ, что Ты— единый источникъ всего сущаго; не осталось во мнѣ другого желанія, какъ утвердиться въ Тебѣ... Но въ томъ, что касается до христіанской жизни, я еще колебался; сердце мое не очистилось отъ старой закваски; я радовался, что обрѣлъ Спасителя, что знаю истинный путь, но не рѣшался ступить на этотъ узкій путь».

Однажды къ Августину и къ другу его Алипію пришелъ одинъ соотечественникъ ихъ, Понтиніанъ, христіанинъ. Разговаривая съ ними, онъ случайно взялъ книгу, лежавшую на столѣ, и съ радостнымъ изумленіемъ увидѣлъ, что эта книга—посланія Апостола Павла; эту книгу онъ не ожидалъ найти у Августина. Онъ сталъ говорить о Господѣ, о силѣ вѣры; разсказалъ, какъ въ Египтѣ Антоній, услышавъ Евангельское слово о добровольной нищетѣ, тотчасъ же оставилъ все, чтобы отдать себя Богу; далѣе онъ сталъ говорить о множествѣ людей всѣхъ званій, всѣхъ состояній, которые, побѣжденные любовію ко Христу, оставляютъ міръ и, удаляясь въ пустыни и монастыри, служатъ Господу молитвою, лишеніями и трудами. Августинъ былъ потрясенъ до глубины души; измѣнившійся звукъ голоса, выраженіе лица, все обличало его душевное волненіе. Онъ вышелъ въ садъ; душа его была полна ужаса; такъ онъ ненавидѣлъ себя за нерѣшимость отдаться Тому, къ Кому призывали его всѣ силы его души. «Чтобы идти къ Тебѣ, Господи», писалъ онъ, «не нужно было ни колесницъ, ни кораблей; нужна была только воля; но воля всецѣлая, твердая, не похожая на тѣ болѣзнен-

ные и колеблющіеся порывы, которые въ утомительной борьбѣ то возвышаютъ душу къ небу, то влекутъ ее къ землѣ».

Утомленный и измученный внутреннею борьбою, чувствуя, что въ немъ поднимается страшная буря, которая должна разразиться слезами, онъ палъ на землю и далъ слезамъ полную волю. «Онѣ лились потоками, и Ты, Господи, принялъ ихъ, какъ жертву Тебѣ угодную», говоритъ онъ. «Я взывалъ къ Тебѣ: доколѣ, Господи, доколѣ гнѣвъ Твой на меня? Забудь неправды прежней жизни моей!—Я чувствовалъ, что эти-то неправды гнетутъ меня, и повторялъ мысленно: когда же, Господи? завтра ли? послѣзавтра ли? почему не сейчасъ будетъ конецъ моему поношенію? Пока я это повторялъ, рыдая и проливая горячія слезы, мнѣ вдругъ послышался пѣвучій голосъ, какъбы ребенка, или молодой дѣвушки, повторяющій нѣсколько разъ: возьми, читай! возьми, читай!—Я измѣнился въ лицѣ, и сталъ припоминать, нѣтъ ли какой игры, въ которой дѣти повторяютъ этотъ припѣвъ; но ничего подобнаго я не припомнилъ и пришелъ къ заключенію, что мнѣ повелѣвается открыть Священное Писаніе и прочесть то, что представится моимъ глазамъ. Такъ Антоній, какъ мнѣ разсказывали, услышавъ въ церкви слова: иди, продай имѣніе и раздай нищимъ, и получишь сокровища на небеси,—принялъ ихъ, какъ повелѣніе Божіе. Я всталъ и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ книгу Посланій. Я взялъ ее, открылъ и прочелъ глазами слѣдующія слова: *не предаваясь ни пированьямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти; но облекитесь въ Господа Іисуса Христа, и попеченія о плоти не простирайте до похоти*» (Рим. XIII, 13, 14).

Далѣе онъ не сталъ читать, да и не нужно было: уже свѣтъ озарялъ мракъ его души. Онъ пошелъ къ матери. Взглянувъ на него, Моника поняла все: въ отвѣтъ на ея молитву, Господь даровалъ ей болѣе даже, нежели она дерзала просить—въ радости его тихаго взгляда она чувствовала, что «сладость любви Божіей навсегда вошла въ его сердце».

Августинъ написалъ Амвросію письмо, въ которомъ изложилъ всю исторію своей жизни и просилъ дозволенія готовиться къ принятію святаго крещенія. Въ тишинѣ уединенія, въ горахъ Италіи, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ готовилъ свою душу къ переходу въ обновленную жизнь. «Тѣсенъ домъ души моей, чтобы Тебѣ войти въ него; но да будетъ онъ расширенъ Тобою! Онъ въ развалинахъ, возстанови его. Онъ сильно оскорбитъ Твои очи, я знаю это—но кто очиститъ его и къ кому я воззову кромѣ Тебя: очисти меня, о, Господи, отъ тайныхъ моихъ грѣховъ»!—Наконецъ настало то время, котораго онъ ожидалъ въ трепетномъ восторгѣ: наканунѣ Пасхи 387 года Августинъ принялъ св. крещеніе отъ руки самого Амвросія.

Облеченный въ бѣлыя одежды, онъ воспѣлъ торжественный гимнъ, незадолго предъ тѣмъ сложенный Амвросіемъ,—*Тебе Бога хвалимъ,* который въ то время воспѣвали и крещаемый и совершавшій крещеніе. Чудно-таинственное пѣснопѣніе вызвало въ немъ благодать слезъ, навѣяло на него тихую радость, въ Богѣ успокоилось сердце его. «Ты сотворилъ насъ», писалъ онъ, «для Тебя Самого: потому и мятется наше сердце, пока не обрѣтетъ Тебя»!

Вскорѣ послѣ крещенія, Августинъ съ Моникою

рѣшили возвратиться на свою родину. Передъ отплытіемъ въ Африку, они провели нѣсколько дней въ Остіи на берегу Средиземнаго моря.

Августинъ, подобно Василію Великому, любилъ природу и находилъ глубокое наслажденіе въ общеніи съ ея красотами: видъ моря всегда приводилъ его въ особенный восторгъ, но никогда еще онъ не смотрѣлъ на мерцающія его волны съ такимъ глубокимъ чувствомъ, какъ въ тотъ достопамятный вечеръ: и ему, и матери его думалось, что это послѣдній вечеръ пребыванія ихъ въ Остіи. Трогательно оставленное Августиномъ описаніе этой бесѣды. Они сидѣли вдвоемъ у окна: надъ ними—темная бездна безоблачнаго, звѣзднаго неба; передъ ними—сверкающая бездна безпредѣльнаго моря, а вокругъ—тишина таинственной ночи. Все ея величіе отразилось въ душѣ у нихъ обоихъ неудержимымъ стремленіемъ къ горнему, небесному. Тихо лилась ихъ рѣчь, далеко отступало все земное, близкимъ становилось одно невидимое, и неземная радость, касаясь ихъ, была какъ-бы предчувствіемъ того блаженнаго часа, въ который раздается призывный гласъ: *внидите въ радость Господа своего!* «Сынъ мой»! сказала Моника, готовясь разстаться съ нимъ: «я жить хотѣла, чтобы вымолить тебѣ истинную радость,—мой Богъ даровалъ мнѣ болѣе, нежели я просила у Него: я вижу тебя Его служителемъ и знаю, *гдѣ* сокровище твое; теперь я могу умереть радостно». На другой день предположенный отъѣздъ пришлось отложить: Моника занемогла, и черезъ нѣсколько дней ея уже не стало. Она совершила дѣло свое и показала христіанскимъ матерямъ, какъ сильны молитвы и слезы матери, какъ много можетъ слабая женщина, одушевленная вѣрою и любовію!

Августинъ сознавалъ, что грѣшно проливать слезы по этой чистой, блаженной душѣ, *отошедшей въ жизнь;* но при мысли, что *возлѣ него* нѣтъ больше той прекрасной жизни, которая съ его младенчества охраняла его—онъ не могъ удержать своего плача.

Возвратившись на родину, Августинъ продалъ имѣніе свое и роздалъ деньги бѣднымъ, а самъ сталъ инокомъ и провелъ три года въ совершенномъ уединеніи и въ строгихъ подвигахъ.

Въ 395 году онъ былъ избранъ во епископа Иппонскаго. Отъ Амвросія принялъ онъ высокое понятіе объ епископскомъ санѣ и объ епископской власти, но вслѣдствіе мягкости своего характера и нѣжности душевной, не могъ осуществить той власти, которую цѣнилъ такъ высоко въ учителѣ своемъ Амвросіи. Августинъ желалъ быть учителемъ бѣдныхъ. Въ епископскомъ санѣ не измѣнилъ онъ обычной простоты своей ни въ образѣ жизни, ни въ обращеніи съ людьми. Тридцать пять лѣтъ онъ епископствовалъ, и во все это время проповѣдь его была усладою тѣхъ бѣдныхъ, простыхъ жителей Иппонскаго края, къ которымъ была обращена исключительно. Въ этой проповѣди не было ни высокаго краснорѣчія, ни глубокихъ богословскихъ разсужденій, но было нѣчто глубоко трогавшее сердца людей, *была любовь*—и горячее желаніе наставлять свою паству на добрую христіанскую жизнь. Сердце у него было пламенное, и глубокая вѣра проникала всю жизнь его. Отъ того и слово его озарило и укрѣпило въ любви христіанской многихъ, и творенія его драгоцѣнны для всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, хотя не всѣ богословскія его мнѣнія одобряются Церковью.

Посвящая всего себя служенію Церкви и поученію своей паствы, Августинъ въ то же время неутомимо трудился надъ опроверженіемъ еретическихъ ученій, распространившихся въ эту пору на Западѣ. Послѣ него осталось великое множество твореній богословскаго и философскаго содержанія. Но самыя знаменитыя изъ его твореній, имѣющія всемірную извѣстность, это во 1-хъ, его *Исповѣдь,* въ которой онъ излагаетъ всю внутреннюю исторію своей жизни, раннія свои заблужденія и свое обращеніе; во 2-хъ, книга *О градѣ Божіемъ:* здѣсь Августинъ, потрясенный страшнымъ разгромомъ Рима, описываетъ судьбы Божіи въ исторіи великой имперіи и всей вселенной.

Послѣдніе годы жизни Августина были тяжкимъ для него испытаніемъ. Ему довелось быть свидѣтелемъ паденія Рима, разграбленнаго Аларихомъ, и, подъ конецъ, свидѣтелемъ разгрома и опустошенія Вандалами цвѣтущей Африканской Церкви и собственной его Иппонской епархіи. Среди ужасовъ этого времени онъ скончался въ 430 году.

Іеронимъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ отцевъ Западной Церкви, родомъ (род. 340 г.) изъ Стридона, на границахъ Паннонія и Далмаціи, прославился и своею аскетическою жизнью, и борьбою съ еретическими ученіями, и въ особенности своими писаніями, которыя составляютъ драгоцѣнное достояніе Церкви. Пылкій отъ природы, съ живымъ воображеніемъ, онъ увлекался въ юности своей искушеніями роскошной жизни Рима, — но вскорѣ же преодолѣлъ себя и предался ученымъ трудамъ и уединенной молитвѣ. Проведя нѣсколько лѣтъ въ суровомъ пустынножительствѣ,

онъ испыталъ тяжкую борьбу со страстями, прежде чѣмъ успѣлъ достигнуть желаннаго мира. Затѣмъ въ Римѣ онъ явился суровымъ обличителемъ распущенныхъ нравовъ тамошняго духовенства и, собравъ около себя дружину благородныхъ женъ и дѣвицъ, одушевленныхъ желаніемъ исправить нравы Римскаго общества и стремленіемъ къ аскетической жизни, вступилъ въ борьбу съ укоренившимися въ Римѣ злыми обычаями. Это возбудило противъ него злобу всѣхъ, кого не щадилъ онъ въ своихъ бесѣдахъ и посланіяхъ, такъ-что онъ принужденъ былъ оставить Римъ и отправиться въ Палестину, гдѣ обошелъ всѣ святыя мѣста, и наконецъ избралъ себѣ мѣсто пустынножительства возлѣ Виѳлеемской пещеры. Здѣсь, вскорѣ послѣ паденія Рима, поразившаго весь христіанскій міръ крайнимъ уныніемъ, скончался Іеронимъ (387 г.). И въ Римѣ и въ Палестинѣ написаны были имъ знаменитыя творенія, составляющія въ совокупности цѣлую библіотеку. Обширная его переписка дошла до насъ и представляетъ живую картину христіанскаго общества и нравовъ того времени. Но всего драгоцѣннѣе труды его по переводу и истолкованію Священнаго Писанія. Глубокое знаніе и Греческаго и Еврейскаго языка дало ему возможность изслѣдовать и провѣрить съ подлинниками списки священныхъ книгъ и Ветхаго и Новаго Завѣта, и приготовить Латинскій переводъ всей Библіи, который послужилъ основаніемъ текста, принятаго Западною Церковію и донынѣ въ ней употребляемаго.

XIX.

МАГОМЕТАНСТВО.

Аравитяне или Сарацины, считавшіеся потомками Сима и Измаила, издревле разселенные по Аравійскому полуострову Азіи, отличались своимъ патріархальнымъ бытомъ и независимостью, которую успѣли сохранить въ теченіе многихъ вѣковъ, подъ властію родовыхъ старшинъ своихъ, эмировъ и шейховъ. Первоначальная религія ихъ, состоявшая въ поклоненіи солнцу, лунѣ и звѣздамъ, выродилась съ теченіемъ времени въ грубое идолопоклонство, причемъ каждый родъ имѣлъ и чествовалъ собственныхъ боговъ своихъ; однако отъ временъ древнихъ таилось между ними сродное съ Еврейскимъ преданіе о единомъ Богѣ, коему имя было *Алла*.—Этихъ дикихъ и воинственныхъ сыновъ пустыни, разрозненныхъ разнообразными языческими суевѣріями, Аравитянинъ Магометъ предпринялъ и успѣлъ объединить въ новой, основанной имъ религіи.

Магометъ родился въ 570 г. въ Меккѣ, гдѣ находилось главное идольское святилище Аравитянъ.

Отецъ его былъ идолопоклонникъ, мать — іудеянка, одинъ изъ близкихъ родственниковъ — христіанинъ. Отъ природы задумчивый и мечтательный, Магометъ молодость свою провелъ въ торговыхъ путешествіяхъ, имѣлъ случай многое видѣть и наблюдать. Церковныя смуты на Востокѣ породили не мало еретиковъ и фанатическихъ сектантовъ, странствовавшихъ далеко и разносившихъ всюду толки о вѣрѣ и разсказы о священныхъ событіяхъ. Списки Священнаго Писанія были рѣдки, но вмѣсто нихъ въ народѣ обращались баснословныя сказанія о Христѣ Спасителѣ. Изъ этихъ источниковъ Магометъ по всей вѣроятности почерпнулъ свои понятія о христіанствѣ. Женившись на богатой вдовѣ, Магометъ получилъ возможность не работать, а на досугѣ предаваться своимъ мечтамъ. Достигнувъ сорокалѣтняго возраста, онъ совсѣмъ бросилъ торговлю, провелъ нѣсколько времени въ уединенной пещерѣ и явился оттуда въ Мекку, объявивъ себя пророкомъ, получившимъ чрезъ Архангела Гавріила небесное откровеніе: повелѣніе уничтожить язычество и возстановить правую вѣру—вѣру Ноя, Авраама и другихъ пророковъ, искаженную будто бы Іудеями и христіанами. Іисуса Христа онъ почиталъ за великаго пророка. «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его!» Въ этомъ обычномъ воззваніи магометанъ выражается сущность ученія Магомета; онъ излагалъ его въ краткихъ изреченіяхъ, которыя, будучи впослѣдствіи собраны, составили книгу Алкоранъ. Онъ сохранилъ много Іудейскихъ обычаевъ и предписывалъ нѣкоторыя правила христіанской нравственности: милостыню, посты, частую молитву; дозволялъ многоженство, обѣщалъ правовѣрнымъ рай и вѣчныя наслажденія и, какъ

къ дѣлу святому, призывалъ ихъ къ распространенію Ислама и искорененію враговъ Божіихъ, то есть христіанъ и идолопоклонниковъ,—во всей вселенной, которую, по слову его, призваны были завоевать для новой вѣры Аравитяне.

Природное краснорѣчіе Магомета, поэтическій даръ слова, выразившійся въ его Коранѣ, волшебныя сказки, которыя онъ умѣлъ передавать какъ сущую быль, нѣкоторыя его личныя качества, наконецъ благопріятныя условія именно того времени: волненіе среди христіанъ вслѣдствіе ересей, религіозная вражда, раздѣлявшая Арабовъ язычниковъ,—все это способствовало тому, что лжеученіе Магомета быстро распространялось, и число его послѣдователей съ каждымъ днемъ умножалось при содѣйствіи учениковъ, которыхъ онъ собралъ около себя. Магометъ умѣлъ внушить народу безграничное довѣріе и горячую привязанность къ себѣ; умѣлъ направить воинственный пылъ Аравитянъ къ дѣлу, которое представлялъ дѣломъ священнымъ; училъ ихъ презирать опасность и смерть, представляя имъ, что опредѣленной каждому судьбы миновать нельзя. Вскорѣ онъ завладѣлъ Меккою, а потомъ и вся Аравія признала его ученіе и власть. Въ лицѣ своемъ онъ соединялъ власть и духовную и гражданскую.

Утвердившись въ силѣ, Магометъ отправилъ пословъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ—въ Абиссинію, въ Египетъ, въ Персію, въ Константинополь, съ приглашеніемъ покориться Исламу. Когда императоръ Ираклій отвергъ это предложеніе, Магометъ съ значительными силами собрался идти на него войною—но вскорѣ (въ 632 году) скончался, и войну продолжалъ преемникъ его Абубекръ, первый *калифъ* или намѣст-

никъ Пророка. Успѣхи Абубекра и наслѣдника его *Омара* были такъ быстры, что чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Сиріи, Египтѣ, Палестинѣ распространилось ученіе Магомета, и всѣ эти страны признали власть калифа. Въ 637-мъ году Омаръ осадилъ Іерусалимъ; жители защищались два мѣсяца съ отчаяннымъ мужествомъ, но принуждены были сдаться. Патріархъ Софроній велъ переговоры и сдалъ городъ Омару подъ условіемъ, чтобы были сохранены въ цѣлости гробъ Господенъ и христіанскіе храмы. Это условіе было соблюдено; на мѣстѣ же, гдѣ стоялъ храмъ Соломона, Омаръ заложилъ *мечеть:* такъ называется молитвенный домъ магометанъ.

Въ продолженіе седьмаго вѣка калифы завоевали Персію, Арменію, Каппадокію и часть Африки, но потерпѣли неудачу, осаждая Константинополь, и принуждены были платить дань Византійской имперіи. Считая святою обязанностію своею распространеніе Ислама, калифы, послѣ побѣды, всегда требовали отъ побѣжденныхъ признанія Магомета пророкомъ; налагали на нихъ дань, отъ которой освобождались лишь тѣ, которые соглашались принять Исламъ; часто подвергали христіанъ преслѣдованіямъ и тяжкимъ истязаніямъ, ругались надъ вѣрою ихъ, упрекали ихъ въ многобожіи и идолопоклонствѣ, указывая, что они поклоняются Святой Троицѣ и чествуютъ иконы. Во многихъ странахъ христіанство очень оскудѣло, а съ этимъ вмѣстѣ падало и просвѣщеніе: разрушались школы и библіотеки. Овладѣвъ Александріею, калифъ Омаръ (638 г.) велѣлъ сжечь тамошнюю библіотеку, самую значительную въ мірѣ, наполненную сокровищами знанія и литературы, собранными Птоломеями. «Если эти книги содержатъ то̀ же, что̀ Коранъ, то онѣ

не нужны», говорилъ онъ; «если же другое, то онѣ вредны». Такъ погибли невозвратно драгоцѣнныя рукописи Александрійской библіотеки, основанной почти за триста лѣтъ до Рождества Христова.

Преслѣдуя христіанъ, побѣдители оказывали покровительство различнымъ сектамъ—несторіанамъ и другимъ, въ Египтѣ, Сиріи и Месопотаміи. Это покровительство не относилось къ вѣрѣ ихъ; но сектанты, ненавидѣвшіе православныхъ, оказывались полезными союзниками и вѣрными подданными магометанъ.

Такъ суждено было, по волѣ Божіей, разориться и подпасть подъ невѣрную власть—многимъ Церквамъ православнымъ, нѣкогда процвѣтавшимъ и славнымъ. Благочестивые современники признавали это бѣдствіе карою Божіею христіанамъ за ихъ взаимныя распри, за оскудѣніе любви и вѣры и упадокъ добрыхъ нравовъ.

XX.

ИКОНОБОРСТВО. VII ВСЕЛЕНСКІЙ СОБОРЪ.

Іоаннъ Дамаскинъ.

Едва начала Церковь православная на Востокѣ успокоиваться отъ возмущавшихъ ее ересей, какъ поднялась въ ней новая жестокая смута, отъ насилія надъ древнимъ благочестивымъ ея обычаемъ — молиться, взирая на иконы Спасителя, Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ.

Этотъ обычай, издревле вошедшій въ употребленіе и служившій къ великому утѣшенію вѣрующихъ, подавалъ иногда поводъ къ злоупотребленіямъ. Люди, недавно бывшіе еще язычниками, не отвыкшіе отъ вѣковыхъ преданій идолопоклонства, впадали въ суевѣріе и склонны были соединять со св. иконами понятія, свойственныя язычеству, то есть, поклоняясь иконамъ, чествовали неразумно не священное лицо, къ коему отъ образа возводится молитвенная мысль, но самый образъ дѣлали предметомъ обожанія. Противъ этого грубаго суевѣрія всегда возставала Церковь, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно сохраняла древ-

ній обычай. Еще въ IV вѣкѣ св. Григорій Богословъ, разсуждая объ этомъ обычаѣ, совѣтуетъ хранить его и не отмѣнять изъ-за случайнаго суевѣрія, напоминая ученымъ и знатнымъ людямъ, что для множества неученыхъ, неграмотныхъ и простыхъ священныя изображенія служатъ вмѣсто книгъ, возбуждая чувство вѣры и поучая въ вѣрѣ.

Въ VIII-мъ вѣкѣ, отъ людей ученыхъ поднялись ожесточенныя нападки на этотъ древній обычай съ требованіемъ отмѣны его: безъ сомнѣнія, при частыхъ тогда сношеніяхъ съ магометанскимъ міромъ, дѣйствовали на нихъ и мусульманскія понятія, такъ-какъ Исламъ отвергаетъ рѣшительно всякія священныя изображенія. Къ этой партіи иконоборцевъ присоединился страстно—тогдашній императоръ Левъ Исавряниnъ, славный своими успѣхами въ войнѣ съ мусульманами; онъ мечталъ, что, уничтоживъ почитаніе иконъ, онъ привлечетъ къ христіанству и мусульманъ и Іудеевъ.

Царь заявилъ о своей волѣ народу, но настроеніе народа было мрачное—чувствовалось глубокое неудовольствіе. Тогда онъ обратился къ патріарху. Патріархомъ Константинопольскимъ былъ въ то время Германъ, мужъ твердой вѣры и святой жизни. Онъ объявилъ царю, что не отступится отъ святыхъ иконъ и готовъ пострадать за нихъ съ народомъ, а къ епископамъ написалъ посланія, убѣждая ихъ не измѣнять Церкви и разъясняя имъ истинное значеніе иконопочитанія. Царь, видя, что ни угрозою, ни лестью нельзя уговорить святителя, рѣшился обойтись безъ согласія Церкви, и издалъ (въ 728 году) указъ, воспрещавшій поставленіе иконъ не только въ церквахъ, но и въ домахъ частныхъ. Тогда патріархъ сложилъ съ себя

санъ свой и удалился въ изгнаніе. На мѣсто его былъ назначенъ Анастасій, который во всемъ подчинился приказаніямъ императора.

Въ исполненіе царскаго указа велѣно было выносить отовсюду иконы и жечь ихъ на площади. Начали съ иконы Христа Спасителя, поставленной еще Константиномъ надъ вратами царскаго двора. Но когда конюхъ, взобравшись на верхъ по лѣстницѣ, сталъ разбивать ломомъ ликъ Христовъ, народъ возмутился и, отнявъ лѣстницу, избилъ конюха до смерти. Вспыхнулъ мятежъ, начались жестокія казни мятежникамъ и ослушникамъ. Въ ожесточеніи своемъ царь велѣлъ разрушать училища, въ которыхъ наставники не принимали его мнѣнія объ иконахъ; сжегъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ огромною библіотекою, и двѣнадцать человѣкъ библіотекарей, за то, что одинъ изъ нихъ указалъ въ рукописяхъ мнѣнія, противныя иконоборству. Разрушались монастыри и пустынныя келліи, иконы предавались поруганію; преслѣдовались иконописцы. Тогда многіе, гонимые на Востокѣ, нашли убѣжище въ Италіи, гдѣ ввели начало живописи; множество православныхъ искали спасенія въ бѣгствѣ, но не всегда могли укрыться отъ ярости гонителей, которые преслѣдовали ихъ и въ чужихъ странахъ; темницы были полны узниковъ: православные громогласно заявляли, что хотятъ лучше перенесть всякаго рода мученія, нежели не почитать Господа и святыхъ Его въ ихъ изображеніяхъ. Народъ показывалъ презрѣніе къ тѣмъ изъ епископовъ, которые изъ угодливости къ царю принимали иконоборство, а страдальцевъ за иконы—чествовалъ какъ святыхъ мучениковъ.

Императоръ усиливался склонить на свою сторону Римскую Церковь, но папа Григорій II, а также пре-

емникъ его папа Григорій III, въ своихъ письмахъ къ нему, обличали безуміе иконоборской ереси и даже грозили, что, если онъ будетъ настаивать на уничтоженіи иконопочитанія, Римъ отойдетъ изъ-подъ его власти. Эта твердость Римскихъ первосвященниковъ въ смутное для Церкви время не мало послужила къ возвеличенію папства на Западѣ.

На Востокѣ сильнѣйшимъ обличителемъ иконоборства является Іоаннъ Дамаскинъ, славный и въ христіанскомъ и въ мусульманскомъ мірѣ. Арабъ-христіанинъ, онъ снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе и занималъ важную должность перваго министра и калифа Дамасскаго. Его занятія по дѣламъ управленія не препятствовали ему предаваться изученію богословскихъ и философскихъ наукъ, такъ что, когда вспыхнула новая ересь, онъ не только какъ вѣрующій, но какъ богословъ и ученый выступилъ противъ нея. Живя въ странѣ, подвластной мусульманамъ, Іоаннъ могъ безпрепятственно вести борьбу съ императоромъ—и въ защиту святыхъ иконъ написалъ *три посланія,* которыя признаются православною Церковью исповѣданіемъ истинной вѣры. Въ первомъ посланіи онъ смѣло обращается къ самому императору съ слѣдующими словами: «Государь! мы будемъ тебѣ повиноваться во всѣхъ случаяхъ, касающихся дѣлъ житейскихъ; но въ убѣжденіяхъ религіозныхъ и отвѣтственности за нихъ въ будущей жизни мы будемъ слушать Апостоловъ и учителей Христовой Церкви. Не станемъ мы потрясать въ основаніи древніе столпы, поставленные святыми отцами, но послѣдуемъ въ точности полученнымъ отъ нихъ преданіямъ. Что касается до меня, то не могу я повиноваться властелину, похищающему насиліемъ священную власть у Церкви...» Затѣмъ

слово его обращено къ вѣрующимъ, для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. «Братія», говоритъ онъ, «будемъ стоять на камнѣ вѣры и преданій Церкви, не переходя предѣловъ, положенныхъ святыми отцами, не попуская нововведеній и не позволяя разорять зданіе Святой Соборной и Апостольской Церкви Бога Спаса нашего. Ибо, если и всякому, кто захочетъ, дозволено будетъ отваживаться на все, то мало-по-малу все тѣло Церкви разрушится. Будемъ поклоняться и служить Единому Творцу, какъ по естеству Своему Единому, достойно поклаияемому Богу; будемъ поклоняться Пресвятой Богородицѣ не какъ Богу, но какъ истинной Матери Божіей по плоти; будемъ поклоняться и святымъ угодникамъ Его, какъ избраннымъ служителямъ Божіимъ, имѣющимъ дерзновеніе къ Богу. Братія! Христіанинъ познается отъ вѣры: кто съ вѣрою приходитъ, тотъ получаетъ великую пользу, а сомнѣвающійся ничего не получитъ, ибо всѣ святые вѣрою угодили».

Посланія эти переходили изъ рукъ въ руки, служа источникомъ утѣшенія для страдавшихъ за свою святыню, производили глубокое впечатлѣніе въ Константинополѣ и на всемъ Востокѣ. Власть царя была безсильна противъ грознаго обличительнаго слова, которое раздавалось изъ-за предѣловъ его владѣній, и онъ, пылая злобою, рѣшился прибѣгнуть къ клеветѣ, чтобы погубить Іоанна. Онъ составилъ отъ имени его подложное письмо, въ которомъ Іоаннъ будто бы предлагалъ предать царю Дамаскъ. Калифъ повѣрилъ клеветѣ и прогнѣвался на Іоанна. Житіе святаго повѣствуетъ, что калифъ велѣлъ отрубить у него правую руку, но чудесною помощію Пресвятой Богородицы отсѣченная рука срослась съ составомъ; невин-

ность Іоанна обнаружилась, и калифъ возвратилъ ему прежнее безграничное свое довѣріе.

По кончинѣ святаго Іоанна иконоборство, еще усилившись, охватило всю Восточную Церковь. Въ 741 году умеръ Левъ, оставивъ царство сыну своему Константину Копрониму, еще болѣе лютому иконоборцу, человѣку злобному, жестокому, лукавому и развратному, отъ котораго страдала Церковь цѣлые тридцать четыре года. Онъ собралъ въ 753 году лживый соборъ изъ 330 епископовъ иконоборцевъ, на осужденіе иконъ и всѣхъ чествующихъ иконы. Тогда началось самое лютое и безпощадное гоненіе и умножилось число мучениковъ за святыя иконы.—Сынъ Константина, Левъ, былъ тоже иконоборецъ, но по смерти его, вдова его, благочестивая царица *Ирина,* почитательница иконъ, прекратила гоненіе.—На Константинопольскую каѳедру избранъ новый, правовѣрующій патріархъ *Тарасій,* и по внушенію его положено—для умиротворенія Церкви собрать *вселенскій соборъ.* Но его оказалось невозможно собрать въ Константинополѣ, посреди войска, зараженнаго упорнымъ иконоборствомъ, и такъ онъ собрался въ 788 году въ Никеѣ, подъ предсѣдательствомъ Тарасія и при участіи 367-ми епископовъ, между которыми были и представители Римской Церкви. Это былъ *седьмой* изъ вселенскихъ соборовъ, на коихъ зиждется вѣроисповѣданіе святой православной Церкви.

Соборъ, на основаніи Священнаго Писанія и свидѣтельствъ изъ писаній святыхъ отцевъ, утвердилъ иконопочитаніе, выразивъ, что слѣдуетъ *чествовать святыя иконы и онымъ кланяться не какъ Богу, а какъ Его и святыхъ Его воспоминательному начертанію.* Соборъ опровергъ всѣ пункты иконоборческой ереси.

Определенія собора были сообщены всѣмъ Церквамъ. Римская Церковь приняла ихъ вполнѣ.

Но этимъ соборомъ еще не закончилась иконоборческая смута. Иринѣ довелось царствовать недолго. Смѣнившій ее императоръ и его преемники были нетверды въ правой вѣрѣ, а съ 813 года при Львѣ Армянинѣ, и потомъ при Михаилѣ и Ѳеофилѣ возобновились гоненія на иконы и на всѣхъ поборниковъ иконопочитанія, съ лютостью, напоминавшею времена Копронима. Возобновилась борьба, въ коей прославились новые мученики за Церковь и ревнители закона: въ числѣ послѣднихъ Церковь прославляетъ въ особенности святаго Ѳеодора Студита. Наконецъ въ 842 году вступила во власть правовѣрная царица Ѳеодора. Собранный по ея велѣнію помѣстный соборъ снова и окончательно осудилъ иконоборческую ересь и установилъ *торжество православія*, совершаемое донынѣ въ православной Церкви въ первый воскресный день Великаго поста.

Такъ окончилось безумное иконоборство, которое въ теченіе цѣлаго вѣка терзало Церковь, жестоко нарушало свободу совѣсти, въ порывахъ дикаго невѣжества разрушало монастыри, сожигало драгоцѣнныя рукописи, истребляло памятники искусства и вносило раздраженіе и разладъ въ жизнь человѣка.

Но не могла грубая сила принудить вѣрующій народъ отречься отъ того, что̀ освятило святое преданіе, что̀ стало завѣтно дорого: именно въ эти тяжкія времена въ честь поруганныхъ святыхъ иконъ слагались тѣ церковныя пѣснопѣнія, которыя понынѣ поются въ церкви, составляя красоту и поэзію нашего Богослуженія.

Самымъ вдохновеннымъ пѣснопѣвцемъ этого времени былъ великій обличитель иконоборства *св. Іоаннъ*

Дамаскинъ. Сказаніе о томъ, какъ онъ свѣтлую радость своей жизни принесъ въ жертву Господу, и какъ потомъ вновь воспринялъ её по заступничеству Пречистой Дѣвы —доводитъ душу до неизъяснимаго умиленія...

Презрѣвъ величіе и почести, Іоаннъ, какъ о немъ повѣствуетъ сказаніе, покинулъ пышный дворъ Дамасскаго калифа. Среди блеска и шума свѣтской жизни душа его томилась... ей нуженъ былъ просторъ, общеніе съ міромъ невидимымъ. Все свое великое богатство онъ роздалъ неимущимъ и одинъ, съ посохомъ въ рукахъ, направилъ путь свой къ обители св. Саввы. Давно уже онъ взиралъ на эту святую обитель, какъ на желанное пристанище, на безбурное жилище, въ которомъ чаялъ найти то, чего искала душа его. Путь его былъ трудный, шелъ онъ одинокій и нищій, но на душу его сходила благодать въ чувствѣ безконечной любви ко всему Божіему міру, въ ней всё возрастала сила вдохновенія — и одна за другой, въ чудныхъ звукахъ, лились восторженныя хвалебныя пѣсни.

Когда онъ достигъ святой обители, игуменъ и братія, которые уже не мало слышали о великомъ защитникѣ православія, дивясь его смиренію, съ восторгомъ приняли его; но никто изъ иноковъ не дерзалъ взять его, какъ требовалъ уставъ, подъ свое духовное руководство. Наконецъ одинъ старецъ, извѣстный своею строгою жизнью, изъявилъ желаніе принять его своимъ ученикомъ. Когда же обрадованный Іоаннъ подошелъ къ нему, чтобы отъ него принять благословеніе, старецъ, остановивъ на немъ пытливый взоръ, промолвилъ: «отнынѣ *наложи печать молчанія на свои уста*... таково первое мое тебѣ *послушаніе*».

Какъ громомъ поразило Іоанна это слово, которое сразу отнимало у него всю красоту, всю радость, весь свѣтъ его жизни. Отъ богатства, отъ почестей онъ отказался безъ сожалѣнія, трудовъ и лишеній онъ не боялся, давно душа его относилась безучастно ко всему земному и жила лишь восторгами святаго вдохновенія. Тутъ Іоаннъ понялъ, *гдѣ* для него скрывалось *настоящее отреченіе,* и безропотно, смиренно отдалъ Богу чудный даръ свой—*пѣснь свою.* Разомъ, въ немъ и вокругъ него, всё точно погрузилось во тьму; дни за днями тянулись въ томительномъ однообразіи; съ ужасомъ онъ прислушивался къ тишинѣ: ему все казалось, что замолкшіе звуки снова пробуждаются въ душѣ его,—и онъ со страхомъ слѣдилъ за собою... Но его крѣпкую волю сломило чувство жалости къ чужому горю: однажды пришелъ къ нему юный инокъ, безутѣшно плача о смерти своего брата, и умолялъ его со слезами—уврачевать его страждущую душу надгробною, умильною пѣснью. Противъ слезъ его Іоаннъ не устоялъ — и изъ души его полились дивные звуки, сложилась чудная надгробная пѣснь. «Кая житейская сладость печали не причастна?» —пѣснь эта и нынѣ вноситъ въ скорбныя души ту усладу и успокоеніе, которыя принесла въ ту пору бѣдному, одинокому иноку.

Гнѣвъ старца за нарушеніе возложеннаго имъ послушанія былъ великъ: онъ изгналъ Іоанна изъ обители; однако, внявъ просьбамъ всей братіи, согласился оставить его, но съ тѣмъ, чтобы въ знакъ своего раскаянія онъ очистилъ своими руками всѣ нечистоты монастыря. Іоаннъ съ глубокимъ смиреніемъ принялся за исполненіе этого новаго послушанія; онъ чувствовалъ себя виновнымъ, соразмѣряя степень своей вины съ

тою всеобъемлющею радостью, которая исполнила его душу, когда онъ снова *услышалъ пѣснь свою!*

Въ ту же ночь, гласитъ преданіе, Владычица міра, Пречистая Дѣва, явилась старцу въ сонномъ видѣніи и, взирая на него, съ тихимъ укоромъ сказала ему: «зачѣмъ ты заградилъ источникъ воды живой, той воды, которую возжаждалъ пить Давидъ, которую обѣщалъ Христосъ Самарянкѣ? Оставь Іоанну пѣснь его, да разольется она широко по всей вселенной, претворяя печаль въ сладость, возвѣщая пророческимъ гласомъ радость Воскресенія Христова!»

Поутру проснулся старецъ и тотчасъ послалъ за Іоанномъ. Повѣдавъ ему свое видѣніе, онъ сказалъ ему: «прости мое невѣдѣніе, ты—сынъ послушанія Христова, возвѣщай отнынѣ своими устами то̀, что̀ отъ Бога приняло твое сердце!» И съ той поры потекли сладкими струями дивныя пѣснопѣнія Іоанна, и исполнилось слово Пречистой Дѣвы: многимъ претворяютъ они печаль въ сладость, а въ пасхальную таинственную ночь ими чудно выражается въ нашей церковной службѣ торжество неба и земли, соединенныхъ въ одной *совершенной* радости—въ радости общаго Воскресенія!

Кромѣ службы пасхальной Іоаннъ составилъ множество кондаковъ и ирмосовъ на великіе праздники Господни. По особой благодати, онъ украсилъ наше Богослуженіе величественными «*догматиками*», которые въ таинственно-поэтическихъ образахъ проповѣдуютъ *догматы* — о Св. Троицѣ, о двухъ естествахъ Христовыхъ, о почитаніи Пресвятой Богородицы, и являютъ собою какъ-бы опроверженіе всѣхъ ересей, которыя волновали Церковь.

Стройное, мелодичное церковное пѣніе уже ранѣе вошло въ употребленіе, но *окончательное опредѣленіе*

церковныхъ напѣвовъ принадлежитъ Іоанну: онъ установилъ *8 гармоній* или *голосовъ,* на которые положилъ составленныя имъ же воскресныя службы, и такимъ образомъ составился *Октоихъ,* который служитъ основою всей нашей церковной музыки.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ первый составилъ основное руководство къ Богословію: въ своихъ писаніяхъ онъ является великимъ учителемъ и Востока и Запада. Онъ написалъ *исторію* всѣхъ ересей, возникшихъ въ Церкви начиная съ перваго вѣка и до его времени, а также множество отдѣльныхъ сочиненій въ ихъ обличеніе. Особенно много писалъ онъ противъ иконоборства, которое такъ *оскорбляло* его душу, грубо попирая его святыню—*образъ* тѣхъ,къ кому онъ съ любовію притекалъ.

Долгіе годы въ уединенной своей келліи трудился онъ на пользу Церкви Христовой, пока «не прейде ко Христу и къ Пречистой Его Матери, да уже *не въ образахъ,* но въ *зрѣніи самаго лица Ихъ въ небесной славѣ,* покланяется Имъ».

Германъ, преподобный *Ѳеодоръ Студитъ, Косма Маіумскій* также были вдохновенные пѣснопѣвцы этого времени, и всѣ они сложили тѣ исполненныя высокой красоты церковныя пѣснопѣнія, которыя каждому православному такъ знакомы и дороги!

Вотъ еще два имени, коихъ нельзя не упомянуть въ числѣ великихъ пѣснопѣвцевъ, хотя они и не принадлежатъ къ этому вѣку: инокиня *Кассія* и *св. Романъ Сладкопѣвецъ.*

Не сложно, но глубоко-трогательно краткое сказаніе о св. Романѣ. Смиренный, кроткій, незлобивый, онъ находилъ особую усладу въ церковномъ Богослуженіи, любилъ молиться именно въ церкви Божіей и въ ней на молитвѣ нерѣдко простаивалъ цѣлыя

ночи. Патріархъ, замѣтивъ его ревность къ церковной службѣ, поставилъ его въ чтецы, хотя въ чтеніи онъ разумѣлъ мало. За такое отличіе его возненавидѣли другіе церковнослужители и всячески старались оскорбить его: однажды въ присутствіи царя заставили его читать и пѣть на амвонѣ посреди церкви, но—начавъ, онъ докончить не могъ... Горько и долго рыдалъ онъ передъ образомъ Матери Божіей; не было злобы въ душѣ его, была лишь печаль о томъ, что не умѣетъ онъ *выражать* все то̀, что̀ душѣ его понятно, что̀ такъ возлюбила она. Въ ту же ночь во снѣ увидѣлъ онъ Матерь Божію, Которая тихо, ласково улыбаясь, вложила малый свитокъ въ уста его... Проснувшись, онъ припомнилъ сонъ свой и сердце его при этомъ воспоминаніи исполнилось неизъяснимою сладостью. Онъ почувствовалъ въ себѣ приливъ невѣдомой силы и, трепетно радуясь, поспѣшилъ въ церковь, гдѣ уже шла утреня. Когда настало время пѣть канонъ, св. Романъ вошелъ на амвонъ и запѣлъ сладкозвучно вдохновенную, еще никѣмъ дотолѣ не слышанную пѣснь: «Дѣва днесь Пресущественнаго раждаетъ...» Тихое умиленіе охватило всѣхъ присутствующихъ, и съ тѣхъ поръ св. Романъ сталъ извѣстенъ подъ названіемъ *Сладкопѣвца*. Многое множество сложилъ онъ вдохновенныхъ кондаковъ на праздники Господни, на праздники Богородицы, на недѣли Великаго поста. Чудный даръ пѣснопѣнія больше не покидалъ его, и нынѣ, въ селеніяхъ небесныхъ, чистая душа его съ ликами ангельскими продолжаетъ въ дивныхъ пѣсняхъ славословить Господа!

Кассія, жившая въ IX вѣкѣ при императорѣ Ѳеофилѣ, изъ благороднаго семейства, славилась умомъ, красотою и образованностью. Въ ея житіи писано, что она по красотѣ своей выбрана была въ число

15*

одиннадцати дѣвицъ, представленныхъ императору, когда онъ искалъ себѣ невѣсту. Подойдя къ Кассіи и дивясь красотѣ ея, онъ сказалъ ей: «отъ жены произошло всякое зло». Но дѣвица, покраснѣвъ, отвѣчала ему: «отъ жены же произошло и все доброе». Тогда императоръ, раздраженный смѣлостью этого отвѣта, отойдя отъ нея, выбралъ другую. Кассія, посвятивъ себя Богу, основала монастырь близъ Константинополя. Сложенные ею каноны и стихиры исполнены вдохновенія. Особенно замѣчательны двѣ изъ нихъ: одну мы слышимъ въ навечеріи Рождества Христова: *Августу единоначальствующу на земли*; другую—въ среду Страстной седмицы, о женѣ, излившей мѵро на ноги Спасителя: *Господи, яже во многія грѣхи впадшая жена*. Эта чудная стихира есть выраженіе *уповающей* любви въ душѣ, беззавѣтно вѣрующей въ Любовь Святую и въ благость Того, Кого сама называетъ «Радостью Ангеловъ»,—въ Немъ ощущаетъ *Спасителя грѣшниковъ* и потому къ Нему идетъ.

Послѣ девятаго вѣка составилось еще нѣсколько пѣснопѣній, установились нѣкоторые праздники, но уже не было значительныхъ дополненій въ службахъ церковныхъ. Главное, самое существенное не измѣнилось, такъ-что, когда наша Россія приняла вѣру христіанскую, то она съ нею приняла и точно изложенные догматы вѣры, объясненные вселенскими соборами и святыми отцами и приведенные въ систему великимъ Дамаскинымъ, и *кругъ Богослужебныхъ книгъ*, заключающій въ себѣ чинъ и порядокъ совершенія всѣхъ нашихъ церковныхъ службъ—драгоцѣнное наслѣдіе, сокровище духовнаго утѣшенія и назиданія, твердо хранимое нами изъ рода въ родъ.

XXI.

РАСПРОСТРАНЕНІЕ ХРИСТІАНСТВА ЗА ПРЕДѢЛАМИ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Когда Римское государство стало государствомъ христіанскимъ, Церковь получила возможность распространить свою заботу и на языческія страны, лежащія внѣ предѣловъ имперіи: были устроены правильныя миссіи для обращенія язычниковъ, и съ апостольскою неустрашимостью шли къ дикимъ варварамъ ревностные проповѣдники Евангелія. Но и иными путями, путями самыми разнообразными насаждалось слово Божіе «даже до послѣднихъ земли»: *христіане,* попадающіе въ плѣнъ къ язычникамъ, несутъ къ нимъ свѣтъ ученія Христова; *язычники,* попадающіе въ плѣнъ къ христіанамъ, при возвращеніи на родину сами сѣютъ въ своемъ народѣ сѣмя святаго просвѣщенія; монахи, подвижники, поселяясь въ пустыняхъ въ странахъ языческихъ, своею святою жизнью многихъ и многихъ привлекаютъ къ Источнику истиннаго свѣта; наконецъ, женщины-христіанки, вступая въ замужество за языческихъ королей, своимъ влія-

ніемъ приводятъ и мужей своихъ и своихъ подданныхъ къ святой вѣрѣ, которую сами онѣ исповѣдуютъ...

Итакъ, и благовѣствованіе, и миръ, и война, и гоненіе, и торговля,—всѣ пути несли язычникамъ свѣтъ вѣры Христовой; она точно со всѣхъ сторонъ обступала ихъ, разливая всё шире спасительные лучи свои.

Абиссинія. Въ первой половинѣ IV вѣка, приняли христіанство *Абиссинцы* или *Эѳіопляне*. Около 316 года одинъ христіанскій ученый, со своими родственниками, еще юношами, *Эдессіемъ* и *Фрументіемъ*, путешествовалъ съ научными цѣлями въ страны на югъ отъ Египта по Чермному морю. Случилось, что корабль, на которомъ онъ плылъ, присталъ къ берегамъ Абиссиніи. Абиссинцы напали на мореплавателей, избили и потопили ихъ всѣхъ, кромѣ Эдессія и Фрументія, которыхъ представили въ даръ своему царю. Абиссинскій царь нашелъ ихъ годными для своей службы и далъ имъ должности при своемъ дворѣ. Вскорѣ Эдессій и Фрументій сдѣлались лицами вліятельными; по смерти царя Фрументій сдѣлался даже воспитателемъ малолѣтняго наслѣдника престола, *Айзана*. Пользуясь такимъ значеніемъ въ странѣ, Эдессій и Фрументій могли свободно исповѣдывать свою вѣру. Они знакомились съ пріѣзжавшими въ Абиссинію по торговымъ дѣламъ Римскими купцами, устраивали съ ними богослужебныя собранія и даже построили маленькую церковь. Когда Айзанъ выросъ, Эдессій и Фрументій просили его отпустить ихъ на родину. Эдессій отправился въ Тиръ къ своимъ роднымъ, а Фрументій въ Александрію, гдѣ тогда былъ епископомъ Аѳанасій Великій. Фрументій разсказалъ ему, какъ легко могутъ быть просвѣщены христіан-

ствомъ Абиссинцы, и просилъ прислать къ нимъ епископа и клиръ. Св. Аѳанасій счелъ за лучшее поставить въ епископа для Абиссинцевъ самого Фрументія, который и отправился къ нимъ обратно. Молодой царь Абиссинскій, по убѣжденію Фрументія, крестился; за нимъ крестились многіе изъ его подданныхъ. Фрументій былъ Абиссинскимъ епископомъ долгое время, построилъ много храмовъ для новообращенныхъ и, послѣ своей смерти, оставилъ Абиссинскую церковь прочно устроенною; *онъ же далъ ей и переводъ Св. Писанія Новаго Завѣта на Абиссинскомъ языкѣ.*

Иверія. Глубоко поэтично священное преданіе, гласящее, что земля Иверская была дана Самимъ Господомъ въ удѣлъ Пречистой Дѣвѣ Маріи: когда св. Апостолы метали жребій, чтобы узнать, въ какія страны имъ надлежало идти съ проповѣдью, Пречистая Дѣва пожелала также быть причастною святому дѣлу благовѣствованія, и выпалъ Ей жребій быть просвѣтительницею Иверіи. Таинственно-чуднымъ образомъ сказалась Ея забота о странѣ той въ просвѣтительныхъ трудахъ слабой, юной дѣвы, которую Она Сама избрала и въ сонномъ видѣніи благословила на великій подвигъ, вручивъ ей крестъ, сложенный изъ виноградныхъ лозъ, и давъ ей обѣщаніе всегда невидимо пребывать съ нею. Давно уже сердце Нины влекло ее именно туда, куда Пречистая указала ей путь. Всѣ помышленія ея были направлены къ Иверіи—къ бѣднымъ, дикимъ людямъ, сидящимъ «во тьмѣ и сѣни смертной». Безъ страха, безъ сомнѣнія, съ крестомъ въ рукахъ пошла она къ нимъ. На пути новое чудное видѣніе укрѣпило ея душу, и во время сна былъ ей врученъ чудный свитокъ, исписанный Евангельскими изреченіями, во главѣ коихъ было начертано:

«аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣдано будетъ Евангеліе сіе во всемъ мірѣ, речется, и еже сотвори сія, въ память ея». И еще: «научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

Въ Иверіи Нина скоро сдѣлалась извѣстна чудесною помощью, которую оказывала страждущимъ и болящимъ: со всѣхъ сторонъ приносили къ ней больныхъ, и съ молитвою она исцѣляла ихъ. Когда благословляли ее со слезами благодарности, она указывала на Того, Кому она служила, Чья любовь сострадала страждущимъ, исцѣляя ихъ немощи... Тихое слово ея, свѣтлая, чистая жизнь —пробуждали и оживляли сѣмя добра въ загрубѣлыхъ сердцахъ, и многіе увѣровали.

Царица Иверская, также ею исцѣленная отъ тяжкаго недуга, сдѣлалась ревностною христіанкою и побудила своего мужа къ принятію вѣры Христовой. Тогда по совѣту св. Нины было отправлено посольство къ Константину Великому съ выраженіемъ желанія всей Иверіи принять христіанство. Антіохійскій епископъ, св. Евстафій, прибылъ въ Иверію въ 326 г., окрестилъ увѣровавшихъ и поставилъ епископа для новообращенной страны.

Стараніемъ св. Нины воздвигались церкви, монастыри, и видимо апостольскіе труды ея были осѣняемы благословеніемъ Матери Божіей.

Арменія. Въ первые вѣка по Р. Хр. Арменія нерѣдко подпадала подъ власть Римлянъ. Чрезъ это открывалась возможность сношенія Римскихъ христіанъ съ жителями Арменіи и вмѣстѣ съ тѣмъ открывался путь христіанству въ Арменію. Апостоломъ Арменіи (въ 3—4 вѣкѣ) былъ *Григорій*, получившій за свою проповѣдническую дѣятельность наименованіе *Просвѣтителя*. Онъ былъ

сынъ Армянскаго князя, Анака. При истребленіи всего дома Анака, Григорій, будучи еще двухлѣтнимъ ребенкомъ, былъ спасенъ отъ смерти своею кормилицею, христіанкою, и отправленъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ получилъ христіанское воспитаніе. Возвратившись затѣмъ на свою родину въ Арменію, онъ поступилъ на службу къ царю и успѣлъ обратить его въ христіанство. Желая устроить Армянскую церковь на прочныхъ началахъ, онъ отправился опять въ Кесарію, принялъ отъ тамошняго митрополита санъ епископа и, возвратившись въ Арменію, съ необыкновенною ревностію взялся за обращеніе своихъ соотечественниковъ. Царь и дворъ крестились, за ними крестилось много народа. Вмѣсто языческихъ храмовъ во множествѣ появились христіанскія церкви, появилось церковное просвѣщеніе и просвѣщенный клиръ. Послѣ смерти Григорія Просвѣтителя попеченіе объ Армянской церкви перешло къ его потомкамъ, изъ которыхъ многіе были и епископами. Въ началѣ V вѣка, одинъ изъ такихъ потомковъ, *Исаакъ Великій*, вполнѣ докончилъ дѣло Григорія. Онъ основалъ множество церквей и монастырей, приготовилъ цѣлое поколѣніе просвѣщенныхъ клириковъ, устроилъ христіанскія школы для народа и положилъ основаніе Армянской богословской литературѣ. При немъ изобрѣтена Армянская азбука и *переведено* Св. Писаніе на Армянскій языкъ. Затѣмъ началась, и продолжалась болѣе двухъ сотъ лѣтъ, религіозная война между Армянами и Персами; но не смотря на всѣ старанія, Персамъ не удалось искоренить христіанство изъ Арменіи. Во время борьбы Церкви съ ересями въ IV вѣкѣ и въ первой половинѣ V вѣка, Армянская церковь оставалась вѣрна Православію; но во второй половинѣ V вѣка

она отдѣлилась отъ Церкви Вселенской по поводу ереси *монофизитской.*

Галлія. Покоренная еще при Юліи Цезарѣ, Галлія составляла одну изъ областей Римской имперіи. Первымъ проповѣдникомъ въ ней Евангелія былъ ученикъ Апостола Павла, Крискентій. Около половины втораго вѣка св. Поликарпъ Смирнскій послалъ въ Галлію проповѣдниковъ. Между ними особенно извѣстенъ ученикъ его, *Ириней,* много подвизавшійся за вѣру Христову, которая при немъ въ Галліи окончательно утвердилась. Другой ученикъ св. Поликарпа, *Потинъ,* былъ *первымъ* епископомъ, поставленнымъ въ Галлію; онъ въ царствованіе императора Марка Аврелія пострадалъ за Христа вмѣстѣ со многими другими мучениками, коихъ имена славны въ исторіи Церкви. Въ пятомъ вѣкѣ Галлія имѣла уже много церквей и монастырей, и во всѣхъ главныхъ городахъ находились епископы, поставленные отъ Рима. Но въ эту пору Галлія подверглась страшному разоренію, ибо черезъ Галлію варварскія орды проходили далѣе въ Испанію, Италію и Африку. Часть Галліи была завоевана *Готами.* Готы были аріане, но не тревожили православныхъ епископовъ, которые продолжали свободно править дѣлами Церкви. Однако по мѣрѣ того, какъ *Готы* завоевывали новыя области, власть аріанъ все усиливалась, и православные привыкали взирать на папу, какъ на единаго сильнаго представителя Никейскаго вѣроисповѣданія на Западѣ.

Другую часть Галліи покорили себѣ *Франки.* Эти идолопоклонники отличались столько же храбростію въ битвахъ, сколько свирѣпостію, коварствомъ и жестокостію, однако нашли себѣ поддержку и союзниковъ въ духовенствѣ, которое увидѣло возможность

черезъ это усилить свое значеніе, и силою Франковъ сокрушить еретиковъ. Дикіе Франки приняли христіанство и признали надъ собою власть папы при вождѣ своемъ Хлодвикѣ.

Хлодвикъ былъ женатъ на христіанкѣ — Клотильдѣ; она долго и безуспѣшно убѣждала его оставить идолопоклонство и обратиться къ Богу истинному; но однажды, во время сраженія, когда побѣда уже клонилась на сторону враговъ, Хлодвикъ далъ обѣтъ креститься, если Богъ Клотильды поможетъ ему. Побѣда осталась за нимъ, и онъ исполнилъ обѣщаніе свое. Реймскій епископъ торжественно совершилъ надъ нимъ святое крещеніе; 3000 человѣкъ изъ дружины его послѣдовали примѣру вождя. Извѣстили папу объ обращеніи короля Франковъ, который, въ знакъ своей сыновней покорности, послалъ въ Римъ богатые дары.

Преемники Хлодвика, христіане по имени, оставались варварами по образу жизни; но имѣли усердіе къ Церкви и щедро дѣлились съ нею добычею своей: землями и богатствами, добытыми силою и неправдою; охотно дарили Церкви помѣстья и сокровища, «для оставленія грѣховъ и спасенія души». Искусная политика папъ умѣла содержать ихъ въ повиновеніи, и Галло-Франкская Церковь стала главною опорою папской власти на Западѣ и охраною правой вѣры отъ ересей, коихъ держались прочія варварскія племена. Между Галльскими епископами было немало людей, отличавшихся и ученостью и благочестіемъ, такъ-что въ VI-мъ вѣкѣ Галло-Франкская Церковь славилась во всемъ христіанскомъ мірѣ.

Британія. Покоренная Римлянами, Британія еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства слышала благовѣ-

ствованіе слова Божія. Первые проповѣдники вѣры въ Британіи прибыли съ Востока, и Британская Церковь долго хранила обычаи древней Ефесской Церкви.

Впослѣдствіи, когда она подпала подъ власть дикаго воинственнаго племени Англо-Саксовъ, Британія стала называться Англіей. Англо-Саксы были идолопоклонники. Вражда покореннаго племени къ чужимъ властителямъ долго препятствовала распространенію между ними христіанской вѣры, да и въ самихъ Британцахъ она видимо оскудѣвала, и скоро трудно было найти даже слѣдъ ея среди одичалаго народа.

Въ концѣ VI-го вѣка папою Григоріемъ Великимъ положено было основаніе христіанской Церкви въ Англіи. Разсказываютъ, что, будучи еще инокомъ, онъ встрѣтилъ однажды въ Римѣ плѣнныхъ юношей необыкновенной красоты, которыхъ продавали въ рабство; ихъ ясно-голубые глаза, длинные бѣлокурые волосы, нѣжный цвѣтъ лица поразили его, и узнавъ, что ихъ зовутъ *Англами*, что они привезены изъ далекаго острова и не знаютъ Бога истиннаго, онъ воскликнулъ: «имъ не Англами, а *Ангелами* приличнѣе называться, ибо на ангеловъ они походятъ». И съ этой самой минуты глубоко запало ему въ душу желаніе начать въ Англіи святое дѣло благовѣствованія. Онъ выписалъ къ себѣ въ Римъ нѣсколько молодыхъ Англовъ, обучивъ, образовалъ изъ нихъ миссіонеровъ, и наконецъ, сдѣлавшись папою, успѣлъ осуществить давнишнее свое намѣреніе: отправилъ ихъ въ Англію подъ руководствомъ монаха Августина.

Въ 597-мъ году Римскіе благовѣстники пристали къ берегамъ Англіи и успѣли утвердиться тамъ и снискать покровительство короля. Вскорѣ ихъ благочестивая жизнь внушила къ нимъ общее уваженіе.

Разсказываютъ, что они творили чудеса и молитвою исцѣляли больныхъ. Многіе увѣровали и принимали святое крещеніе. Вскорѣ крестился и король. Онъ всенародно объявилъ себя христіаниномъ, но прибавилъ, что примѣръ его не обязателенъ для его подданныхъ, и что всякій свободенъ исповѣдывать новую вѣру или прежнюю. Множество народа обратилось; въ одинъ день Августинъ окрестилъ 10000 человѣкъ; Богослуженіе совершалось въ полуразвалившихся древнихъ христіанскихъ церквахъ. Король далъ благовѣстникамъ земли, и Августинъ извѣстилъ папу объ успѣхѣ дѣла. Съ тѣхъ поръ новые проповѣдники являлись изъ Рима, Церковь утвердилась въ Англіи, основались монастыри и школы, и христіанское просвѣщеніе распространялось.

Германія. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи христіанская вѣра начала распространяться очень рано; въ третьемъ и четвертомъ вѣкѣ были уже епископства во многихъ областяхъ, но эти области постоянно опустошались варварами, то Гуннами, то Готами, то Вандалами. Всѣ эти варвары были или язычники, или аріане, и христіанство, едва укоренившееся, не устояло противъ ихъ бурнаго набѣга. Только кое-гдѣ остались лишь слабые слѣды прежняго просвѣщенія, и язычество еще не успѣло прочно водвориться въ этихъ краяхъ, когда снова началось въ шестомъ вѣкѣ благовѣствованіе святаго Евангелія.

Знаменитый проповѣдникъ, заслужившій названіе *Апостола Германіи*, хотя онъ и не былъ первымъ благовѣстникомъ въ этихъ земляхъ, извѣстенъ въ исторіи подъ своимъ иноческимъ именемъ *Вонифатія*.

Онъ родился въ Англіи и, съ ранней молодости вступивъ въ иночество, стремился къ дѣятельности бла-

говѣстника. Посѣтивъ Римъ, Вонифатій тамъ торжественно присягнулъ въ вѣрности папѣ и получилъ отъ него, съ званіемъ епископа, обѣщаніе покровительства. Изъ Рима онъ направился въ Фризскую область на Рейнѣ, гдѣ рядомъ съ начинавшейся христіанскою Церковью язычество было сильнѣе. Возлѣ главнаго города области стоялъ огромный, вѣковой дубъ, посвященный богу громовержцу, предметъ суевѣрнаго поклоненія народа. Вонифатій срубилъ священное дерево. Объятые ужасомъ, язычники ожидали, что божество отмститъ дерзновенному; но когда не воспослѣдовало ничего, они убѣдились въ безсиліи мнимыхъ боговъ своихъ, и множество народа согласились принять крещеніе; разрушенный дубъ послужилъ на постройку малой церкви во имя святаго Апостола Петра. Съ этого дня Вонифатій началъ служеніе свое. Папа предоставилъ ему званіе архіепископа всей Германіи и право надзора надъ всею Церковью. Вонифатій дѣятельно заботился о просвѣщеніи ввѣренныхъ ему людей и объ уничтоженіи безпорядковъ и злоупотребленій, вкравшихся въ Церковь. Онъ проповѣдывалъ, устраивалъ церкви, монастыри и епархіи, назначая въ нихъ усердныхъ дѣятелей, заботился объ образованіи юношества, заводилъ училища изъ коихъ выходили впослѣдствіи сотрудники его и помощники. Вся дѣятельность его была безпрерывною борьбою то съ язычествомъ, то со свѣтскими и духовными властями, но твердостію своею и неутомимою ревностью онъ съумѣлъ побѣдить сопротивленіе. Въ исходѣ его жизни и дѣятельности Германская Церковь была уже вполнѣ подчинена папскому престолу.

Славянскіе народы. Славянскія племена къ IX вѣку занимали почти всю восточную половину Европы.

Тогда какъ другіе народы, жившіе отъ нихъ на югъ и западъ, были просвѣщены христіанствомъ, славяне оставались еще язычниками. Но въ IX в. христіанство стало распространяться и между ними. Замѣчательно, что всѣ Славянскія племена приняли христіанство изъ Византіи, слѣдовательно — отъ Восточной православной Церкви. Двумъ братьямъ, св. Кириллу и Меѳодію, суждено было сдѣлаться орудіемъ воли Божіей въ дѣлѣ просвѣщенія Славянъ.

Оба они были родомъ изъ города Солуня. Меѳодій, старшій по окончаніи образованія поступилъ на военную службу и былъ правителемъ одной Славянской области, но скоро оставилъ міръ и принялъ иночество въ одной обители на горѣ Олимпѣ. Константинъ съ дѣтства выказывалъ удивительныя способности и получилъ превосходное образованіе при царскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ III, гдѣ пользовался уроками знаменитаго Фотія, впослѣдствіи патріарха Константинопольскаго. По окончаніи воспитанія онъ нѣкоторое время преподавалъ въ главномъ Константинопольскомъ училищѣ любимую свою науку—философію. Самая блестящая будущность открывалась передъ нимъ, но къ иному стремилась его молодая жизнь: въ душѣ его горѣлъ огонь, возжженный рукою Божіею: «ихже предустави, тѣхъ и призва» (Рим. VIII, 30). Онъ, на 24 году, покинулъ шумную столицу Востока, удалился въ тотъ монастырь, въ которомъ уже давно жилъ братъ его Меѳодій и тамъ, въ тиши уединенія, пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, готовя себя на дѣло ему невѣдомое, но вѣдомое Господу.

Свѣтильникъ Божій горѣлъ — оставалось только указать его ищущимъ свѣта. *Хозары*, жившіе между Дономъ, Волгою и Каспійскимъ моремъ, обратились

къ императору Византіи, прося его послать къ нимъ человѣка книжнаго, ученаго, который могъ бы разъяснить всѣ ихъ сомнѣнія о вѣрѣ. Поручить такое дѣло было возможно только братьямъ Солунскимъ, и, по желанію императора, отплыли они на царскомъ кораблѣ въ Корсунь, городъ сопредѣльный съ областью Хозарскою, гдѣ останавливались на время, чтобы изучить языкъ Хозаровъ.

Итакъ, благовѣстники Христовы, еще раньше своего путешествія къ западнымъ Славянамъ, коснулись предѣловъ Россіи, и первая ихъ проповѣдь раздалась именно въ Корсуни, откуда долженъ былъ возсіять свѣтъ ученія Христова на всю землю Русскую. Умилительно, что пребываніе ихъ въ Корсуни ознаменовалось обрѣтеніемъ мощей св. Климента, о которомъ жива была память на этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ такъ много страдалъ страданіемъ страждущихъ, гдѣ любовь его и его молитва были отрадою и силою стольких несчастныхъ.

Много потрудились святые братья въ землѣ Хозарской, много успѣла проповѣдь ихъ, и Хозары проводили ихъ съ почестями и благодарностію. По возвращеніи на родину, они снова удалились въ монастырь, но скоро снова были вызваны волею Божіею на великое служеніе: настало время, опредѣленное Господомъ—Славянскіе народы сами восхотѣли принять святое просвѣщеніе.

Болгарскій король Борисъ посылаетъ въ Царьградъ за благовѣстниками и священниками; приходятъ въ Царьградъ и послы отъ Чеховъ и Моравовъ: «мы слышали», говорятъ они, «что отъ васъ законъ добрый исходитъ въ другія страны, позаботьтесь же о спасеніи нашемъ и пришлите намъ наставниковъ».

Велика была радость императора и патріарха; тотчасъ былъ созванъ соборъ для необходимыхъ совѣща-

ній, и снова взоры всѣхъ устремились на Солунскихъ братьевъ и имъ было предложено взять на себя подвигъ благовѣствовать народамъ Славянскимъ. Они согласились съ радостію, но одно смущало и опечаливало ихъ: у Славянъ не было своего языка *письменнаго* — а учить безъ помощи письменъ, говорилъ св. Кириллъ, то же, что писать на водѣ... Необходимо было найти *буквы,* составить *азбуку,* соотвѣтствующую Славянской рѣчи. Молитвою и сорокадневнымъ постомъ готовился св. Кириллъ къ предпріятію этого труда. Онъ вѣрилъ, что въ немощи сила Божія совершается— и дано ему было по вѣрѣ его: онъ выполнилъ великую задачу свою, *азбука была составлена...*

Первыя слова, *написанныя* на языкѣ Славянскомъ, были начальныя слова Евангелія отъ Іоанна: «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово...» Этотъ великій трудъ св. Кирилла былъ радостно привѣтствованъ въ Константинополѣ, и въ присутствіи императора былъ отслуженъ благодарственный молебенъ.

Въ 863 году св. Кириллъ и Меѳодій отправились въ Славянскія земли, неся Славянамъ даръ безцѣнный—слово Божіе на ихъ родномъ языкѣ.

«Услышите, Славяне всѣ», говорилъ имъ св. Кириллъ, «слово, еже отъ Бога пріиде, слово, еже кормитъ души человѣческія, слово, еже крѣпитъ сердца и умы... Душа не имѣетъ жизни, если словесъ Божіихъ не слышитъ. Безъ свѣта нѣтъ радости оку видѣть твореніе Божіе — такъ и всякой душѣ безсловесной, не вѣдущей Божія закона. Отверзите прилежно уму двери, оружіе пріимите твердое, еже куютъ книги Господни: въ буквахъ мудрость Христова является, она души ваши укрѣпитъ!»

XXII.

ПАДЕНІЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ.

Начало пятаго вѣка застало на престолѣ двухъ сыновей Ѳеодосія Великаго, Аркадія на Востокѣ и Гонорія на Западѣ. Оба были равно неспособны управлять имперіею въ такое трудное время, когда ей со всѣхъ сторонъ угрожали сильные и многочисленные враги.

Аркадій, слабый и безхарактерный, совершенно подпалъ подъ вліяніе недостойныхъ своихъ любимцевъ, которые, овладѣвъ имъ, возбуждали его къ покровительству ересямъ и къ гоненію на Церковь, сами же угнетали и грабили его подданныхъ, между тѣмъ какъ Готы и другія племена опустошали сѣверныя области имперіи. Ему наслѣдовалъ осмилѣтній сынъ его, Ѳеодосій Младшій. Вскорѣ шестнадцатилѣтняя сестра царя, Пульхерія, была призвана раздѣлить престолъ брата, и показала себя достойною дочерью Ѳеодосія Великаго: она мудро управляла внутренними дѣлами, а въ сношеніяхъ съ внѣшними врагами умѣла поддержать честь Восточной Римской имперіи. Имя ея чествуется и Церковію, и исторіею. Ѳеодосій Младшій, воспитан-

ный подъ ея надзоромъ, дѣйствовалъ разумно лишь дотолѣ, пока слушалъ сестры своей. Положеніе имперіи становилось все труднѣе, и въ послѣдніе годы своего царствованія Өеодосій былъ принужденъ платить дань дикому народу *Гуннамъ*, которые тревожили области его частыми нападеніями. По смерти Өеодосія Пульхерія избрала себѣ въ супруги и соправители Маркіана, который съ мужествомъ отстаивалъ достоинство имперіи. Когда царь Гунновъ, Аттила, потребовалъ у него дани, Маркіанъ твердо отвѣчалъ: «у меня золото для друзей, желѣзо для враговъ», и Аттила, оставивъ въ покоѣ Востокъ, обратилъ силы свои на Западъ. Наслѣдники Маркіана также отстаивали имперію противъ враговъ, и блестящее царствованіе Юстиніана (527—565) напомнило міру древнюю славу Римскаго оружія.

Бѣдственнѣе была судьба западной части имперіи, и уже въ пятомъ вѣкѣ совершилось паденіе Рима. При слабомъ *Гоноріи*, варвары безпрестанно нападали на Италію и сосѣднія области имперіи, слабѣвшей съ каждымъ днемъ. Въ первыхъ годахъ пятаго вѣка Аларихъ, король Вестъ-Готовъ, опустошивъ сѣверную Италію, явился къ стѣнамъ Рима. Изумленіе и негодованіе овладѣли гордыми Римлянами при вѣсти, что варвары дерзаютъ угрожать вѣчному городу; но опасность отечества не возбудила ихъ къ благородному мужеству. Когда голодъ начался въ городѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ врагами,—тогда сенатъ вступилъ въ переговоры съ Аларихомъ. Видя отчаянное положеніе Римлянъ, Аларихъ предъявилъ чрезмѣрныя требованія. «Что же оставишь ты намъ, царь, если таковы твои требованія?» говорили присланные отъ сената.—«Жизнь», отвѣчалъ гордый варваръ. Перего-

воры однако привели къ соглашенію, и Аларихъ удалился, взявъ съ Рима огромный выкупъ.

Это было не надолго. На слѣдующій же годъ онъ былъ опять у стѣнъ Рима; Римъ сдался и призналъ императора, назначеннаго Аларихомъ; но вскорѣ же Аларихъ, въ третій разъ осадивъ Римъ, вступилъ въ городъ побѣдителемъ (410).

Аларихъ исповѣдывалъ христіанство, искаженное аріанскими заблужденіями; онъ велѣлъ воинамъ своимъ щадить церкви и жизнь тѣхъ, кто найдетъ убѣжище въ церквахъ; но городъ былъ преданъ грабительству варваровъ, которымъ помогали 40.000 освобожденныхъ рабовъ. Готы сожгли множество зданій, разграбили пышные дворцы Римскихъ богачей, увели въ плѣнъ и предали смерти огромное число Римлянъ; но щадили церкви и церковное имущество.

Великія бѣдствія перенесъ Римъ въ это ужасное время. Множество богатыхъ Римлянъ, потерявъ все имущество, были проданы въ рабство; иные скитались нищими въ чужихъ странахъ; тѣ изъ Римлянъ, которые сохранили еще помѣстья въ другихъ областяхъ—въ Африкѣ, Испаніи, бѣжали туда. Вскорѣ всѣ сосѣднія страны, а затѣмъ и отдаленныя, какъ Египетъ, Палестина, Малая Азія, приняли бѣглецовъ изъ Рима и услышали вѣсть о разгромѣ вѣчнаго города. Эта вѣсть потрясла вселенную и наполнила ужасомъ всѣ сердца. Старецъ Іеронимъ писалъ изъ убогой Виѳлеемской келліи своей: «Нѣтъ въ семъ мірѣ ничего, что̀ бы могло казаться долговѣчнымъ; и время ничто, если бы мы не имѣли предъ собою вѣчности. Все, что̀ родилось, должно умереть, и что̀ растетъ—состарится; и всякое дѣло рукъ человѣческихъ должно погибнуть отъ руки времени. Но кто

бы подумалъ, что и самый Римъ, обогатившійся добычею вселенной, нѣкогда падетъ и, бывъ матерью народовъ, сдѣлается гробницею ихъ; что поморья Африки и Востока наполнятся бѣглецами изъ развалинъ всемірной столицы, и даже убогій пріютъ Виѳлеемскій дастъ у себя пристанище богатѣйшимъ гражданамъ всей земли! О, суета суетъ, и всяческая суета!»

Имперія быстро распадалась и теряла область за областью. Изъ Британіи она была принуждена вызвать войска свои, и Британія освободилась отъ ея владычества. Галлія была у нея завоевана Готами и Франками; Испанія—Вестъ-Готами; въ Германію втѣснялись безпрестанно разныя племена Готскія, въ Африку—Вандалы. Знаменитая Африканская Церковь, одна изъ самыхъ цвѣтущихъ, прославленная при великомъ Августинѣ, подверглась конечному разоренію и съ тѣхъ поръ не могла уже оправиться. Прошло не много болѣе полувѣка со смерти Ѳеодосія Великаго, и Западная Римская имперія, при немъ столь обширная, состояла изъ одной Италіи, которой безпрестанно угрожали варвары. Императоры, быстро слѣдовавшіе другъ за другомъ на престолѣ, не были въ силахъ защитить имперію; они были рады покупать данью удаленіе варваровъ; гордые Римскіе императоры отдавали сестеръ и дочерей своихъ въ замужество варварскимъ вождямъ.

Въ 452-мъ году Аттила, прозванный бичемъ народовъ, подошелъ къ Риму. Ужасъ овладѣлъ городомъ; но на сей разъ бѣдствіе миновало его. Левъ Великій, папа Римскій, вышелъ на встрѣчу Аттилы, умоляя его удалиться, и, къ удивленію войскъ своихъ, Аттила отступилъ. Сохранилось преданіе, что ему въ ви-

дѣніи явились покровители Рима, святые Апостолы Петръ и Павелъ, и грозили смертію, если онъ не удалится.

Черезъ три года послѣ того Гензерихъ, король Вандаловъ, осадилъ Римъ. Опять папа Левъ молилъ о пощадѣ; Гензерихъ обѣщалъ щадить жизнь гражданъ, но городъ предалъ грабежу; войска его жгли и грабили цѣлыя двѣ недѣли. Всѣ драгоцѣнности Римскихъ богачей, славныя добычи прежнихъ побѣдъ, сокровища христіанскихъ церквей и золотыя статуи языческихъ боговъ,—все было перевезено на корабляхъ въ Африку, гдѣ Гензерихъ утвердилъ владычество свое. Множество знатныхъ и богатыхъ Римлянъ сдѣлались рабами суровыхъ побѣдителей, и множество ихъ опять было выкуплено благотворительностію христіанъ.

Восточные императоры дѣлали безуспѣшныя попытки освободить Западъ отъ владычества варваровъ; но лишь въ половинѣ шестаго вѣка Юстиніанъ достигъ этой цѣли. Онъ пять разъ отнималъ Римъ у Готовъ, и наконецъ утвердилъ власть свою въ Италіи (554). Затѣмъ, въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ, императоры Византіи правили большею частію Италіи чрезъ представителя своего. И Римъ со всею окружною областію призналъ владычество Восточнаго императора.

Со времени Юстиніана историки называютъ Византійскихъ императоровъ—*Греческими*. Языкъ Греческій на Востокѣ совершенно вытѣснилъ Латинскій, который дотолѣ былъ языкомъ правительственнымъ и въ самой Византіи; всё явственнѣе стало обозначаться раздѣленіе между міромъ греческимъ—Восточнымъ и міромъ Латинскимъ—Римскимъ.

Уже съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства замѣчаются въ Церквахъ Восточныхъ и Западныхъ нѣкоторыя особенности, которыя дали направленіе всему ходу церковной жизни: Восточная Церковь, допуская участіе разума въ дѣлѣ вѣры, *уясняла* вѣрующимъ христіанское вѣроученіе; Западная, наоборотъ, отрицая совершенно участіе разума въ дѣлѣ вѣры, *избѣгала* всякихъ разсужденій о догматахъ и чуждалась тѣхъ отвлеченныхъ богословскихъ вопросовъ, которые въ жизни Церкви Восточной имѣли такое важное значеніе. Отъ того Церковь Восточная при обращеніи въ христіанство новыхъ племенъ заботилась о томъ, чтобы они имѣли церковныя книги и Богослуженіе на *своемъ*, имъ *понятномъ* языкѣ,—а Западная, опасаясь, чтобы истина не дошла до нихъ непосредственно, помимо лицъ духовныхъ, вездѣ вводила Богослуженіе на языкѣ *Латинскомъ*, народу *непонятномъ*.

Западная Церковь стремилась къ тому, чтобы народъ всецѣло подчинить церковной власти и въ *духовенствѣ одномъ* сосредоточить всю жизнь церковную, тогда какъ на Востокѣ *вся Церковь*, то есть, всѣ вѣрующіе, какъ *члены Церкви*, принимали участіе въ этой жизни. Эта разность стремленій и убѣжденій раздѣляла Церкви, но всё же не настолько, чтобы онѣ считали себя совсѣмъ чуждыми другъ другу; прекращеніе общенія между ними могло послѣдовать только въ такомъ случаѣ, когда бы нарушено было со стороны одной изъ нихъ, *единство* вѣры и догматовъ церковныхъ. Къ прискорбію всего христіанскаго міра, Римская Церковь *единство нарушила*.

XXIII.

ВОЗВЫШЕНІЕ ПАПСКОЙ ВЛАСТИ. НАЧАЛО РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ.

На первыхъ вселенскихъ соборахъ опредѣлены были права пяти первенствующихъ епископовъ вселенской Церкви, и усвоено имъ названіе патріарховъ. Права ихъ были совершенно равныя, и только по порядку старшинства столицъ и городовъ Римскій патріархъ именовался первымъ и занималъ первое мѣсто, Константинопольскій считался вторымъ, Александрійскій третьимъ, Антіохійскій четвертымъ и Іерусалимскій пятымъ. Римскій патріархъ назывался папою (названіе, которое и донынѣ находится въ титулѣ Александрійскаго патріарха). Но никакого преимущества *власти* не соединялось съ этимъ порядкомъ счисленія. Какъ ни возвышены были права патріарховъ по церковному управленію предъ другими епископами, въ *каноническомъ* отношеніи всѣ они равны между собою: это различные только виды одной степени епископской. Отличительныя права епископства—рукополагать пресвитеровъ и діаконовъ и соборне—епископовъ, освящать храмы, антиминсы, мѵро—принадлежали и принадлежатъ равно всѣмъ епископамъ.

Но въ теченіе времени, особливо съ VII вѣка, силою внѣшнихъ обстоятельствъ—измѣнилось положеніе всѣхъ патріархатовъ. Области Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская потерпѣли такое страшное разореніе отъ Арабовъ мусульманъ и отъ варва-

ровъ аріанъ, что потомъ уже не могли оправиться. Область Константинопольскихъ патріарховъ не уменьшилась въ своемъ объемѣ, но патріаршество утратило много достоинства и силы отъ иконоборческой смуты, продолжавшейся цѣлое столѣтіе, и отъ гоненія невѣрныхъ императоровъ. Напротивъ, область Римскаго патріарха распространилась по всей западной Европѣ, и власть Римскихъ папъ возвысилась.

Римъ былъ нѣкогда столицею вселенной. Послѣ того, какъ Константинъ Великій перенесъ столицу въ Константинополь, Римъ, конечно, утратилъ часть своего значенія; но за то въ Римѣ съ каждымъ годомъ усиливалась новая власть, власть папы, по мѣрѣ того, какъ упадало значеніе императорской власти. На Востокѣ признанное равенство главныхъ каѳедръ не допускало одного епископа властвовать надъ прочими, на Западѣ же никто не могъ оспаривать первенства епископа Рима, древней столицы и единственной Апостольской каѳедры. Въ глазахъ православныхъ христіанъ Запада Римъ былъ главнымъ представителемъ и защитникомъ истиннаго, Никейскаго вѣроисповѣданія. Для варваровъ имя Рима, всемірной столицы, имѣло еще сильное обаяніе, и епископъ Римскій представлялся имъ духовнымъ главою всего христіанства. Новыя племена, основавшія на развалинахъ Римской имперіи новыя Европейскія государства, оказывали Римскому папѣ великое уваженіе; и духовенство изъ Африки, Галліи, Испаніи, обращалось къ папѣ, чтобы получать защиту. И съ Востока, во время церковныхъ раздоровъ и гоненій, преслѣдуемые епископы искали въ Римѣ защиты и оправданія.

Такимъ образомъ, папа представлялся заступникомъ всего христіанства и единственнымъ духовнымъ

владыкою на Западѣ. Богатство его уже было значительно и давало ему возможность оказывать щедрую помощь нуждающимся: во время голода, наводненія, другихъ бѣдствій, за помощью обращались къ папѣ; когда нападали варвары, онъ, духовною силою своею, укрощалъ ярость суровыхъ побѣдителей — и народонаселеніе Италіи постепенно привыкало смотрѣть на власть папскую, какъ на единственную прочную власть въ эти времена смутъ и переворотовъ, и отъ папы ожидать защиты и помощи.

Духовная власть Рима утверждалась на развалинахъ утраченнаго имъ всемірнаго владычества, и къ началу IX вѣка во всѣхъ Западныхъ Церквахъ папа считался уже верховнымъ судіею и главою Церкви.

Къ этому же времени на Западѣ появился новый каноническій сборникъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ *Лжеисидоровскихъ декреталій:* ими подтверждались всѣ тѣ права и преимущества, которыя папа желалъ себѣ присвоить. Гдѣ именно и кѣмъ были составлены эти декреталіи, восходящія, какъ увѣряли, до первыхъ временъ христіанства, до епископа Климента, ученика св. Апостола Петра, никому не было извѣстно. Не смотря на явную подложность декреталій, онѣ были внесены на Западѣ въ церковный законъ, и папы стали указывать на нихъ, какъ на свидѣтельство того божественнаго права, которое поставляло ихъ на высоту необычайную, дѣлая изъ папы верховнаго епископа, отъ власти котораго всякая другая власть получала свое освященіе: епископы становились лишь послушнымъ орудіемъ его воли и ему безпрекословно повиновались, онъ одинъ имѣлъ право назначать и низлагать ихъ; онъ созывалъ соборы, и постановленія, составленныя безъ его вѣдома или со-

гласія, не могли имѣть силы; его власть превышала власть вселенскаго собора, ибо, по увѣренію папы, Самъ Христосъ поставилъ его главою Церкви вселенской.

Однако Востокъ не признавалъ этого главенства. Восточная Церковь, сильная древнимъ преданіемъ, постоянно отвергала притязанія Римскихъ первосвященниковъ: подчинить ее себѣ сдѣлалось главною цѣлью ихъ стремленій.

Во второй половинѣ девятаго вѣка представились удобныя, повидимому, для этого обстоятельства: въ Константинопольской Церкви, едва отдохнувшей отъ бури иконоборческой, возникли новыя волненія, и враждовавшія партіи сами представляли папѣ возможность вмѣшаться въ ихъ дѣла.

Въ Константинополѣ неправильно низведенъ былъ съ патріаршаго престола св. Игнатій, по проискамъ регента имперіи Варды, котораго патріархъ обличалъ въ беззаконной жизни, и за открытое нечестіе, причинявшее великій соблазнъ народу, лишилъ святаго причащенія. Когда Игнатій былъ уже *низведенъ*, тогда вполнѣ законно *возведенъ* былъ на патріаршій престолъ Фотій, бывшій прежде однимъ изъ высшихъ сановниковъ государства и извѣстный необыкновенными дарованіями и рѣдкою богословскою ученостію. Жители Константинополя, издавна склонные къ церковнымъ спорамъ, раздѣлились на двѣ партіи: одни стали за патріарха Игнатія, другіе за Фотія; разногласіе это положено было умирить на помѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ, на который приглашенъ былъ и Римскій папа. Папою въ это время былъ Николай I. Его болѣе, чѣмъ кого-либо изъ его предшественниковъ, одушевляла мысль о *всевластіи* папы: онъ первый изъ папъ сталъ называть себя намѣстни-

комъ Христа на землѣ, властно провозглашая, что его надзору подлежитъ весь христіанскій міръ, а суду его—всякое нарушеніе нравственнаго закона, гдѣ бы и кѣмъ бы оно совершено ни было, всякое нарушеніе порядка и благочинія церковнаго. Самъ онъ не поѣхалъ на соборъ, а прислалъ легатовъ. Соборъ утвердилъ возведеніе Фотія на патріаршій престолъ, и легаты папы были согласны съ этимъ; но папа Николай осудилъ своихъ легатовъ и присвоивалъ себѣ власть отмѣнить соборное рѣшеніе, показывая тѣмъ, что ставитъ себя выше собора.

По просьбѣ Болгарскаго царя Бориса патріархъ Фотій, имѣвшій особливое попеченіе о просвѣщеніи Славянъ, отправилъ къ Болгарамъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ, свв. Кирилла и Меѳодія. Они проповѣдывали народу на родномъ его языкѣ, на который перевели для него и Священное Писаніе и Богослужебныя книги, и ихъ проповѣдью насаждено было *съ Востока* православіе въ Болгаріи и Моравіи. Но эти страны принадлежали къ области Римской Церкви, которая давно распространяла ложное ученіе о томъ, что совершеніе Богослуженія можетъ быть допущено лишь на трехъ языкахъ—Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ. Папа Николай I съ изумительнымъ дерзновеніемъ послалъ въ Болгарію Латинскихъ священниковъ, которые не только изгнали оттуда всѣхъ священниковъ Восточной Церкви, но и объявили недѣйствительными всѣ совершенныя ими надъ крещеными Болгарами церковныя таинства.

Невозможно было подчиниться такому притязанію Римскаго первосвященника, и необходимо было обличить всю его беззаконность.

Фотій собралъ въ Константинополѣ (867 г.) соборъ, въ которомъ участвовали и три епископа Запад-

ной Церкви. Соборъ этотъ, разсмотрѣвъ притязанія папы, выраженныя въ его посланіи, объявилъ папу Николая недостойнымъ епископскаго званія и *отлучилъ его отъ церковнаго общенія.*—Вслѣдъ за симъ Фотій написалъ свое знаменитое окружное посланіе къ другимъ Восточнымъ патріархамъ, въ которомъ обличалъ незаконныя притязанія папы и указалъ на допущенныя въ Западной Церкви отступленія отъ православія. Самымъ важнымъ отступленіемъ было прибавленіе къ символу вѣры, въ осьмомъ членѣ, лишняго слова «Filioque», и выраженное въ этой прибавкѣ ученіе объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Эта произвольная прибавка къ символу возникла еще въ VI-мъ вѣкѣ, на помѣстномъ соборѣ Испанской Церкви въ г. Толедо, когда принимали христіанство Вестъ-Готы, завоевавшіе Испанію. Дабы предохранить ихъ отъ аріанства, раздѣлявшаго по естеству лица Св. Троицы, измыслили эту прибавку для лучшаго изъясненія догмата; но оказалось, что она подавала поводъ къ новымъ еретическимъ толкованіямъ. Вселенскіе же соборы утвердили единожды навсегда догматъ о Св. Троицѣ и положили оставить изложеніе его неизмѣннымъ, дабы не возбуждались новыя лжетолкованія. Въ Западной Церкви распространилась Испанская прибавка къ символу, и нововведеніе это было принято ею какъ догматъ; но его не могла принять православная Восточная Церковь: она осталась вѣрна ученію вселенскихъ соборовъ. Кромѣ этого отступленія Фотій обличилъ въ Римской Церкви и многія другія.

Такъ положено было начало раздѣленія Римской Церкви съ Восточною православною. Раздѣленіе это прискорбно для всякаго вѣрующаго христіанина, и православная Церковь молится о прекращеніи онаго—да бу-

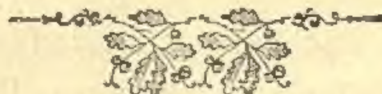
детъ въ Церкви Христовой единое стадо и Единый Пастырь. Но она твердо вѣруетъ въ *Единаго Пастыря и Единую Главу Церкви—Господа Іисуса Христа,* и не можетъ признать непогрѣшимымъ, и намѣстникомъ Его для всей вселенной, предстоятеля Римской Церкви.

Итакъ, среди внутреннихъ бурь и волненій, въ виду опасности, грозившей со всѣхъ сторонъ, Православная Церковь сохранила въ чистотѣ и цѣлости святое ученіе христіанское. Отъ нея новые народы, народы Славянскіе, приняли святое сокровище вѣры, и приняли совершенно, безъ утайки и примѣси, приняли, по выраженію Апостола: *не аки слово человѣческо, но, якоже есть воистину, слово Божіе* (1 Солун. II, 13). Они искали себѣ свѣта на Востокѣ, и Церковь дала имъ Священне Писаніе, Богослуженіе на народномъ языкѣ, учила ихъ покоряться не личному произволу одного человѣка, какъ это дѣлалось на Западѣ, а слову Божію и неизмѣннымъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ.

Византія довершила свой трудный подвигъ: семь вселенскихъ соборовъ ясно выразили и утвердили ученіе Церкви и опредѣлили церковные обряды, какъ живое выраженіе церковнаго догмата.

Тогда приняла христіанство и Россія, которая должна была сдѣлаться самою могущественною изъ Славянскихъ державъ и самою вѣрною хранительницею ввѣренной ей истины. Она только-что начинала свое историческое существованіе, и вѣра христіанская легла глубоко въ основу всей ея народной жизни: быть народомъ христіанскимъ стало главнымъ ея стремленіемъ. Это выразилъ ясно еще первый ея лѣтописецъ, когда, исчисляя обычаи другихъ народовъ, говоритъ: *мы же единъ законъ имамы: елицы во Христа крестихомся, во Христа облекохомся.*

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

Изданіе К. П. Побѣдоносцева.

Продается въ Сѵнодальныхъ книжныхъ лавкахъ.

Цѣна **75** коп.

2007097065